

45

СЕРГЕЙ  
ЖОГОЛЬ

# КРЕСТОВСКИЙ ДУШЕГУБ



# Annotation

Странное событие привлекло внимание оперативников послевоенного Пскова. Среди белого дня в городском парке пенсионер признал в проходящем мимо милиционере переодетого фашистского палача и пытался его задержать. Милиционеру удалось скрыться, а пенсионер скончался на месте от сердечного приступа. Сыщики в недоумении: неужели опасный военный преступник, которого они разыскивают вот уже несколько лет, объявился в их городе? Следствие поручено капитану Павлу Звереву по прозвищу «Зверь». На счету бесстрашного опера десятки раскрытых преступлений. Но на этот раз ему предстоит поединок не с отможенными уголовниками, а с кадровым офицером СС, руки которого по локоть в крови...

- [Сергей Жоголь](#)
  - 
  - [Часть первая](#)
    - [Глава первая,](#)
    - [Глава вторая,](#)
    - [Глава третья,](#)
    - [Глава четвёртая,](#)
  - [Часть вторая](#)
    - [Глава первая,](#)
    - [Глава вторая,](#)
    - [Глава третья,](#)
    - [Глава четвёртая,](#)
    - [Глава пятая,](#)
  - [Часть третья](#)
    - [Глава первая,](#)
    - [Глава вторая,](#)
    - [Глава третья,](#)
    - [Глава четвёртая,](#)
  - [Часть четвёртая](#)
    - [Глава первая,](#)
    - [Глава вторая,](#)

- [Глава третья,](#)
- [Часть пятая](#)
  - [Глава первая,](#)
  - [Глава вторая,](#)
  - [Глава третья,](#)
  - [Глава четвёртая,](#)
- [Часть шестая](#)
  - [Глава первая,](#)
  - [Глава вторая,](#)
  - [Глава третья,](#)
  - [Глава четвёртая,](#)
- [Часть седьмая](#)
  - [Глава первая,](#)
  - [Глава вторая,](#)
  - [Глава третья,](#)
  - [Глава четвёртая,](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)

- [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)
  - [37](#)
-

## Сергей Жоголь

### Крестовский душегуб

*г. Псков, послевоенные годы...*

Когда дежурный по Управлению доложил Корневу о странном происшествии, произошедшем на площади Жертв Революции, начальник псковской милиции вздрогнул и тут же принялся энергично хлопать себя по карманам.

– Вы же бросили, товарищ подполковник, – осмелился подсказать дежурный.

– Что? – не понял Корнев.

Вытянувшись в струнку, старший лейтенант громко по-военному выкрикнул:

– Курить, говорю, бросили!!! Уже год как не курите! Сами же говорили, помните?

– Помню?.. – Корнев снова вздрогнул и вдруг разом пришёл в себя. Его брови сдвинулись, щёки стали надуваться. – Конечно, помню! Только вот в твоих комментариях, старлей, я не нуждаюсь. Тебе вообще кто позволил орать в моём кабинете?

Дежурный побледнел:

– Виноват! Не подумал...

– Очень плохо, что не подумал! Кто занимается этим делом?

– Шувалов! – отчеканил дежурный.

– Ко мне его! Срочно! И ещё... – Корнев снова резко поник, что-то пробубнил себе под нос, потом, налив из стоявшего на столе графина полный стакан воды, сделал несколько глотков. – Немедленно отыщите мне Зверя!

*Пятью часами ранее на площади...*

Несмотря на прошедший ночью дождь, на небе не осталось ни единой тучки, а солнце светило так ярко, что Дудукин, пройдя метров сто, уже пожалел, что не надел свою любимую серую панаму. До парка было рукой подать, поэтому Семён Семёнович не стал возвращаться, понадеявшись, что с лёгкостью найдёт себе местечко в тени. Выйдя так рано утром из дома, Дудукин пребывал в отличном расположении

духа. Накануне он посетил своего лечащего врача, и тот заверил старика, что сердце у него работает как часы, на всякий случай прописал какую-то микстуру и порекомендовал больше бывать на свежем воздухе. Так что сегодня, несмотря на перенесённый недавно обширный инфаркт, Семён Семёнович был спокоен и бодр как никогда.

Тяжело опираясь на трость, Дудукин в течение пяти минут добрался до своего излюбленного сквера. Он прогулялся до газетного киоска, купил «Правду» и занял место на одной из свободных скамеек в теньке. Водрузив на нос очки, Дудукин прочитал статейку о расстреле Михáйловича<sup>[1]</sup> и его сподвижников в Югославии и что-то ещё – про успехи тружеников страны в сельском хозяйстве и их новаторских методах по выращиванию сахарной свёклы. Когда глаза устали, Дудукин снял очки, отложил газету и отчего-то вдруг принялся вспоминать прошлое.

До революции здесь был обыкновенный базар. Площадь называлась Сенной, потому что здесь торговали углём, дровами и сеном. Днём тут всегда было многолюдно и суетно, а к вечеру площадь преображалась и скорее напоминала вытоптаный захламлённый пустырь. В двадцатом здесь высадили деревья, а спустя три года это место стали именовать площадью Жертв Революции.

В послевоенные годы площадь преобразилась. Деревья разрослись, а газоны в жаркое летнее время покрывались пышной и сочной зеленью. Однако Семён Семёнович любил это место вовсе не потому, что его как-то особо привлекали чистый воздух и восхитительные местные ландшафты. Он любил прогуливаться в этом сквере в первую очередь не потому, что тот находился в пяти минутах ходьбы от его дома, а из-за того, что Семён Семёнович считал своё присутствие здесь своеобразной данью памяти погибшим героям. Ведь именно здесь в годы Гражданской вояки батьки Балахóвича<sup>[2]</sup> проводили массовые казни большевиков, а Семён Семёнович вполне заслуженно считал себя настоящим революционером-ленинцем.

Он родился в семьдесят восьмом в крестьянской семье, в маленькой деревеньке под Псковом; в семнадцатом покинул родные места и без колебания вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, но повоевал недолго и после ранения поселился в Пскове.

Здесь он долгое время проработал технологом на швейной фабрике «Славянка», здесь же пережил и немецкую оккупацию.

Здесь, в восемнадцатом, Семён Семёнович встретил Варвару Ивановну Елисееву – единственную свою любовь. Спустя три месяца они поженились.

Брак Семёна Семёновича с Варварой Ивановной можно было бы назвать удачным, вот только он не принёс обоим особого счастья. Они и прожили душа в душу почти четверть века, но так и не заимели детей. И Варвара, и сам Семён Семёнович предполагали, что виной тому была его старая рана в живот, полученная им в Гражданскую, но в семье это не обсуждалось. Накануне захвата города гитлеровцами Дудукин отправил Вареньку к родственникам в Ленинград, а сам остался в городе.

В сорок третьем Варвара Ивановна вместе со своей младшей сестрой и всем её семейством погибла при очередной бомбёжке города на Неве.

В очередной раз отогнав грустные воспоминания и смахнув со щеки скупую мужскую слезу, Семён Семёнович огляделся.

Сегодня на площади было немногочленно. Неподалёку в тени разросшегося клёна две молоденькие дамочки в ситцевых платьях и кружевных шляпках о чём-то увлечённо болтали, совсем не замечая того, что один из их детишек, толстенький карапуз лет четырёх, рвёт с газона траву и пытается накормить ей другого малыша – помладше, сидящего в коляске.

Напротив беспечных мамаш и их детей, тоже на лавочке сидели: очкастый парень в мешковатом костюме и хрупкая девушка в плиссированной юбке в горошек. Молодые люди тоже о чём-то оживлённо говорили, пили лимонад, не отрывая друг от друга глаз. Чуть дальше, за разросшимся кустом сирени, у лотка с мороженым, сидела на раздвижном стульчике довольно толстая продавщица и клевала носом. Вдалеке у фонтана пожилая парочка кормила голубей.

Семён Семёнович собрался уже было возвращаться домой, как вдруг его внимание привлёк мужчина в милицейской форме, который быстрым уверенным шагом шёл по дорожке от фонтана в его сторону. Синий китель и фуражка с бирюзовым околышем, почти новые яловые сапоги. Дудукин рассматривал идущего с почтением и лёгкой завистью. Среднего роста, подтянут, уверенная походка. Семён

Семёнович водрузил на нос лежавшие на газете очки и смог чуть лучше рассмотреть мужчину в форме, и тут же обомлел: «Этого же не может быть!» Семён Семёнович сорвал очки, протёр их платком и снова надел.

Теперь у него уже не было сомнений – он узнал этого человека!

Семён Семёнович схватил лежащую рядом самшитовую трость и бросился наперерез идущему. Тот, увидав старика, немного замедлил ход.

Когда разъярённый и немного запыхавшийся от бега Семён Семёнович попытался треснуть милиционера тростью, тот ловко увернулся. Дудукин замахнулся снова, но мужчина перехватил руку старика, вырвал у него трость и отбросил её в кусты. Поняв, что самостоятельно победить в этой схватке он не сможет, Дудукин схватил милиционера за китель и заорал что есть мочи:

– Граждане, держите его! Держите этого мерзавца! Это же Крестовский душегуб! Это же он... Он – проклятый палач! Убийца!

– Успокойтесь! Успокойтесь же! – процедил сквозь зубы милиционер и попытался оторвать вцепившегося в него как клещ старика. – Вы меня с кем-то спутали.

Крики старика Дудукина лишь ненадолго привлекли внимание окружающих. Молодые мамы прервали свою беседу и в этот же момент увидели, чем занимаются их ненаглядные чада. Мамаши тут же принялись орать, выковыривать изо рта сидевшего в коляске ребёнка траву. До этого момента малыш казался вполне довольным, но ощутив внезапную «материнскую заботу», тут же разревелся. Молодые люди, сидевшие напротив раскричавшихся женщин и их детей, бросили лишь беглый взгляд на Дудукина и его неприятеля и стали смотреть на так внезапно переполошившихся женщин и их детей. Тучная продавщица мороженого словно очнулась ото сна и энергично принялась пересчитывать свой слегка подтаявший на солнышке товар. Старичок и старушка, стоявшие у фонтана, продолжали кормить голубей. Криков Дудукина и перепуганных женщин они, скорее всего, просто не услышали.

Дудукин же всё ещё голосил и с поразительной для его размеров и возраста силой продолжал держать своего противника. Не на шутку встревоженный милиционер тщетно пытался оторваться и успокоить старика, уверяя, что не знает никакого «душегуба». Когда



милиционеру всё же удалось оторвать от своего кителя одну руку Дудукина, тот вдруг пошатнулся и ослабил хватку. Пальцы старика разжались сами собой, он побелел, отшатнулся и стал медленно оседать на землю. Когда Семён Семёнович упал на колени, его лицо исказила гримаса боли. Теперь он уже не кричал, он шептал:

– Да как же так? Люди! Держите его! Держите же этого мерзавца, ведь это...

Не договорив, Семён Семёнович упал лицом вниз, а его недавний противник тут же опустил голову вниз и, не оглядываясь, поспешно покинул место разыгравшейся трагедии.

**Часть первая**  
**Зверь**

**Глава первая,**  
***в которой мы познакомимся с капитаном***  
***Зверевым и узнаем о его своеобразных***  
***отношениях с представительницами***  
***прекрасного пола и с руководством***

Крупный нос, толстые губы, глубоко посаженные глаза – никто на свете не назвал бы Пашу Зверева красавцем, однако тяжёлый, точно надгробная плита взгляд, выгнутые коромыслом брови и чуть выставленная вперёд мощная челюсть, которые порой заставляли его собеседников-мужчин чувствовать себя неуютно, для большинства женщин были точно магнит для канцелярских скрепок.

Зверев редко надевал форму и обычно одевался как герой иностранных кинолент. На службу он обычно носил пиджак с накладными карманами цвета кофе с молоком, широкие брюки и белую рубашку, которую дополнял тёмный галстук, завязанный виндзорским узлом. Сапог, которые носили большинство его современников в послевоенные годы, он тоже не признавал, предпочитая им ботинки из толстой поросычьей кожи. Однако если Паша Зверев одевался и выглядел как настоящий лондонский денди, манеры его не всегда соответствовали его облачению. Временами он был хамоват и даже откровенно груб, частенько распускал руки, причём не только тогда, когда имел дело с преступниками. Эта особенность Паши Зверева, разумеется, никак не способствовала его продвижению по служебной лестнице, однако его это заботило мало.

Как-то раз при задержании Павел Васильевич получил ножевое ранение в лицо. Шрам спустя какое-то время исчез, но лезвие повредило лицевой нерв, и с тех пор правая щека Зверева временами подёргивалась. Также из-за этого ранения Зверев, разговаривая, слегка поворачивал голову и смотрел на собеседника (или собеседницу) искоса, словно изучая собеседника. Возможно, именно из-за этой особенности его поведения некоторые женщины, увидев Зверева впервые, тут же начинали чувствовать себя напряжённо, а в итоге надолго теряли сон и покой. Короче говоря, приятели называли Павла

Васильевича Зверем из-за его фамилии, недруги из-за его жёсткой манеры общения, что же касается женщин, то большинство из них считали этого грубияна «зверем» очаровательным и чертовски милым.

Когда посыльный, поднявшись на третий этаж дома номер пять по улице Гоголя, принялся усердно барабанить в дверь, Павел Васильевич ещё нежился в постели. Была пятница, часы показывали половину девятого, а Зверев приходил на работу вовремя только по вторникам, когда его старый друг и непосредственный начальник подполковник Корнев проводил еженедельные совещания с начальниками отделов.

Однушка с кухней и санузелом, где обитал Паша Зверев, была получена им сразу после войны. Квартира была маленькой, но выглядела довольно уютной. Здесь было всё необходимое: прочный стильный диван; шкаф, полностью забитый книгами, и комод, на котором стояли новенький патефон и настольные часы из дерева с латунной фурнитурой и маятником. Стены были увешаны картинами, на подоконнике стояли горшки с цветами. Впервые оказавшись здесь, незнающий человек никогда бы не подумал, что это квартира убеждённого холостяка.

Услышав стук, Зверев встал, на ходу заглянул в ванную и увидел там полуобнажённую Зиночку: на женщине были лишь кружевные трусики и бюстгальтер. Она стояла перед зеркалом и, что-то тихо напевая, расчёсывала волосы. На Зверева Зиночка даже не посмотрела. Тот почесал подбородок, покачал головой и не спеша направился к двери.

– Чего так грохочешь? Жить надоело? – резко распахнув дверь, прорычал Зверев молотящему дверь посыльному.

– Никак нет! Велено явиться!

– Велено? Словечко-то какое... – Зверев потянулся и протёр глаза. – Кем это велено?

– Подполковник Корнев приказал! Сказал, что срочно!

Зверев зевнул и бегло оглядел незваного гостя. Высокий, фуражка набок, ремни портупеи ослаблены. «Эх, видел бы тебя наш Стёпка, – подумал Зверев, глядя на парня. – Не помню этого субъекта, видать, новенький».

– Всё? – Зверев прочесал подбородок и попытался закрыть дверь.

Посыльный, совсем осмелев, тут же сунул в дверной проём ногу, вытянул шею и посмотрел вниз. У самого порога на плетёном коврике



стояли лакированные женские туфли, тут же рядом на тумбочке красовалась изящная соломенная шляпка с бежевым бантом. Посыльный понимающе хмыкнул:

– Бурная ночка, товарищ капитан?

– А ты, я вижу, любопытный?

– В нашей работе без этого нельзя, сами же знаете! – сержант сдвинул на затылок фуражку.

– Откель же ты такой пряткий, детинушка?

Сержант не растерялся и ответил в том же стиле:

– Так ведомо откель – из Управления!

– Понял я, что из Управления. Подразделение какое?

– Так из дежурной части мы! Вот оно как.

Зверев снова почесал подбородок, сержант насторожился.

– Копыто убери! – прошептал Зверев и слегка подался вперёд.

– Так вы едете или нет? – парень чуть отступил, но ноги из прохода не убрал.

– Сейчас соберусь и приеду.

– Так я вас подожду?

– А на кой ляд ты мне сдался? – Зверев снова зевнул.

– Так я ж на машине!

– Вон оно как? Корневу так приспичило, что он даже машину выделил! Звать-то тебя как, чадушко?

– Не такое уж и чадушко. Четверть века надясь разменял!

– А звать-то тебя как?

Сержант продолжил в том же ключе:

– Зовусь я младшим сержантом Костиным. Честь имею, товарищ капитан! Костин Вениамин Петрович!

– Венечка, значит!

Брови парня выгнулись.

– Не Венечка, а Вениамин!

– Ах, вон оно что... Наглый, но гордый! Запомни, паря, если прикажу, будешь не только Венечкой, но и Веником!

– Это мы ещё поглядим, – обиженно буркнул сержант.

– Ладно, жди!

Зверев захлопнул дверь и крикнул всё ещё сидевшей перед зеркалом Зиночке:

– Визит окончен, солнце моё! Проваливай, меня начальство вызывает!

Зиночка, давно уже привычная к подобным выходкам Зверева, всё же принялась голосить:

– Что значит проваливай? Не видишь, мне нужно привести себя в порядок? Мне нужно ещё как минимум полчаса...

– У тебя пять минут! Если не уложишься, будешь приводить себя в порядок на лестничной площадке. И кстати, мне самому нужна ванная, так что ступай в комнату и продолжай свой туалет там! – Зверев ухватил женщину за плечи, чмокнул в темечко (Зиночка была невысокого роста) и, отстранив в сторону, вошёл в ванную.

– Что? Ах ты... Мерзавец! Хам! Со мной ещё никто так не поступал! Сволочь! Какая же ты сволочь, Зверев! Ноги моей у тебя больше не будет! – доносилось из-за двери, когда Зверев включил воду.

\* \* \*

Кабинет начальника милиции был не просто просторным – он был огромным. Посредине стоял дубовый стол с витиеватыми ручками, на столе, помимо настольной лампы, печатной машинки и телефона, лежал лишь Уголовный кодекс и фотография темноволосой женщины с двумя детьми. На одной из стен висела карта СССР, у другой, как раз под портретом Сталина, стоял небольшой кожаный диван красного дерева. Над дверью висели массивные часы. Корнев сидел за столом, уткнувшись в бумаги.

Войдя в кабинет, Зверев, вместо более уместного «Здравия желаю!», буркнул лишь короткое: «Привет!» и развалился на диване:

– Есть хочу, аж скулы сводит! У тебя там кусочка сала не завалилось?

– А тебя что же, краля твоя совсем не кормит?

Зверев ухмыльнулся:

– Вот же засранец! Уже успел настучать!

– Ты это о чём?

– Да о твоём посыльном. Вениамином Петровичем себя величает...

– Чего???

– Костин... Точно... Костин его фамилия! Любопытный такой гад, всюду нос суёт, а сам сразу же... – Зверев постучал по подлокотнику.

– Ты про того парня, которого за тобой отправили? Он-то тут причём? Ничего он мне не докладывал! – хмуро ответил Корнев.

– А если не он доложил, то кто? – не унимался Зверев.

– Да никто! Я ж тебя сколько лет знаю? Если ты спишь до обеда, значит, опять бабу к себе приводил! Тут и докладчиков никаких не требуется.

– Вон как значит!

Зверев тоже жил в собственной отдельной квартире, но в отличие от Корнева, его постель постоянно кем-то подогревалась.

– Так ты дашь пожрать или нет?

– Обойдёшься! Да и нет у меня ничего...

– С каких таких пор?

– А с таких!.. Хватит уже в кабинете тараканов разводить!

– Ну ты и жлобьяра! Раз так, тогда говори быстрее, чего звал, да я обедать пойду!

Корнев отложил в сторону лежащее перед ним дело, достал из кармана платок и, вытерев лоб, заговорил:

– Ты слышал когда-нибудь о «Крестовском душегубе»?

Зверев достал из наружного кармана зубочистку и принялся вычищать грязь из-под ногтей.

– Слышал... и что? Ты же сам мне про него рассказывал, и не раз.

– В самом деле? – Корнев встал, подошёл к окну и снова принялся ощупывать собственные карманы.

– Если хочешь курить, то меня не проси, – небрежно бросил Зверев. – Сам же сказал, что завязал – значит будь мужиком и терпи.

– А ты не оборзел? – всё-таки не выдержал Корнев, но тут же сник и вернулся на своё прежнее место.

– Табак курить – здоровье губить! – нравоучительным тоном продекламировал Зверев. – Сам же сказал, что медики строго-настрого запретили тебе притрагиваться к папиросам из-за твоей разбушевавшейся язвы.

– Плевал я на язву! – со злостью процедил Корнев. – Я Нине обещал, когда она меня на фронт провожала, что когда кончится война – брошу.

– Вон оно что! А раньше ты мне этого не говорил. Но ведь пепельница у тебя есть! Я это точно знаю. – Зверев вынул из внутреннего кармана пиджака портсигар, закинул в рот папиросу и чиркнул спичкой. – Где она, кстати?

– Ну ты и сволочь, Зверев! – процедил Корнев и распахнул окно.

– Мне все такое говорят! – усмехнувшись, заявил Зверев и выпустил ртом несколько дымных колец. – Так мне что, на пол стряхивать?

Корнев подошёл к столу, открыл ящик и поставил на стол небольшую хрустальную пепельницу.

– Держи, мерзавец! Ты у нас хуже фашиста!

Зверев поднялся, ухватил один из стульев, стоявших у стены, и пересел за стол.

– Напрасно ты так. Забота о твоём здоровье не входит в мои обязанности, но как друг, я обязан тебя сдерживать, – Зверев снова выпустил колечко дыма. – Так чего звал-то? Говори быстрее про своего «душегуба», а то у меня своих дел по уши.

Корнев снова уселся за стол и принялся барабанить пальцами по столешнице.

– Может я тебе это всё уже и рассказывал, – возбуждённо продолжил Корнев. – Но не грех будет и повторить! «Крестовским душегубом» называли заместителя начальника зондеркоманды СС 11-д – Дитриха Фишера. Этот мерзавец повинен в гибели сотен невинных людей. Начальником зондеркоманды был некто Хьюго Зиверс, он проводил опыты над людьми и даже получил патент на изобретение какой-то дряни, которой смазывал губы детям, и они мгновенно умирали. Помимо всего прочего, в сорок третьем проводил он массовые казни в концентрационном лагере в местечке Кресты у нас под Псковом. В сорок пятом Зиверс был захвачен американцами, узнав о том, что будет передан русским, покончил с собой в камере, использовав свой препарат, секрет изготовления которого унёс с собой в могилу. Фишер же, после освобождения нашими Пскова, исчез из поля зрения органов. Ныне разыскивается как военный преступник.

Зверев загасил окурок о пепельницу и вставил:

– Я слышал, что этот Фишер тоже не был паинькой.

– Всё верно. Дитрих Фишер – правая рука Зиверса, оберштурмфюрер СС! Не только отправлял людей в газовые камеры,



но ещё и издевался над ними, перед тем как умертвить, – дополнил Корнев.

– Всё ясно, и что же ты мне жаждешь сообщить? Этот мерзавец где-то объявился?

Корнев снова вскочил и принялся, размахивая руками, ходить туда-сюда.

– Сегодня в сквере на площади Жертв Революции на глазах у нескольких свидетелей один старик набросился на проходящего мимо милиционера. Завязалась потасовка, после чего у старичка стало плохо с сердцем, и он упал замертво.

– А что милиционер?

– Оставил старика умирать и скрылся!

– А старика точно не грохнули?

– Все признаки указывают на остановку сердца, но результатов экспертизы пока ещё нет.

Зверев почесал подбородок, уселся на стул и закурил новую папиросу:

– Лица милиционера конечно же никто не разглядел?

– Какой же ты догадливый! Свидетелей пятеро, четверо из них женщины: две ни черта не смыслят в знаках различия; третья говорит, что это был старшина; четвёртая вообще называет его капитаном. Запомнили только форму!

Корнев хлопнул ладонью по столу, в отчаянии закусил губу. Зверев спросил:

– А мужчина? Ты сказал, что был пятый свидетель, и это была не женщина!

– Студент строительного института! У парня проблемы со зрением, и он, когда начался весь переполох, как назло, уронил очки!

– Я всё понял, но при чём здесь Фишер?

– А притом! Хоть этот студент и слепой, но со слухом у него всё в порядке. Он один расслышал всё то, что выкрикивал умерший старикан. Тот называл нашего таинственного милиционера убийцей и несколько раз повторил фразу: «Крестовский душегуб!»

– А в госбезопасности что по этому поводу говорят?

– Я не хочу, чтобы они лезли в это дело, да и что мы им предъявим? Старик, по всем признакам, умер собственной смертью. То, что милиционер не оказал помощи пострадавшему, их вряд ли

заинтересует, а мы наживём себе проблемы! Только то, что наш слепой студент что-то там эдакое услышал и всё... Я хочу сам со всем разобраться, не привлекая лишних глаз и ушей. Поэтому я хочу, чтобы ты оставил все дела и занялся поисками этого таинственного милиционера.

Зверев помрачнел, он прекрасно знал, что жена и два сына Корнева были казнены немцами в сорок третьем именно в Крестах. У Стёпки с этим Фишером личные счёты, а значит, плевал он на всех, в том числе и на чекистов. Теперь не уймётся, пока не достанет этого фрица.

Догадка Зверева тут же подтвердилась. Корнев схватил Зверева за плечи:

– Паша, может всё это и бред, но это мой единственный шанс поквитаться за Ниночку и ребят! У госбезопасности и без нашего Фишера забот хватает. У них сейчас одни «лесные братья»<sup>[3]</sup> на уме! Найди его, слышишь! Прошу тебя, найди!

Зверев высвободился из объятий, кивнул и спросил:

– То есть? Если что... – Зверев чиркнул ногтем большого пальца по горлу.

– Я на этом не настаиваю, хотя... Или ты к такому не готов?

– Перестань!

– Мне не важно, кто поймает Фишера, мы или МГБ<sup>[4]</sup>, главное, чтобы Фишер понёс заслуженное наказание!

– Всё ясно! Кто расследует дело?

– Шувалов! Он уже кое-что накопал, но с этого момента расследование должен возглавить ты!

– Тьфу ты! – Зверев покачал головой. – Ты хочешь, чтобы я вырывал кусок мяса из зубов бешеной собаки?

– Ты о чём? – воскликнул Корнев. – Вообще-то Шувалов лучший следователь в Управлении!

– Зануда и брюзга! Этот вечно недовольный индюк всех кроме себя считает идиотами. Этот умник взвоят, когда такого как я поставят ему в начальники. Я же простой опер.

– Хочешь, чтобы я передал это дело другому следователю?

Зверев отмахнулся:

– Оставляй его! Не факт, что с другими мне будет легче. От Витьки я хотя бы знаю что ждать.

Корнев насторожился:

– Ты только это... без своих штук! Постарайся найти с ним общий язык, ну и... поделикатней всё сделай.

– Деликатность моё второе имя, Стёпа! – рассмеялся Зверев. – Ты же понимаешь!

– Да уж...

– Всё сделаем в лучшем виде!

– Тогда приступай! И ещё раз прошу...

Похлопав подполковника по плечу, Зверев прогундил:

– Не переживай! Если наш «душегуб» вернулся в город, я его найду и сделаю всё в лучшем виде!

Когда Зверев вышел из кабинета, Корнев снова начал шарить по карманам, потом, опомнившись, воскликнул:

– Я на это надеюсь! Знал бы ты, как надеюсь!

\* \* \*

Паша Зверев и Стёпа Корнев знали друг друга ещё с малых лет, ведь они оба когда-то были воспитанниками сиротского приюта на Интернациональной. Степан осиротел ещё в седьмом, когда ему стукнуло четыре. Отец Павлика погиб в Первую мировую под Ровно, а в восемнадцатом, когда Паше исполнилось одиннадцать, его мать умерла от тифа. Именно тогда паренёк и попал в казённое учреждение на улице Интернациональной.

С первых же дней пребывания в приюте Пашка Зверев, который в отличие от большинства попавших в эти стены ребят ни от кого не шугался, любил шутить – одним словом, вёл себя дерзко и неподобающе. При этом он не признавал авторитетов и всегда держался особняком. За это трое «старожилов» как-то решили проучить строптивного новичка. Они окружили Пашу на мойке в столовой и предложили помыть за ними посуду. Паша отказался, тогда один из ребят назвал его «босотой» и плюнул парню в лицо. Паша ударил обидчика кулаком в нос. Хлынула кровь, мальчишка заорал как сумасшедший, а двое его приятелей сбили Пашку с ног и принялись изо всех сил пинать бедолагу ногами. Прежде чем первый заводила пришёл в себя и присоединился к приятелям, всё это увидел зашедший

на пищеблок Стёпа Корнев. Степан, который был гораздо старше дерущихся ребят и очень не любил несправедливость (это как же – трое на одного!), бросился вперёд и раскидал нападавших в стороны. Задиры тут же разбежались, а вот Пашу пришлось ещё долго успокаивать. Весь грязный, в разорванной рубаше, он грязно ругался и грозил обидчикам неминуемой расправой. Чтобы успокоить разъяренного не на шутку паренька, Степан отвесил Пашке затрещину и строгим тоном велел привести себя в порядок. На удивление, тот лишь сверкнул глазами, тут же притих, вытер капающую из носа кровь и направился к умывальнику. Когда, стуча зубами от холода (вода была ужасно холодной), Пашка принялся смывать текущую из носа кровь, Степан сказал:

– Если будут снова доставать, обращайся!

Громко шмыгнув окровавленным носом, Пашка хмыкнул:

– Мы так-то сами с усами! Спасибо, конечно, но и без вас справимся!

– Не сомневаюсь! Но всё-таки... – усмехнулся Степан. – Ладно, босота, бывай! Надумаешь, так обращайся.

Пашка нахмурился, вспомнив недавнюю драку:

– Вообще-то, именно за «босоту» я тому рыжему в шнобель двинул!

Степан покачал головой и спросил строго:

– И что с того?

Пашка пожал плечами, потом улыбнулся уже беззлобно.

– Не бойсь! Тебя за это слово бить не стану!

Степан рассмеялся. Пашка вслед за новым товарищем тоже улыбнулся.

С тех пор Корнев стал для Паши Зверева единственным человеком, которого он хотя бы мало-мальски, но уважал и в шутку называл «заступничком».

После этого случая воспитатели детского дома на Интернациональной столкнулись с одной маленькой проблемой – Павлик Зверев отловил своих обидчиков поодиночке и так их отделал, что двое из них попали в больницу, а третий едва не лишился глаза, и ему пришлось зашивать веко. В то время бить детей уже было запрещено, поэтому Пашку просто пропесочили на общем собрании и исключили из пионеров. Паша не особенно опечалился случившимся,



и с тех самых пор его стали называть Зверем уже не только из-за фамилии.

\* \* \*

После детдома Зверев вслед за Степаном Корневым поступил в Томскую школу милиции. В органах они сдружились ещё больше, вместе раскрыли несколько по-настоящему крупных дел, потом началась война.

Два бывших приятеля-детдомовца после нападения Германии на СССР почти сразу же написали заявления и ушли на фронт. Однако воевали они на разных направлениях и по-разному. Корнев начал войну на Северо-Западном, прошёл всю войну, которую закончил в должности командира батальона, трижды был ранен и вернулся домой кавалером двух орденов. Только тут он узнал, что его жена и двое сыновей были казнены в немецком концлагере ещё в сорок втором.

Зверев воевал на юге, где командовал пехотным взводом в ходе первой обороны Ростова. Получив лёгкое ранение в плечо, он попал в госпиталь и тут же угодил в неприятную историю. Случилась потасовка, и было серьёзное разбирательство.

В протоколе допроса было сказано, что Зверев вероломно напал на подполковника, политрука дивизии, и сломал ему руку. В расследовании это не фигурировало, но истинной причиной конфликта стало то, что подполковник застукал в объятиях Зверева одну из своих так называемых «полевых жен».

Зеленоглазая медсестра, обслуживавшая палату, в которой лечился Зверев, тут же привлекла внимание «беспокойного» пациента. Зверев в первую же ночь пребывания на лечении сбежал и умудрился где-то добыть цветов (а ведь дело было в ноябре). Вручив девушке букет, Зверев начал с медсестрой оживлённую беседу и вскоре очутился с ней в подсобке. В это самое время в госпиталь заявился слегка подвыпивший политрук, которому зеленоглазая красавица-медсестра, как выяснилось позднее, уже довольно долгое время периодически грела койку.

Когда разъярённый политрук ворвался в подсобку и увидел творившееся там «безобразия», он начал орать и вцепился в горло

Звереву, нисколько не опасаясь последствий. Звереву грозил штрафбат, но началось очередное наступление, дело пустили на самотёк. Подполковника отчитали, медсестру перевели в другой госпиталь, а Зверева экстренно выписали, после чего тоже перевели на другой фронт.

Закончил Зверев войну в должности командира взвода разведки, получив за свои заслуги парочку медалей, с тем и возвратился в свой родной город Псков, вернулся в органы, где уже был и Степка Корнев.

В отличие от своего беспечного приятеля, который не пропускал ни одной юбки, Степан Ефимович Корнев после смерти жены и детей совсем не общался с женщинами. Погрузившись в своё горе, он полностью ушел в работу. Некогда зеленоглазый красавец, симпатяга и весельчак, за пару лет Корнев поправился и обрюзг. Он так и не мог забыть свою Ниночку и ребят, и в душе то и дело корил Пашку Зверя за его распутную натуру. На фронте, закалившись в боях, Степан Ефимович несколько утратил свою былую оперативную хватку, зато стал настоящим солдафоном и умел практически любого поставить на место или осадить. Корнев рвался вверх и стремился преуспеть на службе. Зверев же, напротив, жил одним днём и брал от жизни всё, что только мог. Может быть, именно поэтому Зверев так и остался простым опером, а Стёпка Корнев пошёл вверх по карьерной лестнице и вскоре занял пост начальника милиции.

Получив подполковника, Корнев знал, что это не предел, и по-прежнему изо всех сил стремился вверх. Он держал всю псковскую милицию в «железном кулаке», поэтому в Управлении его боялись все!

*Все, кроме Зверя!*

**Глава вторая,**  
***в которой Зверев налаживает***  
***«взаимоотношения» со следователем, после***  
***чего докладывает о проделанной работе***

Выйдя из кабинета начальника, который находился на третьем этаже, Зверев первым делом на цыпочках подкрался к хорошенькой секретарше Корнева Леночке Спицыной и нежно ухватил её локоток. Леночка выронила модный журнал, который всё это время читала, завизжала и нанесла Звереву деревянной линейкой самый мощный удар, на который была способна, с учётом её хрупкой конституции. Леночка оживлённо жестикулировала и что-то кричала, но Павел Васильевич не стал слушать гневные речи девушки и, мужественно стерпев боль, не менее мужественно ретировался. Он сбежал на первый этаж, заглянул в медкабинет, «слёзно» умолял начальника медсанчасти Карена Робертовича Оганесяна дать ему консультацию относительно заключения о причинах смерти старика Дудукина. После этого Зверев направился в архив.

Здесь с помощью нескольких изысканных комплиментов Павел Васильевич едва не довёл до полного душевного истощения архивариуса Эмилию Эдуардовну, вечно молодящуюся женщину лет сорока девяти (предварительно оторвав её от очередного чаепития). Сначала Зверев заявил женщине, что надетая на ней блузка очень подходит к её фиалковым глазам, а потом Зверев поинтересовался, как она собирается спастись от всех приставучих мужчин, которые работают в Управлении. Услышав такое, Эмилия Эдуардовна беззвучно рассмеялась, манерно прикрыв рот ладошкой, и пообещала отбросить свои неотложные дела и поискать в архиве данные на всех тех, кто так или иначе был связан с немецким концлагерем в Крестах. Галантно поцеловав даме ручку, Зверев вышел из архива и направился к выходу. Путь его вёл в находящуюся в одном квартале от Управления столовую авторемонтного завода.

На большинстве предприятий города зарплату рабочим выдавали продуктовыми карточками, но руководство авторемонтного завода

решило для меньшего отрыва от производства обеспечить своих работников недорогим и удобным общепитом. Одно из близлежащих заброшенных зданий было приведено в порядок, и в нём вскоре заработала заводская столовая, в которой в основном питались именно рабочие, потому что часть зарплаты работникам стали выдавать талонами на питание. Хотя питаться в столовой для работников завода и было экономически выгодно, но люди по старой памяти ещё не желали перемен. Рабочие обменивали свои талоны на карточки, деньги и какое-нибудь дефицитное барахло. Многие работники Управления милиции охотно меняли свои карточки на талоны и с превеликим удовольствием посещали близлежащий к их месту работы общепит. Зверев не был исключением.

Подойдя к зданию столовой, Зверев увидел нескольких работяг, которые курили возле входа и довольно громко обсуждали последний футбольный матч местной сборной с новгородской командой «Красный керамик». У входа в подсобку, рядом с мусорным контейнером, местная уборщица – пожилая женщина в грязном сером халате, которую завсегда в столовой обычно называли бабой Галей, расстелив на земле бумажный пакет, высыпала на него целую гору костей. На «лакомство» тут же налетела целая свора облезлых разномастных псов. Одной из дворняг, самой маленькой собачонке с оторванным ухом, похоже, совсем ничего не перепало. Собачка тыкала носом в расстеленный на земле пакет и слизывала с него жир. Баба Галя покачала головой, потрепала голодную псину за холку, вынула из кармана пряник и бросила его собаке.

Миновав куривших «любителей» футбола, Зверев зашёл в столовую.

Неказистые деревянные столы на шесть человек, расшатанные от времени лавки и неизменный бюст Ленина у стены. Встав в общую очередь, Зверев оглядел зал.

В самом углу, за одним из столиков, согнувшись, сидел довольно рослый мужчина. На нём был серый пиджак, чистая рубаха тёмно-синего цвета, наглаженное армейское галифе и начищенные до блеска яловые сапоги. Взгляд – цепкий как репей, коротко стриженные виски, в аккуратной испанской бородке пробивается седина; старшему следователю Виктору Шувалову было под пятьдесят, но на пенсию он пока не спешил. В Управлении его не любили и за глаза называли

«брюзгой». Он старался избегать общих мероприятий и гулянок, а если и приходил на них, то с первых же минут начинал выказывать своё недовольство тем, что происходит вокруг, или жаловался на всех и вся: то на свою старуху-соседку, которая держала целую ораву кошек, из-за чего провонял весь дом; то на собственную жену, которая совсем не умела готовить; то на кого-нибудь ещё.

«Похоже, нормально поесть не удастся, – усмехнулся про себя Зверев. – Что ж, значит, прямо сейчас будем выстраивать отношения с будущим коллегой».

Отстояв небольшую очередь, Зверев взял молочную лапшу – одно из двух первых блюд, которое здесь подавали, макароны с котлетой, пирожок с капустой и компот. После этого он прошёл через весь зал и, не спрашивая разрешения, уселся за стол, за которым сидел Шувалов. Перед тем на столе стояла тарелка с остатками щей, отварная картошка и шницель. И без того кислое выражение лица Шувалова, когда он понял, что Зверев собирается к нему подсесть, стало ещё кислее.

– Здорóво! – беззаботно кинул Зверев, и не подумав протянуть руки. – Чего рожа такая недовольная? Жена не дала?

Шувалов едва не подавился и начал краснеть. Зверев как ни в чём не бывало продолжал:

– Зря подливку не взял! Шницель здесь сухой как подошва, без подливки им подавиться можно. Тут однажды какой-то работяга тоже шницель ел, так подавился, стал хрипеть, а потом его вывернуло прямо под стол. Серьёзно тебе говорю, я своими глазами видел! – Зверев взял ложку и принялся за лапшу.

Шувалов вытянулся.

– Решил аппетит мне испортить? Тебе вообще чего надо? – процедил он с набитым ртом, перестав жевать.

– А вот щи здесь неплохие, но я их тоже никогда не беру! – проигнорировав вопрос, Зверев непринуждённо продолжал беседу. – А знаешь, почему? Потому что капусту, из которой их варят, возят из соседней воинской части. Солдатики её сапогами мнут в огромной такой яме. Опустят в эту яму двух-трёх проштрафившихся, вот они с утра до ночи в той яме и топчутся. Ой... прости! Забыл пожелать приятного аппетита.

Шувалов округлёнными глазами посмотрел на свои недоеденные щи и положил на стол ложку. «Похоже, он всё и впрямь это

представил, – мелькнуло в голове у Зверева, – посмотрим, что будет дальше».

– Ну ты и сволочь, Зверев! – процедил Шувалов. – Мало того, что тебя ко мне надзирателем приставили, чтобы ты мне палки в колёса совал, так ты мне ещё и жрать не даёшь. Валил бы ты отсюда!

– А если не свалю?

– Вали, пока я тебе холку не намылил!

Виктор Матвеевич Шувалов был гораздо крупнее Зверева, но того, видимо, это совсем не смущало.

– Многие пытались, да что-то не получилось! – сказал Зверев и вдруг поменял тон. – Ладно, Витёк, хватит собачиться, нам ведь теперь с тобой вместе работать придётся!

– Какой я тебе Витёк?

– Уймись, дружище! – Зверев отломил от купленного им накануне пирожка половину и протянул собеседнику. – Вот возьми, угощаю.

Шувалов схватил пирожок и швырнул его в собеседника. Зверев резко увернулся, и пирожок ударился о стену. Зверев тут же швырнул в лицо следователя вторую половинку пирожка и попал прямо в лицо. Шувалов заревел, подскочил и ухватил Зверева за шею. Когда следователь рванул Зверева на себя, тот ударил противника по рёбрам. Удар был достаточно жёстким, Шувалов захрипел и немного ослабил хватку. Зверев тут же освободился от захвата, перехватил руку следователю и вывернул ему кисть так, что Шувалов согнулся и едва не угодил лицом в тарелку.

– Слушай сюда, Виктор Матвеевич! Я прекрасно понимаю, что не особо тебе нравлюсь, и что с того? Ты мне тоже, признаться, не особо симпатичен. Но нам с тобой теперь предстоит вместе работать! С этого дня я в деле Дудукина главный, поэтому ты с этой минуты будешь не только меня терпеть, а будешь ещё и летать как «савраска». Так руководство решило, а ему, как говорится, видней!

Шувалов захрипел, попытался высвободить руку, но Зверев надавил на кисть ещё сильнее, процедив при этом:

– А если попытаешься ещё раз на меня руку поднять, я тебе сначала руку сломаю, а потом вилку в кадык воткну. Уяснил?

– Пусти, – процедил раскрасневшийся как варёный рак Шувалов.

– Вот же негодники! Чего вытворяют! – та самая баба Галя, которая накануне кормила собак, появилась будто бы из-под земли. –

Вы чего это? Пьяные, что ль, коль такое вытворяете?

Зверев тут же выпустил руку Шувалова и сел на своё место.

– Помилуйте, женщина! Вовсе мы не пьяные!

Уборщица подошла и нависла над дерущимися мужчинами.

– А ну дыхни!

Зверев одарил бабу Галю запахом крепкого табака и зубного порошка с мятой и корицей. Женщина поморщилась, утерев нос рукой:

– Не пьяный, зато накурился... Так чего ж вы тогда руки друг дружке крутите, да ещё и продукты переводите? – бабка указала на лежавшую на полу половинку пирожка, от которой уже мало что осталось.

Зверев нагнулся, собрал с пола остатки пирожка и завернул их в чистый носовой платок.

– Вы правы, мусорить нехорошо! А ещё хуже переводить зря продукты! У моих соседей есть замечательный пёс, а эти пьяницы – это я о соседях, постоянно забывают его кормить. Отнесу это ему!

Бабка заохала:

– Милок! Так ты что же...

– Больно уж я собачек люблю, причём всяких разных, – тут же заявил Зверев.

Бабка тут же позабыла про драку.

– Так может твоему пёсику каши наложить, да сухариков? Ты зайди ко мне в подсобку, я той собачке чего-нибудь тоже насобираю.

– Непременно зайду, но только не сейчас, – заверил уборщицу Зверев, – У меня сегодня планы, и домой я вернусь довольно поздно.

Зверев протянул руку и учтиво кивнул пожилой женщине. Та чуть не прослезилась от такого и удалилась восвояси. Зверев сел на свой стул. Шувалов тоже сел за стол и огляделся. Все посетители столовой сосредоточенно ели, как будто бы ничего и не случилось. Виктор Матвеевич хмыкнул, вытер салфеткой прилипшую к щеке картошку и процедил:

– Как тебе всё это удаётся?

Зверев улыбнулся во весь рот:

– Витенька! Я просто всегда стараюсь быть милым! Но лишь с тем, кто это ценит. С теми же, кто не ценит и не выполняет моих указаний, я обычно особо не церемонюсь. Так что если не хочешь снова угодить физиономией в тарелку, не заставляй меня больше

нервничать! С сегодняшнего дня я твой начальник, и это не обсуждается.

– Странные у вас, товарищ капитан, методы работы с подчинёнными, – огрызнулся Шувалов. – Боюсь, что мы с вами не сработаемся!

– А ты, Витенька, сколько угодно бойся! Бойся, но делай своё дело, и тогда будут тебе за это слава и почёт. Ты кушай, кушай. Картошечка-то остывает!

– Да уж простите великодушно, товарищ капитан! Что-то у меня аппетит нынче пропал. – Шувалов хотел было подняться.

– С-с-сидеть... Виктор Матвеевич! – резко процедил Зверев.

Следователь тут же замер, как истукан.

– Не хочешь есть – не ешь! Но только перед тем как уйти отсюда, ты должен мне рассказать всё, что тебе на настоящий момент удалось «нарыть» по нашему общему делу.

Шувалов обречённо плюхнулся на свой стул.

\* \* \*

После общения с Шуваловым Зверев вернулся в Управление, где вновь посетил Эмилию Эдуардовну и Карена Робертовича. После этого он снова направился к Корневу, уже не с пустыми руками. Обойдя по широкой дуге стол, за которым с грозным лицом восседала Леночка Спицына, Зверев отправил девушке воздушный поцелуй и прошмыгнул к двери. На этот раз девушка была во всеоружии и уже сжимала в руке свою огромную линейку. Войдя в кабинет начальника, Зверев плюхнулся на диван и приступил к докладу:

– Итак, товарищ подполковник, слушай сюда, дорогой! Шувалов уже побывал по месту жительства нашего «сердечника» и пообщался с участковым. Старикан действительно в сорок втором угодил в Кресты. Так что он вполне мог знать Фишера в лицо и мог его узнать, встретив на площади!

– Ты уже наладил контакт с Шуваловым? Молодец! А я боялся, что с этим возникнут сложности. Наш Виктор Матвеевич, надо признаться, человек весьма непростой! Ты же сам говорил, – в этих словах была озабоченность.



– Стёпа! Я тебя умоляю! Наш Витёк – просто лапочка. Мы пересеклись в заводской столовке и он тут же, позабыв про свой шницель, доложил мне все, что знал по нашему делу! Заявил, что готов выполнять все мои указания и не перечить.

Корнева передёрнуло.

*Врёт, поди!*

Видя на лице Зверева ехидную ухмылку, подполковник убедился, что дело тут нечисто.

*Надо будет поговорить с Шуваловым. Этот юлить не станет, и если Пашка врёт... Так пусть лучше мне жалуются, чем кому другому, повыше.*

– Ладно, бог с ним, с Шуваловым, – решил не сгущать краски Корнев. – Ты, смотрю у нас, просто светишься. Говори, что ещё удалось выяснить?

Зверев щёлкнул пальцами и вскинул указательный палец вверх. Когда перед его глазами всплыла кислая рожа Шувалова, перепачканная картофельным пюре, он и впрямь «засверкал», как начищенная пастой ГОИ армейская бляха.

*Ничего! С такими, как этот, по-другому нельзя!*

– Наш Дудукин был неплохим стариканом, но с головой у него и впрямь могли быть нелады, – продолжил Зверев и покрутил пальцем у виска. – Был женат! Жена погибла в блокадном Ленинграде! Детей у них не было, потому как нашему дедуле, похоже, мошонку прострелили ещё в Гражданскую! Бррр... Я бы застрелился, а он выжил. И вот после всего этого он умудрился провести какое-то время в Крестах! Сам понимаешь, от такого любой может тронуться! Со зрением у него тоже было не очень, так что он вполне мог принять за Фишера любого похожего на него мужика. Карен Робертович уверен, что старик умер от остановки сердца. Его помощница Софочка тоже с ним согласна! По исчезнувшему милиционеру пока ничего добавить не могу. Возможно, придётся самому ещё раз опросить свидетелей.

Корнев нахмурил брови, взял со стола карандаш и принялся чертить им по чистому листу бумаги и буркнул довольно грубо:

– Кроме того, что Дудукин действительно побывал в Крестах, я от тебя пока ничего утешительного не услышал. Хочешь сказать, что никакого Фишера в Пскове и в помине нет? Думаешь, у этого Дудукина параноидальный бред? Думаешь, ошибся наш дедуля?

– Может быть так, а может – и нет! Старикан, конечно, мог ошибиться, отстреленная мошонка – сам понимаешь, – продолжил Зверев, – а наш таинственный милиционер мог просто испугаться, смалодушничать и скрыться, но... Эти двое сцепились друг с другом, а дедок по-прежнему вопил. Значит, вариант с плохим зрением отпадает. Шувалов между делом обмолвился, что одна из свидетельниц, наблюдавшая потасовку Дудукина с неизвестным, заявила, что видела, как милиционер толкнул старика в грудь.

– И что с того?

– Подумай сам, если тот старшина, или кто он там был, был ни в чём не виновен, зачем ему бить старика?

– Толкнуть – не значит бить! Ничего это не доказывает! Тут и не на такое пойдёшь, если тебя пытаются огреть по голове тростью.

– Согласен, но всё равно я считаю, что вероятность того, что старик ошибся, крайне невысока. А теперь главное, – и тут-то Зверев выложил свой основной «козырь». – После нашей с тобой встречи я посетил архив и заставил немного потрудиться нашу очаровательную Эмилию Эдуардовну. Она тут же отбросила все свои дела и занялась поиском.

Корнев хмыкнул:

– Так уж и сразу?

– Я её убедил!

– Обещал на ней жениться?

– Ты меня пугаешь, Стёпа, да как тебе такое в голову могло прийти? Пусть Эмилия Эдуардовна и привлекательная женщина...

Корнев рассмеялся:

– Знаю, знаю! Ты же у нас убеждённый холостяк! Ладно, не томи! Не хочу я слушать того, что ты ей наплёл, лучше расскажи, что она там в своих бумагах накопила.

– Эмилия Эдуардовна порылась в наших картотеках и нашла в них информацию про одного нелицеприятного типа – это некто Леонид Комельков, двадцать первого года рождения.

– Комельков? – Корнев напрягся. – Не помню такого.

– Леонид Комельков, прозвище Кольщик – бывалый рецидивист, первый раз сел по «малолетке» в тридцать пятом, отсидел год. Потом прибил к серьёзным ребятам. Его взял под себя Гроза...

– Гроза? Это который... – Корнев хлопнул себя по голове. – Ни черта не помню, кто такой этот твой Гроза.

– Герман Юрьевич Громов по кличке Гера Гроза. Матёрый бандюган, который взял кассу на Артельной, а потом ограбил меховой салон на Варварке. Попался из-за бабы... Стёпка, у тебя что, на войне совсем память отшибло?

– Так... – Корнев тут же надулся, как индюк. – Ты мне это самое... брось! Ты лучше скажи, зачем ты мне всё это рассказываешь? Какое отношение это имеет к делу?

– А такое, что, как выяснилось из документов, наш Лёнька в годы войны угодил в Кресты. С двумя своими корешами – одним из которых, кстати, и был тот самый Гроза, про которого ты ни черта не помнишь – наш Лёнька умудрился оттуда сбежать.

Зверев сиял, но Корнев всё ещё сидел насупившись.

– Продолжай.

– Грозу убили наши в сорок четвёртом при нападении на инкассаторов. Сизого, второго приятеля Кольщика, в сорок четвёртом сожительница шарахнула молотком по голове, после чего он благополучно окочурился ещё по дороге в лазарет. Эту барышню, кстати, оправдали, так как свидетели показали, что Сизый бросился на неё с ножом, но это к делу не относится.

Зверев сделал паузу и достал папиросу.

– Давай уже! Не томи! Двоих больше нет, что с Комельковым?

Зверев откинулся на спинку дивана, мечтательно посмотрел в потолок.

– Пепельницу дай!

Корнев выругался, но вынул из стола пепельницу. Павел Васильевич неспешно раскурил папиросу:

– Кольщик наверняка видел Фишера, находясь в Крестах, и пока что он единственный, кто может знать Фишера в лицо и опознать его.

– Да понял я тебя!.. понял! И где же ты собираешься теперь искать нашего Лёньку?

– А чего его искать? На днях Комелькова снова повязали. Он пытался оставить без кошелька и украшений одну немолодую уже дамочку, угрожал ей ножом...

– И...

Зверев смотрел на Корнева своим обычным взглядом, склонив на бок голову и нарочито растягивая слова:

– Сейчас Комельков находится в городской тюрьме, ведётся следствие.

– Твою ж мать... Какая же ты сволочь, Зверев! Что же ты столько времени молчал? – закричал Корнев и трясущейся рукой схватил трубку телефона.

– Сволочь? Опять это гнусное слово! Ну и плевать! – Зверев снова откинулся на спинку дивана и принялся тихонечко напевать «Мишку-одессита» из репертуара Леонида Утёсова.

**Глава третья,**  
***в которой Корнев и Зверев используют разные  
методы допроса, благодаря этому узнают кое-  
что интересное***

Лёнька Кольщик оказался худым белобрысым парнем, облачённым в выцветший синий пиджак и серые штаны с оттянутыми коленками. Судя по данным его анкеты, которую вот уже полчаса как усердно штудировал Зверев, Комелькову было двадцать шесть, хотя выглядел он значительно старше. Пальцы в наколках, узкие, как щёлки глаза, в которых Зверев не увидел ничего, кроме холодного равнодушия ко всему, что здесь происходило. Зайдя в кабинет, Комельков тут же сел на предложенный ему стул, ссутулился и склонил голову набок, правая нога его слегка подёргивалась, словно отбивая ритм. Зверев, как обычно развалившийся на диванчике, тут же отметил, что на него Лёнька даже не взглянул: «Хоть и молодой, но бывалый! Раскрутить такого будет не так-то уж и просто». Пока Зверев отмечал особенности вошедшего, Корнев энергично вышагивал по кабинету.

– Ну здравствуй, Комельков! – угрюмо, но довольно сдержанно начал начальник псковской милиции и наконец-то уселся за свой стол.

– И тебе не хворать! Чем же это я так отличился, что сам начальник милиции меня к себе на беседу вызвал? – голос Комелькова был прокуренным и низким. – Когда узнал, думал ослышался, теперь вижу, не наврала мусора! Так чем обязан, только давайте короче, а то у меня голова болит!

Корнев поморщился, сдвинул брови, но как-то сумел себя сдержать.

– Почитал я твоё дело, Комельков, – сказал подполковник, – опять, смотрю, ты у нас за старое взялся?

– Твоя-то какая забота, начальник, за что я взялся, за что не взялся! Дело моё ясное, так чего тут ещё канитель разводите? Взяли меня с поличным, так что я и не отпираюсь. Было дело, подошёл к барышне, попросил кошелёк и цацки. Заметьте, по-хорошему

попросил, а она в крик! Я её за шкибон, а тут ваши нарисовались! Сто шестьдесят пятая статья, а значит, максимум пятерик! Что же теперь, бывает!

– Эвон как у него всё гладко, – покачал головой Корнев. – Ты на женщину с ножом напал – это уже вооружённое нападение. Какая уж тут сто шестьдесят пятая статья? Ты у нас злостный рецидивист! Так?.. Так! Взяли тебя с поличным. Сто шестьдесят седьмая – вооружённый разбой при особо отягчающих. Вполне реально вышак вырисовывается!

Лёнька гортанно рассмеялся. Зверев, всё ещё листая дело, продолжал искоса наблюдать за Комельковым.

*Не верит! Не ведётся! Не боится! Такого трудно будет заставить сотрудничать, тут подход другой нужен.*

Зверев продолжал штудировать бумаги...

Комельков тем временем продолжал:

– Ну взяли, и что? Ножик у меня случайно оказался. Просто в кармане лежал и всё!

– А потерпевшая заявляет обратное! – Корнев повысил голос.

– Да чего там она заявляет? Говорю же, подошёл, попросил отдать по-хорошему, а она в крик!

– Глянь-ка, Паша! – воскликнул Корнев. – Этот чертяка Уголовный кодекс как свои пять пальцев знает! Вот только одного он не учёл, что когда пострадавшая упала на землю, после того, когда он ей перо приставил, коленный сустав себе вывихнула, а это уже увечье...

– Ничего она себе не вывихнула! – теперь Комельков энергично тёр себе виски. – Врёте вы всё! Да, упала! Да, орала как резаная...

– Так она потому и орала, что больно ей было! Вывих-то у неё серьёзный! – перебил Лёньку Корнев.

– И что с того? Даже если и вывих у этой тётки, даже если и ножик сумеете к делу привязать, всё равно по сто шестьдесят восьмой больше десятки не дадут! Кончилась война, драгоценные мои начальники! Кончилась, а значит, людей больше без особого повода не расстреливают!

Корнев бросил взгляд на Зверева и, видя, что тот продолжает изучать бумаги, снова насел на Лёньку:

– Ты прав, Комельков! Без особого повода у нас больше не расстреливают, только одно ты забыл, что повод найти – дело плёвое. Будет желание, найдём повод.

Лёнька сжал кулаки и процедил с презрением:

– Вот в этом я не сомневаюсь! Это вы можете!

– Можем, можем, – оживился Корнев. – Можем так дело повернуть, что не отмоешься, и бац... Но можно и по-другому! Если поможешь нам...

– Никогда Лёня Кольщик с мусорами дел не имел и впредь не собираюсь!

– Знаешь, что? Я вижу, наш Лёнька совсем не понимает, что ему грозит. Паша, твою ж мать, да оторвись ты от этих бумажек своих! – рявкнул Корнев.

Зверев дёрнулся, вскинул глаза и посмотрел на Лёньку так, будто только сейчас его увидел.

– Что вы говорите, товарищ подполковник?

– Говорю, что если захотим, то сможем его дело так повернуть, что он у нас не то что на свободу не выйдет...

Договорить Корнев не успел, потому что Зверев его резко перебил.

– Ты у матери давно на могиле был? – Зверев склонил голову набок, взгляд его выражал недоумение.

Лёнька вздрогнул, слегка подался назад и втянул носом воздух.

– А при чём тут моя мать? Ты вообще кто такой, мусор?

Зверев снова пожал плечами.

– Да в общем никто, не особо важная фигура, – Зверев улыбнулся. – Просто работаю я здесь, поэтому вот дело твоё взял почитать. Ты ведь у нас из Камышина родом?

Лёнька нахмурился, почесал подбородок:

– Ну, из Камышина, а ты зачем спрашиваешь, начальник?

– Бывал я у вас там в Камышине ещё до войны! Красивые, знаешь ли, места.

– Были красивые! Больше нет! Немец в сорок втором, когда партизаны мост через реку взорвали, чтобы наступление остановить, всю мою деревню дотла сожгли. А жителям велели ров рыть, а потом расстреляли всех, кто сбежать не успел. И мать мою расстреляли, и отца, – Лёнька запнулся, его передёрнуло, но он тут же собрался и

продолжил: – Родителей моих в том рву и схоронили, так что могила у них у всех общая. Ты зачем меня про это спросил, начальник? Разжалобить хочешь? На святое покусился?

Зверев помотал головой.

– Не знал я про родителей твоих. Тут вот в деле прочёл, что мать у тебя в сорок втором умерла, а что так, я не знал. Извини.

– Да нужны мне твои извинения! Чего надо вам, не буду я вам помогать, и точка! Хотите дело расстрельное сфабриковать, так фабрикуйте, а меня в покое оставьте!

– Ладно, ладно, не горячись! – попытался успокоить разбушевавшегося Лёньку Зверев. – Не хочешь нам помогать, не помогай, дело твоё. Хотели мы, чтобы ты нам одного человечка помог отыскать, но раз не хочешь, так и не надо. Мы этого твоего приятеля сами найдем – без тебя.

– Вот и ищите! Я своих корешей не сдаю.

– Не знал я, Лёня, что немцы тебе теперь корешами стали.

Комельков вздрогнул:

– Какие такие немцы?

– Обыкновенные!.. Ищем мы тут одного недобитка, а вот в лицо его не знаем, хотели, чтобы ты нам помог, но раз тебе это не нужно...

– Постой, начальник? Ты о каком недобитке ведёшь речь?

– погоди, Комельков! – невозмутимо продолжал Зверев. – В Крестах ты побывал, так?

– Так, и что?

Лёнька напрягся, но уже не так как раньше, в его глазах появился интерес, это не ускользнуло от Зверева. Нужно было дожимать парня.

– Ты практически единственный, кто оттуда сбежал? Так?

– Так! Обвёл вокруг пальца немецкого вертухая и свалил! К тому же не один я сбежал – трое нас было.

– Только из тех троих уж в живых никого, кроме тебя, не осталось. Так что приятелей твоих теперь не расспросишь. Вот мы и хотим, чтобы ты нам про Крестовского душегуба рассказал. Слышал про такого?

Лёнька сглотнул, поёжился и попросил:

– Покурить бы, начальник.

Зверев не спеша поднялся, по-хозяйски подошёл к столу и вынул из ящика пепельницу. Потом он подошёл к Лёньке и протянул ему



пачку и чиркнул спичкой. Корнев, глядя на всё это, отошёл к окну и оперся на стену.

Искурив папиросу, Лёнька тут же раскурил вторую, прокашлялся и сказал:

– Что вы хотите знать о Крестовском душегубе? Да, я знал эту сволочь! Общался с ним, что называется, с глазу на глаз! Только скажите, зачем вам всё это нужно? Насколько я знаю, Фишер сейчас далеко, сбежал вместе со всеми во время отступления.

– Есть подозрение, что Фишер вернулся в город! – сказал Корнев.

– Подозрение? То есть вы не знаете это наверняка?

– Наверняка не знаем, – пояснил Зверев. – Один старик, тоже побывавший в Крестах, его узнал! После этого они повздорили, и человек, которого наш свидетель принял за Фишера, исчез.

Лёнька смотрел то на Корнева, то на Зверева.

– Он вернулся! Но этого не может быть. Постойте... Старик? Что он ещё говорит, этот ваш старик?

– Старик ничего не говорит. Он умер сразу же после того, как опознал в одном из прохожих Крестовского душегуба.

– И как же умер этот старик? – с усмешкой поинтересовался Лёнька. – Уж не от остановки ли сердца?

– А ты откуда... – Корнев не успел задать вопрос, потому что Зверев остановил начальника резким движением руки.

– Старик, который опознал в том мужчине Фишера, набросился на него с кулаками. Но экспертиза показала, что умер старик не от побоев. Старик был стар, вот сердечко и не выдержало.

Лёнька усмехнулся, помотал головой и погрозил пальцем.

– Не-е-е, дядя! Тут всё не так просто. Не умер ваш старик, его убили.

Лёнька ещё раз со злобным прищуром взглянул на Корнева и махнул рукой:

– Ладно! Раз уж такое дело...

*Концентрационный лагерь в «Крестах», июль 1943 г.*

Вокруг двух с небольшим десятков деревянных бараков, окружённых контрольно-следовой полосой и огороженных колючей проволокой, росли старые тополя. Лёгкий ветерок кружил слетавший с их ветвей и похожий на снежинки пух, тот слепил глаза, попадал в рот

и забивал носы. От назойливого пуха чихали и морщились люди, собаки время от времени прерывали свой истошный рык, то и дело скулили и трясли головами. Когда зуд в носках псов прекращался, эти ужасные твари, специально натасканные на людей, снова начинали рвать поводки, бешено лаяли и пускали слюну. Сбившиеся в кучу люди, глядя на разъярённых псов, всё плотнее и плотнее жались друг к другу, обречённо глядели на ровные ряды автоматчиков, боясь не только пошевелиться, но и вымолвить хотя бы слово.

Когда-то здесь располагались казармы пятого кавалерийского корпуса, которым командовал сам Рокоссовский. Сейчас же в бывших конюшнях, прямо на земляном полу были установлены трехъярусные нары; печные топки были замурованы; в каждом из бараков постоянно ютилось не меньше полутора тысяч военнопленных. С правой стороны от ворот, охраняемых десятком солдат, усиленных пулемётным расчётом, располагались два барака, в которых содержали гражданских. По всему периметру были установлены пятиметровые вышки, на которых тоже стояли вооружённые солдаты в сером и равнодушно наблюдали за тем, что происходило внизу.

Ослабленные и истощённые узники, в рваных одеждах и с покрытыми гнойными струпьями руками, морщась, млели в горячих солнечных лучах уже несколько часов. В отличие от выстроившихся перед толпой солдат, по лицам и шеям заключённых почти не струился пот. Узники были настолько измотаны и истощены от голода и изнурительного труда, что скорее походили на ожившие трупы, чем на нормальных живых людей. По обеим сторонам от неровного, измученного строя стояли одетые в чёрное эстонские конвоиры. За спинами автоматчиков на деревянном помосте под навесом наконец-то появились двое мужчин. Они вышли в центр, оглядели толпу и завели непринуждённый разговор.

– Ну что, глядя на всё это, Густав, вы всё ещё жалеете, что приехали сюда из своего Нюрнберга? – спросил мужчина лет тридцати в военной форме с тремя ромбами на левой петлице и с дубовыми листьями на рукаве.

Его собеседник, немногим постарше, в свободном чёрном пиджаке, светлых брюках и в круглых очках, точно въевшихся в переносицу, неестественно рассмеялся.

– Я здесь, потому что – это моя работа, оберштурмфюрер! Тут ужасно жарко и к тому же мне немного боязно созерцать всё то, что сейчас здесь происходит. – Мужчина в очках поднёс к лицу висевший у него на шее фотоаппарат марки «Bessa», сделал несколько снимков и принялся что-то записывать в блокнот.

Густав Лоренц, корреспондент еженедельника «Der Stürmer<sup>[5]</sup>», прибыл в «Кресты» два дня назад и с тех самых пор не находил себе места. Много всего уже повидавший за годы своей журналистской карьеры, он так и не смог адаптироваться к тому, о чём ему порой приходилось писать.

– То есть будь ваша воля, – продолжал офицер с долей лёгкого презрения, посмотрел на своего собеседника и поправил фуражку, – вы не стали бы тащиться в такую даль, чтобы посмотреть, как воины Третьего рейха уничтожают тех, кто, по мнению наших идеологов, представляет собой «унтерменш» – людей низшего сорта.

Лоренц убрал ручку и блокнот в жилетный карман, вынул платок, вытер им вспотевший лоб и попытался уклониться от вопроса:

– Мне говорили, что Россия ужасно холодная страна. Я совсем не думал, что, приехав сюда, буду так обливаться пóтом.

подавив ухмылку, офицер продолжил:

– А мне кажется, мой дорогой друг, что вы потеете вовсе не от солнца. Ваша кожа побледнела, а когда вы делали записи в своём блокноте, ваши пальцы тряслись. Признайтесь же! Я ведь прав?

Мужчина в очках смотрел на собеседника теперь уже с нескрываемым испугом, он снова вытер лоб платком и тихо сказал:

– Вы совершенно правы, Дитрих, я чисто гражданский человек. Все ужасы войны – это не для меня. Вот взять хотя бы вас! Вы ведь совершенно другой! Вы делаете для Германии то, что таким как я не под силу. Я журналист! Всё моё оружие сейчас при мне – это мой фотоаппарат, ручка и блокнот, а вот вы... Я восхищаюсь вами, Дитрих! Вы делаете гораздо больше для нашего Рейха, чем я, и, пожалуй, даже сотни таких, как я! Вы строите будущее великой Германии, а такие как я рождены лишь для того, чтобы освещать подвиги настоящих героев.

В ответ на слова журналиста офицер самодовольно улыбнулся.

– Ну что ж, раз присутствие здесь вас так утомляет, я постараюсь вас долго не задерживать! Посмотрите на представленный здесь сброд. Перед вами узники, которых мы собираемся умертвить. Эти люди

больше не могут приносить нам пользы. Они больше не способны ремонтировать дороги и строить оборонительные сооружения, но в отличие от многих других, которые и без того мрут как мухи, эти оказались довольно живучими. Они всё равно умрут, поэтому, дав возможность им умереть быстро, мы даже проявляем по отношению к ним некоторую гуманность. К тому же, – офицер беззвучно рассмеялся, – утилизируя этот сброд, мы экономим провизию, чтобы отдать её тем, кто ещё может работать.

После этих слов Лоренц уточнил:

– Вы сказали, что собравшиеся здесь больше не могут работать! Но я вижу тут женщин и даже нескольких детей... Разве детей мы тоже привлекаем на ремонт дорог и разборы завалов?

– Почему нет? Хотя... Вы правы, от детей не особо много пользы! Поэтому здесь в основном представлены жёны и дети офицеров Красной армии и коммунистов. Есть даже несколько евреев, которых мы не смогли выявить в первые дни их прибытия в лагерь, – последнюю фразу офицер произнёс с некоторой долей вожделения. – Итак, продолжу! Сегодня вы, Густав, станете свидетелем не просто массовой экзекуции! Оберштурмбаннфюрер Зиверс, мой непосредственный начальник и руководитель зондеркоманды СС 11-д, помимо того, что является военным человеком, имеет ещё и научную степень. Он доктор медицины. То, что сейчас произойдёт на ваших глазах, является частью научного эксперимента. Этих людей не расстреляют, они умрут в специальном автофургоне...

– Я слышал, что русские называют эту машину «душегубкой»? – задав этот вопрос, Лоренц принялся что-то оживлённо записывать в свой блокнот.

– Вы правы! Это обычный большегрузный непроницаемый автофургон с герметически закрывающимися дверями и с отверстием для пуска газа в полу. Такая машина вмещает в себя до тридцати человек. Люди в ней умирают достаточно быстро, и их смерть является более гуманной, в отличие от обычного расстрела или повешенья.

Лоренц поморщился, покачал головой:

– По-моему, любая насильственная смерть – это уже не гуманно.

Офицер рассмеялся:

– Знаете, Лоренц, я когда-то побывал на Востоке! Там издревле в силу своих убеждений, религии и чего-то там ещё, совершенно иначе

относятся к смерти. Японские самураи, например, сами добровольно приносили себя в жертву по одному лишь слову своего господина. Смерть была для них великим благом и искуплением всех грехов.

– Я никогда не был на Востоке, оберштурмфюрер, возможно поэтому мне, пожалуй, никогда не понять ваших суждений.

– Очень жаль, что вы там не были, мой друг! Там есть чему поучиться. Их отношение к смерти просто божественно. Пусть эти люди и не являются представителями высшей арийской расы, но лично для меня они более привлекательны, нежели весь этот грязный сброд, который стоит сейчас перед нами. А смерть... Что смерть? Лично для меня убивать этих... всё равно что убивать насекомых!

Журналист убрал в карман ручку, снял очки, протёр их платком и, снова водрузив их на нос, на этот раз уже довольно дерзко посмотрел на собеседника:

– Уж не хотите ли вы сказать, что получаете удовольствие от своей работы?

Офицер поморщился, пожал плечами:

– Ну да... мне нравится избавлять мир от всякой нечисти, хотя...

Журналист оживился:

– Что, хотя?

– Я считаю, что отправлять людей в «душегубки» не так уж и весело, – он снова беззвучно рассмеялся. – Гораздо интереснее убивать своими руками, и я периодически это делаю. А вы не хотите попробовать?

Офицер достал из кобуры «Вальтер» и протянул его собеседнику рукоятку вперёд. Лоренц аж затрясся. Видя панику на лице своего оппонента, эсэсовец явно наслаждался.

– Простите, – он, видимо, всё ещё не верил услышанному. – Вы хотите, чтобы я застрелил кого-нибудь из пленных?

– Застрелил или что-то ещё... Если вы знаете ещё какой-нибудь способ умерщвления, то я вас в этом не ограничиваю!

По щеке Лоренца вновь полился пот, но он уже и не вспоминал про свой платок, гримаса ужаса застыла на его лице.

– Нет!.. и ещё раз нет! Я категорически отказываюсь это делать!

Офицер небрежно пожал плечами, зевнул, прикрыв рот ладонью, и махнул кому-то рукой. Один из солдат тут же подскочил и подал офицеру пару белых ситцевых перчаток. Двое надзирателей в чёрном

сорвались с мест и вскоре выволокли на площадку, расположенную перед помостом, какого-то мужчину.

– Ну раз не желаете вы, то я сделаю это. Я ведь всё равно собирался это сделать. Прошу вас, Лоренц, следуйте за мной.

Эсэсовец натянул перчатки и спустился с помоста. Журналист, белый как мел, проследовал за ним. Они оба подошли к пленнику. Когда надзиратели отпустили приговорённого, его качнуло.

Лоренц поднял было фотоаппарат, но тут же его опустил. Перед ним стоял мужчина, возраст которого определить было довольно трудно. Несмотря на то что приговорённый был на полголовы выше самого Лоренца, он представлял собой всего лишь килограмм шестьдесят обтянутых посеревшей кожей костей, которые дополняли редкие гнилые зубы и помутившиеся впалые глаза. Треснутые в нескольких местах очки, нацепленные на нос пленника, выдавали в нём представителя интеллигенции. Прорванная в нескольких местах гимнастерка, выцветшая от солнца и пыли, покрывала его истощённые плечи, на бирке, висевшей на запястье его правой руке и был выбит шестизначный номер.

– Он что, уже побывал в газовой камере? – заикаясь, спросил корреспондент. – Его же мотает!

Эсэсовец снова рассмеялся, на этот раз в голос, хотя и негромко:

– Конечно, его мотает! Ведь накануне он влил в себя столько самогона, что таким количеством можно было бы вывести из строя трёх таких, как вы или я.

– Хотите сказать, что он пьян?

– Именно это я и говорю. Вот она та самая гуманность, о которой я вам накануне говорил. Этот человек доброволец. Накануне, когда всем этим людям сообщили, что сегодня их казнят, я предложил кому-нибудь из них лёгкую и приятную смерть. Пятеро изъявили желание. Жребий выпал на этого. Его фамилия Горячев. До войны он учил детей в школе, а теперь он солдат Красной армии. Он храбрый человек и пожелал умереть красиво, – офицер пристально разглядывал стоящего напротив него русского. – Накануне ему дали самогона и относительно сносной еды. Видели бы вы, Густав, с какой жадностью он запихивал в себя всё это!

Эсэсовец поморщился.

– Это и есть ваша пресловутая гуманность? – буквально выкрикнул Лоренц.

– Разумеется! Он ведь сейчас почти ничего не соображает. Сейчас он умрёт, и умрёт легкой смертью, в отличие от других. Смерть от удушья, уж поверьте, не так уж и приятна.

– И вы убьёте его сами?

– Убью! Но если вы передумали, я могу уступить эту честь вам.

– Нет-нет! Пожалуйста, только не это!

Офицер сделал шаг к пленному и на чистом русском спросил:

– Ну что, Горячев, ты готов?

Приговорённый промычал что-то нечленораздельное по-русски. Офицер рассмеялся:

– Густав, вы понимаете их язык?

– Только некоторые слова, оберштурмфюрер!

– Он только что сказал, что имел сексуальный контакт с моей матерью. Ещё он сказал, что оплатит мне за всё, даже с того света. Какой мерзавец, и это за всю мою доброту...

Сказав это, эсэсовец довольно резко, но на первый взгляд совсем не сильно, толкнул обречённого в грудь. Тот дёрнулся, отступил назад и упал.

Лоренц растерялся, на его лице появилась глуповатая улыбка:

– Он что, мёртв?

– Мертвее не бывает! – ответил офицер, после чего снял перчатки, бросил их на землю и щёлкнул пальцами.

Оба надзирателя, с интересом ожидавшие окончания «представления», тут же подхватили мертвеца под руки и поволокли безжизненное тело со двора.

## **Глава четвёртая, к которой у Зверева с Корневым появится вопросов больше, чем ответов**

– Заключённые называли это «милостью Фишера»! Эта сволочь предлагала обречённым умереть легко и без мучений, – продолжал свой рассказ Комельков. – От желающих, как правило, не было отбоя. Фишер выбирал одного из добровольцев. Его приводили в особый кабинет. Перед заключённым ставили тарелку с жареными сосисками, варёную картошку, хлеб, сало и здоровенную бутылку шнапса. Этот гад включал музыку, садился и много курил. Он давал приговорённому хорошую папиросу и говорил с ним как с равным. Он наблюдал за своей жертвой, как питон наблюдает за кроликом, которого вскоре собираются сожрать. Люди, конечно же, набрасывались на еду и, как правило, напивались в хлам. А этот зверь наслаждался своим превосходством над теми, кого он считал низшим сортом. Наутро ничего уже не соображавшего узника выводили перед строем, и Фишер демонстрировал на нём свой ужасный удар. Он бил открытой ладонью в грудь, у заключённого тут же останавливалось сердце. Он умирал мгновенно...

– Этому удару он научился где-то на Востоке? – уточнил Зверев.

– Думаю, что да! До войны Фишер много путешествовал, побывал в Индии, Японии и Китае...

Зверев снова перебил:

– Это я понял, но откуда тебе известно то, где и когда он побывал? Ну и про то, что происходило в кабинете у Фишера?

Лёнька вздрогнул, поёжился, словно его ударили по спине и с некоторой гордостью заявил:

– А как, по-вашему, я сбежал из этого проклятого лагеря? Ещё не догадались?

– «Милость Фишера?» – в один голос выкрикнули Корнев и Зверев. Лёнька кивнул.

– Немцы использовали нас как рабочую силу, а в «душегубки» обычно отправляли тех, кто уже не мог приносить пользы Рейху, а также жён и детей коммунистов и офицеров; ну и конечно евреев! Как



видите, я от природы довольно худощав – папенькины гены, – Лёнька усмехнулся. – В лагере кормили одной лишь гнилой картошкой и хлебом, в котором было больше золы и песка, чем муки. Узники быстро превращались в скелеты и буквально падали с ног, приходя в бараки после трудового дня. Я решил, что это можно использовать. Как-то раз во время работ по восстановлению моста я упал на кучу песка и сделал вид, что не могу больше работать. Моя худоба сыграла мне на руку, я уже походил на скелет, но силы во мне ещё были. Моя хитрость принесла мне несколько ударов прикладом и возможность попасть в барак, в котором держали смертников. Я рисковал, но удача мне улыбнулась. Когда Фишер выбирал себе очередного «кролика», жребий пал на меня. Тогда-то я и оказался в его кабинете.

Наш оберштурмфюрер в тот день вёл себя довольно обходительно. Когда я сказал, что неплохо рисую, мы стали говорить об искусстве, он даже показывал мне свою коллекцию антиквариата. Я наблюдал, что, видя во мне человека, Фишер начал скрипеть зубами. Он ведь жаждал от нашего общения совсем другого. Тогда я решил дать ему то, чего он так страстно желал. Когда он предложил мне поесть, я тут же стал пихать в рот всё подряд, давился и благодарил Фишера за его доброту. Я заметил, как настроение у этого ублюдка тут же улучшилось. Он снова заговорил об искусстве, но я делал вид, что уже ничего не слышу.

Я уверен, что практически каждый, кто попадал к Фишеру в кабинет, тут же напивался в хлам. Я выпил лишь полстакана и сделал вид, что меня тошнит. Я выплюнул на пол всё, что было у меня во рту, но моего собеседника это нисколько не разозлило, напротив: когда меня уводили из кабинета, он хохотал. Он сказал тогда: «Я в очередной раз убедился, что все русские скорее похожи на скотов, чем на людей!»

Сделав вид, что я пьян, уже возле барака, я навалился на конвоира, получил удар в живот, но при этом сумел вытащить из его кармана связку ключей. Ночью я отомкнул замки, и с полторы сотни заключённых выбрались из бараков и напали на конвой. – Тут Лёнька утёр ладонью пересохшие губы и, осушив предложенный ему стакан воды, закончил свой рассказ: – Свет прожекторов слепил, стрелял пулемёт, стреляли с вышек, люди метались и падали. За ворота прорвалось не больше десятка. Скольким ещё удалось бежать, я не знаю, но со мной были несколько моих корешей...

– Сиплый и Гера Гроза? – спросил Зверев.

Лёнька кивнул:

– Я ведь тогда умудрился отпереть не только камеру, где сидели смертники, но и ещё две соседние. В одной из них было много заключённых из наших.

– Рецидивистов и уголовников?

Лёнька снова кивнул. Корнев достал блокнот и принялся что-то писать. Зверев встал, подошёл к окну и снова закурил.

– Значит, ты считаешь, что старика, который напал на милиционера, всё-таки убили? – отложив свой блокнот, продолжил беседу Корнев.

– К гадалке не ходи! – Лёнька снова заговорил на более привычном для него языке.

– Опиши нам, как выглядит Фишер.

– Ему сейчас от тридцати пяти до сорока; среднего роста, а рожа без особых примет. – Лёнька указал Звереву на портсигар, тот протянул парню папиросу.

– И это всё? Признаться, я надеялся на большее, – нахмурился Корнев.

Лёнька щёлкнул пальцами и задорно подмигнул Звереву.

– Знаешь, начальник, почему меня зовут Кольщиком?

– Потому, что татуировки на зоне колोल?

– Правильно мыслишь, начальник! Колол, и ещё как колол! А ведь тот, кто по телу работать может, он ведь прежде всего хорошим художником быть должен. Так-то! Ты меня, начальник, в камеру отправь, пусть мне жратвы нормальной дадут, ну... и покурить, конечно! А ещё пусть лист да карандаш притаранят. Только не тот, что ты давеча сломал, – Лёнька добродушно оскалился, – а другой. Сделаешь, как я сказал, я тебе враз портрет Фишера намалюю, да ещё такой, что от фотокарточки не отличишь. Я в своём деле – спец!

Видя, как его начальник возбуждён, Зверев задал свой последний вопрос:

– А по поводу того, зачем Фишер в город вернулся, можешь хоть что-нибудь сказать?

Комельков покачал головой, снова закусил губу и вдруг, прищурившись, пристально посмотрел Звереву в глаза:

– Есть у меня одна мысль насчёт того, зачем эта гнида сюда явилась, но я и без того вам уже много чего рассказал. Теперь ваш черёд. Когда я буду на все сто уверен, что вы мне сто шестьдесят пятую статью нарисуете, тогда и поделюсь мыслями, а пока... – пожимая плечами, Комельков развёл руки в стороны.

– Нет! Так дела не делаются... – начал было Зверев, но Корнев оборвал его на полуслове движением руки и сказал, обратившись к Лёньке:

– Сейчас же иди в камеру! Тебе принесут всё, что ты просил! Поешь и сразу же приступай к портрету, а я сейчас же свяжусь со следователем, который ведёт твоё дело. Даю тебе слово, что всё улажу. Сколько тебе нужно времени на то, чтобы сделать рисунок?

– За час управлюсь!

– Конвой! – рявкнул Корнев. – Уведите заключённого!

– Только про курево не забудьте, гражданин начальник! – крикнул Лёнька напоследок.

Когда его вывели, Зверев хмуро посмотрел на друга.

\* \* \*

Прошло чуть меньше часа, они ждали. Корнев заварил чаю, а Зверев, примостившись на диванчике, немного задремал. Когда без стука в кабинет ворвался худенький лейтенант – дежурный по Управлению, Зверев подскочил.

– Товарищ подполковник, у нас чэпэ! – заорал дежурный с порога.

В левой руке у лейтенанта была фуражка, правой он держал револьвер.

– С ума сошёл? Ты к кому с оружием вломился? Совсем, что ли, офонарел?

Лейтенант опешил, быстро сунул револьвер в кобуру, нацепил фуражку и отчеканил:

– Товарищ подполковник, разрешите доложить, у нас нападение на конвойного!

Корнев поднялся, застегнул китель.

– Докладывай, что стряслось... на кого напали?

Лейтенант бросил взгляд на Зверева, словно бы и у него спрашивая разрешения.

– Напали на младшего сержанта Лычкина! Того самого, который конвоировал Комелькова! Ну того, которого по вашему приказу из тюрьмы сегодня доставили.

В проёме двери показалась голова Леночки Спицыной и тут же исчезла.

– Напали, и что?

– Так он вроде бы это... Мёртвый лежит.

– То есть как мёртвый?

– Ну да... мёртвый! Я обход делал, а он лежит и не дышит.

– А где Комельков, сбежал?

– Не сбежал, рядом лежит, там же, где и Лычкин, на втором этаже. Вся голова в крови, но вроде ещё живой. К нему сейчас Карен Робертович побежал и Софочка.

Корнев удивлённо посмотрел на Зверева, потом ещё раз ощупал верхнюю пуговицу и сказал:

– Пошли сами посмотрим, а ну, веди нас туда!

Корнев решительным шагом вышел из кабинета, едва не сбив с ног свою секретаршу Леночку, которая всё это время стояла у дверей. Зверев поспешил за подполковником.

Пройдя по длинному коридору, они спустились на второй этаж, там уже собрались люди. Зверев догнал Корнева и, придерживав его за руку, вышел вперёд.

– Расступись! – скомандовал Зверев.

Все тут же отошли в сторону. Возле лежавшего на полу сержанта сидел начальник медсанчасти Карен Робертович Оганесян. Он осматривал тело Лычкина, стоя на коленях.

– Что с ним? – сухо спросил Корнев.

Оганесян поднялся и покачал головой.

– Он, вне всякого сомнения, мёртв! Но вот причину смерти я пока определить не могу. Видимых повреждений нет, определённо понадобится вскрытие.

Невысокий, полный, Карен Робертович Оганесян смотрел на подполковника не мигая через толстые стёкла очков. Только сейчас Зверев увидел сидевшего у стены Комелькова. Голова и лицо Лёньки были залиты кровью. Возле него, тоже на коленях, стояла помощница

Карена Робертовича, медсестра Софья Павловна Юркина, и бинтовала пострадавшему голову.

– Кто-нибудь может мне объяснить, что тут случилось? – прокашлявшись, строго спросил Корнев.

Дежурный, который, судя по всему, немного пришёл в себя, тут же отчеканил:

– Очевидно, арестованный напал на конвойного!

Зверев вышел вперёд, огляделся и принялся рассматривать разбитую голову Лёньки.

– Таковую рану рукой не нанесёшь. Его ударили чем-то тяжёлым!

– Может, рукоятью пистолета? – предположил Корнев.

– Вполне возможно.

– Наверное, подозреваемый напал на сержанта и задушил его! – предположил лейтенант. – А тот, защищаясь, сумел выхватить пистолет и шарахнул его по башке.

Зверев расстегнул кобуру убитого сержанта и указал на лежавший в ней пистолет.

– По-вашему, Комельков стал душить Лычкина, тот достал пистолет, ударил подозреваемого рукоятью и, прежде чем скончаться, засунул пистолет обратно в кобуру! Вы хоть немного думайте, лейтенант, прежде чем нести ерунду!

– Виноват, – промямлил дежурный.

– Если бы сержанта душили, на шее должны были бы оставаться следы, – уточнил начмед.

– Эти двое не нападали друг на друга, с ними расправился кто-то третий, – подытожил Зверев.

– Он, кажется, пришёл в себя! – воскликнула Софья Юркина.

Зверев шагнул к Комелькову и опустился на колено. Лёнька открыл глаза и тупо озирался по сторонам.

Увидев перед собой Зверева, он прохрипел:

– Я узнал его... Он здесь, он теперь мент...

– Спокойно! Ты узнал человека, который убил сержанта! Так? – спросил Зверев.

Лёнька кивнул и застонал от боли.

– Этот же человек напал и на тебя? – крикнул Зверев.

– Да... – преодолевая боль, простонал Лёнька и снова потерял сознание.

Зверев схватил Лёньку за рукав.

– Ему нужен покой. Перестаньте его трясти, – воскликнула Юркина.

Зверев отступил, но, увидев, что Лёнька снова пришёл в себя, снова придвинулся к нему.

– Вы шли по коридору и...

– Я его узнал... узнал эту сволочь.

Лёнька снова застонал, его глаза смотрели в пустоту. Он дёрнулся, провёл по лицу окровавленной рукой, оставив на нём тёмный багровый след.

– Фишер!.. Это был Фишер? – Зверев старался не трясти Лёньку и говорил как можно спокойнее.

– Что вы делаете? Вы же его убьёте! – закричала Софья Павловна.

Карен Робертович, подошёл к Юркиной и отвёл её в сторону.

– Ты узнал убийцу? – в очередной раз переспросил Зверев.

– Узнал! Я его узнал... – Лёнька затрясся, и Зверев понял, что раненый смеётся. – Подумать только: рыбак рыбака...

– Это был Фишер?

Лёнька, словно опомнившись, дёрнулся и стал озираться по сторонам.

– Фишер! Фишер! Конечно... Я же его нарисовал! Где? Где рисунок? – Лёнька попытался приподняться на локтях, но тут же откинулся назад. – Он забрал его! Сволочь! Забрал мой рисунок!

– Не волнуйся, – Зверев придержал руку Лёньки. – Постарайся ещё раз спокойно рассказать, что здесь случилось.

– Да-да... конечно! Меня вели по коридору, вот этот, – Лёнька указал на мёртвого сержанта. – И тут я увидел этого. Он сразу всё понял! Понял, что я его узнал! Я закричал! Он ударил вашего в грудь, тот тут же рухнул. Это тот же самый удар! Удар Фишера! Когда он бросился ко мне, я прижал руки и вжался в стену. В этот момент он ударил, но попал по рукам. После этого он выхватил пистолет и ударил по голове. Я мог бы закрыть и голову, но я боялся... Так боялся оторвать руки от груди... Вы точно не нашли рисунок?

Зверев помотал головой. От целого потока слов вены на висках Лёньки надулись, кровь выступила из-под повязки. Его лицо перекосилось, но он продолжил:

– Я сделал всё, как и обещал. Я нарисовал портрет Фишера, и ещё... Я должен был сказать это сразу... – Лёнька вцепился Звереву в пиджак и рванул на себя, прошептав в самое ухо. – Андрей! Фишер вернулся за Андреем...

Лёнька в последний раз дёрнулся, закричал и застыл, не разжимая руки.

\* \* \*

Они сидели в кабинете Корнева уже два часа. Несколько минут назад Карен Робертович зашёл в кабинет и предварительно сообщил, что младший сержант Лычкин умер от остановки сердца.

– Ты хотя бы семечки, что ли, грыз! А то все губы себе искасаешь! – покачал головой Зверев, когда Карен Робертович вышел, осторожно закрыв за собой дверь.

Он сидел на подоконнике и курил в форточку.

– Отстань! Сейчас мне совсем не до твоих шуточек.

– А я и не шучу. Курить не стоит, а вот семечки...

Корнев что есть мочи бахнул кулаком по столу.

– Да прекрати ты, наконец!

– Ты так свою Леночку до инфаркта доведёшь. Она ведь каждый раз, после такого грохота, или выкриков твоих, к двери подходит и слушает. Ты бы проверил, может и сейчас стоит!

– Да пошёл ты! Тебе надо, ты и проверь! – Корнев снова вынул из стола очередной карандаш и принялся его точить. – Дурак! Какой же я дурак! Нельзя было отпускать Комелькова, а мне загорелось поскорее рожу этого фрица увидеть. Теперь вот пойдя и угадай, как эта сволочь выглядит.

Зверев пожал плечами:

– Да уж, Лычкина, конечно, не вернуть, да и Лёньку, признаться, мне тоже жаль, но теперь мы имеем то, что имеем. Зато теперь районы поиска у нас более-менее обрисовались. Сам посуди: искать Фишера по всему городу всё равно что искать иголку в стоге сена. Никакая агентура нас бы на него не вывела. Если бы мы объявили его в розыск, и развесили бы его портреты на каждом столбе, он бы наверняка затаился. К тому же по рисунку не так уж и просто опознать человека.

Он мог бы как-нибудь изменить внешность. Например, отрастил бы бороду и усы. И не факт, что рисунок Лёньки был таким уж и идеальным.

– Всё равно рисунок, даже плохой – это лучше чем ничего. К тому же у нас больше нет свидетеля, который бы мог опознать Фишера, а это просто катастрофа.

– Согласен, но давай всё же будем исходить из того, что имеем, а не истерить и киснуть, – продолжал рассуждать Зверев. – Теперь мы практически наверняка знаем, что Фишер в городе. Наши предположения о том, что он где-то раздобыл форму и выдаёт себя за сотрудника милиции, скорее всего, оказались неверными. Теперь мы предполагаем, что Фишер не просто изображает милиционера, а таковым и является. Остаётся заняться чистой математикой пока что, сделав весьма приблизительные подсчёты. В Управлении работает чуть больше шестидесяти человек. Из них таких, как я и ты, – старожилы, которые работали здесь ещё до войны, и которых мы знаем в лицо, наберётся около двадцати. Остальные новички, которые вступили в наши ряды уже после войны. Если бы не недавнее увеличение штатов, которое прошло три месяца назад, то подозреваемых было бы меньше, а так имеем то, что имеем, а именно около сорока потенциальных подозреваемых.

– Быстро же ты как всех сосчитал! – язвительно заметил Корнев.

– Просто я не убиваюсь о потере ценного свидетеля и не перевозжу карандаши, как некоторые! Я думаю и рассуждаю!

– Ну-ну, давай, что ты там ещё надумал?

– Так вот! Если не брать в расчёт посетителей, которые могли оказаться в Управлении случайно и вряд ли ходили бы по коридорам без сопровождения. Если отбросить женщин и тех, кто был в командировках, на выходных и в отпусках – эти сведения мы непременно запросим в отделе кадров – думаю, что останется не больше двадцати. Мы составим список оставшихся и с пристрастием допросим всех дежурных по КПП, чтобы исключить тех, кого сегодня точно не было в Управлении и, надеюсь, что список ещё уменьшится. По моим прогнозам, останется человек пятнадцать.

– Будет логично также составить список всех Андреев, из общего числа. Также нужно будет включить сюда список тех Андреев, которые работали здесь раньше. Если предположить, что Фишер сумел



завладеть поддельными документами и устроился к нам, чтобы отыскать этого Андрея, то он, возможно, тоже не знает его в лицо.

– Ну вот, и твои мозги наконец-то заработали. Это хорошо. Плохо одно – за всеми подозреваемыми нам придётся организовать наблюдение, а значит, понадобятся люди. Я бы взял кого-нибудь из наших оперов, но почти все они пришли в Управление недавно, а значит, попадают в число подозреваемых. Среди наших только Ершов и Коваленко старожилы, а остальные все новички. Любой из них может оказаться Фишером, тогда все труды псу под хвост. Только вот Ершов – в госпитале, а Коваленко – недавно схоронил жену. Он, конечно, опер толковый, но сейчас работник из него так себе.

Корнев хлопнул ладонью по столу.

– Так! Дело наклёвывается нешуточное, подумать только, у нас в Управлении завёлся предатель, недобитый нацист! Итак, я решил: мы создадим отдельную следственно-оперативную группу, в которую включим только тех, кто не попадёт в списки подозреваемых.

– Догадываюсь, кого ты мне предложишь! – фыркнул Зверев.

– Подберу лучших, можешь не сомневаться, ну и ты не сиди без дела.

– То есть я могу тоже кого-нибудь взять?

Корнев, судя по его враз изменившемуся лицу, проникся жадной деятельностью.

– Да-да, можешь! Всё, не мешай! И не сомневайся, ты получишь самых лучших.

Видя, что подполковник его уже не слышит, Зверев только махнул рукой и вышел из кабинета.

**Часть вторая**

**Роза**

**Глава первая,**  
***в которой Зверев помимо поисков Дитриха Фишера начнёт расследование ещё одного довольно запутанного дела***

Выявить всех тех, кто сегодня побывал в Управлении и мог напасть на Комелькова и конвойного, оказалось не так уж и легко. Остаток дня он бегал по кабинетам, опрашивал сотрудников, рылся в бумагах, а также зашёл в дежурную часть. Сидевший на пропускном пункте сержант долго восстанавливал в памяти тех, кого он сегодня видел или не видел, при этом постоянно снимал фуражку и чесал затылок. Зверев с трудом сдерживался, ругая про себя охранника за невнимательность и тугодумие. Порадовало лишь то, что майор Свистунов, начальник дежурной части (по-видимому, он уже получил соответствующие указания от Корнева), без промедления предоставил Звереву все графики дежурств и книгу посетителей. Звереву, конечно, хотелось взвалить всю бумажную работу на Шувалова, но того в Управлении не оказалось, а терять драгоценное время не хотелось. Зверев поднялся в свой новый кабинет, который Корнев выделил ему и его ещё не сформированной оперативно-следственной группе.

Кабинет располагался на первом этаже. Здесь было довольно убого: старенький стол, на котором стояли пожелтевший от времени графин и два таких же – не менее грязных стакана; несколько деревянных стульев, расположенных рядом вдоль стены и забитый какими-то папками книжный шкаф. На покрытом толстым слоем пыли подоконнике в глиняном горшочке произрастала куца, но от этого не менее пахучая, герань. Войдя в кабинет, Зверев тут же подошёл к окну, распахнул его, после чего взял горшок с цветком и бросил его в стоявшую в самом углу мусорную корзину; вслед за геранью последовали стаканы и графин. Освободив таким образом кабинет от самых, на его взгляд, ненужных предметов, Зверев уселся за стол, стёр с него пыль носовым платком и погрузился в работу. От графиков и списков у него вскоре заболела голова, но он, пересиливая себя, так и просидел над ними до самого вечера.

Закончив работу в половине девятого, Зверев вышел из Управления и отправился на трамвайную остановку. Трамвай пришлось ждать довольно долго, так что до дома он добрался только тогда, когда уже начало темнеть. Войдя во двор, Зверев поглядел на свои окна и тут же укрылся за кустами. В его квартире на третьем этаже горел свет.

Хорошенькое дельце. Перед тем как уйти из дома, он сначала выпроводил возмущённую Зиночку, и только потом вышел сам, заперев дверь на ключ. Зверев, в отличие от большинства людей, никогда не забывал закрывать дверь и выключать электричество. Запасных ключей от своей квартиры Зиночке Зверев не оставлял, поэтому свет в окне мог означать лишь то, что в его квартире кто-то побывал. Поднявшись по лестнице, Зверев на цыпочках подошел к двери и потянул ручку на себя. Дверь была заперта изнутри. Значит, незваный гость всё ещё там. Зверев достал из кармана ТТ и, стараясь действовать как можно тише, открыл дверь ключом. Он проник в коридор, держа пистолет у виска, и почувствовал запах дорогого табака. Зверев на мгновение замер и именно в этот момент услышал резкий женский голос: «Зверев, сейчас же убери пистолет, а то ещё пристрелишь меня ненароком!» Он узнал голос Риты. Убрав пистолет, Зверев не спеша разулся, прошёл на кухню и уселся на табурет.

\* \* \*

Рита – она же Маргарита Игоревна Ковальская – была одной из многочисленных подруг Зверева. Рита работала в модном салоне на пересечении улицы Гоголя и Октябрьского проспекта. Две недели назад на этой же самой кухне Рита категорично заявила Звереву, что больше не может обманывать мужа, и им необходимо расстаться. Тогда Зверев сделал траурную мину и лишь многозначительно пожал плечами, на что Рита отреагировала довольно импульсивно:

– Не делай вид, что моё решение тебя огорчило! Будь хотя бы сейчас со мной честен!

– Разве я хоть раз тебя обманывал? – удивился Зверев.

Рита надула губки:

– Ты говорил мне, что я тебе нравлюсь!

– Говорил! И готов повторить это сейчас! Что с того?

Рита нахмурила лобик.

– Ещё ты мне говорил, что я тебе очень дорога!

– И это тоже не было ложью!

– Ах вон оно что, то есть тебе дороги все, кого ты водишь к себе на ночь?

– Не могу врать женщинам! Особенно тем, которых считаю настоящими красавицами, – Зверев театрально вскинул взгляд к потолку. – Ты совершенно права, мне дороги вы все! Все до единой.

– Ну ты и сволочь, Зверев! – взвизгнула Рита.

– О Боже, эти слова я слышу чаще, чем что-либо ещё! Ты не оригинальна, моя дорогая! Но сейчас не об этом. Не могу понять, к чему все эти пересуды? Ты сказала, что решила порвать со мной, потому что не хочешь больше обманывать мужа! Это так, или ты что-то не договариваешь?

Рита фыркнула, нахохлилась:

– Я нашла в твоей постели рыжие волосы!

– Что с того?

– Я хочу знать, прежде чем оставить тебя, кто эта женщина!

Зверев изобразил задумчивость, потом небрежно принялся рассуждать:

– Если волосы, которые ты нашла, длинные и прямые, то это скорее всего Люба, официантка из одного маленького ресторанчика с дурацким названием «Крабик». Если волосы средней длины и вьются, то это наверняка Зиночка, жена одного довольно важного дядечки, фамилию которого я по понятным причинам не могу тебе назвать... Если же волосы совсем короткие... Стоп! Мне же не нравятся женщины, стриженные под мальчиков. Волосы, которые ты нашла, они же не короткие?

– Ну ты и сволочь, Зверев!

– Довольно! Эти слова ты уже сегодня говорила. Ты решила больше не изменять мужу, и я считаю, что это служит веским основанием для разрыва наших отношений. Так что, моя девочка, я желаю тебе долгого семейного счастья, и более не смею тебя задерживать. Однако если ты вдруг передумаешь...

– Не передумаю! – гневно выкрикнула тогда Рита и покинула «логово зверя», именно так до этого она называла квартиру своего

любовника.

В тот момент он решил, что Рита объявится уже через пару дней, но когда этого не случилось, Зверев не особо огорчился. Он отнёсся к случившемуся вполне философски и даже порадовался за вновь обретшую друг друга семейную пару.

\* \* \*

Сегодня, спустя целых пятнадцать дней после их «трогательного» расставания, обнаружив бывшую любовницу на собственной кухне, Зверев в душе был немного разочарован. Ему было искренне жаль, что семейная идиллия супругов Ковальских продолжалась недолго. Рита снова выглядела возбуждённой. Худая, большеглазая, с идеальным изгибом бровей – женщина стояла у окна и неистово курила. На ней было утянутое широким поясом сиреневое платье с белыми манжетами и кружевным воротником. Рита теребила пальцами маленькую сумочку из замши, которую то и дело сжимала с такой силой, что её цупферный замок то и дело расстёгивался. Также опытный взгляд Зверева сразу же отметил, что глаза Риты, вопреки обычному, накрашены наспех, а три окурка в пепельнице искурены только наполовину. «А сегодня она выглядит немного иначе, чем при нашей последней встрече, – продолжал рассуждать про себя Зверев. – Она бледна, её нижняя губа подрагивает. Неужели и впрямь что-то серьёзное...» Видя, что женщина не решается заговорить первой, Зверев спросил:

– Откуда у тебя ключ?

Рита вздрогнула, словно ей дали пощёчину.

– Что? Ключ? Какой ещё ключ?

– Ключ от моей квартиры, – пояснил Зверев, стараясь говорить как можно мягче.

– Ах, ключ, – Рита расстегнула сумочку, достала из неё ключ и положила на стол. – Еще полгода назад, пока ты спал, я нашла у тебя в кармане ключи и решила, что стоит сделать с них слепок.

– Ты сделала по оттиску дубликат? И всё это время имела ключ от моего логова? Ты бы добилась большого успеха, если бы связала свою жизнь с криминалом...

– Перестань! Мне сейчас не до твоих дурацких шуток. – Рита загасила папиросу и посмотрела Звереву в глаза. – Мне нужна твоя помощь. Я думаю, что Болеслав узнал про наши с тобой отношения. Ты же знаешь, он такой ранимый и вспыльчивый, не знаю, как он такое перенесёт.

Зверев ни разу не сталкивался с Болеславом Ковальским, и если что и знал о нем, то только со слов самой Риты. Зверев стал судорожно вспоминать: Ковальский Болеслав Янович, театральный деятель, считает себя потомком польских аристократов, ученик самого Захавы<sup>[6]</sup>, некогда блистал на сцене театра Пушкина. Играл роль какого-то там царевича в постановке «Борис Годунов». Чувствительный, вспыльчивый, ранимый... Что там она про него ещё рассказывала? В настоящее время переживает творческий кризис, поэтому много пьёт, постоянно где-то пропадает в поисках работы. Пока Зверев напрягал свою и без того уже гудящую голову, Рита продолжала возбуждённо говорить:

– ...пришла домой, а её нет! Ты понимаешь, он забрал Розу и исчез. Он наверняка всё узнал, поэтому и уехал. Куда он мог направиться? Может, в Ленинград? Или в Москву? У него же совсем нет денег! Кроме тех, что он забрал из моей шкатулки. Но там же всего несколько тысяч. Как он собирается жить?

Зверев вскинул руки вверх и ударил ладонями по столу.

– Стоп! Остановись, а то мой мозг закипит от твоих завываний. Ты так возбуждена и перепугана из-за того, что твой муженёк-неудачник сбежал от тебя в неизвестном направлении, прихватив с собой все ваши деньги и какую-то розу?

– Что??? – если до этого Рита разговаривала громко, то сейчас она заорала так, что её крики наверняка услышали все соседи. – Что значит «какую-то розу»? Вообще-то мы сейчас говорим о моей дочери. Говорю же, Болеслав узнал о нашем с тобой романе, забрал с собой дочь и уехал!

«Тьфу ты! Твою ж маму так! – Зверев чуть было не сказал это вслух. – Как же он мог забыть? Роза – это же семилетняя дочка Ковальских. Хотя Рита сама виновата. Если про мужа она постоянно что-то говорила в ходе их романтических свиданий, то о дочери почему-то упоминала лишь пару раз и то вскользь. Дело наконец-то

проясняется. Если бы Рита столько не трепалась о своем муже и его гениальности, а начала с главного...»

– А ну, цыц! И больше так не ори! – шутливый тон Зверева тут же улетучился. Рита отшатнулась и медленно опустилась на край табурета. – Просто отвечай на вопросы!

Рита покорно закивала.

– Когда ты обнаружила пропажу дочери? – приступил к опросу Зверев.

– Позавчера я довольно поздно вернулась с работы. Было около десяти, в это время Розочка обычно уже спит. Ни дочери, ни мужа дома не оказалось. Болеслав часто уходит по своим делам, так что Роза давно уже научилась засыпать одна.

– А что ещё за дела у твоего мужа по ночам? Ты же говорила, что в театре он пока не играет.

Рита наморщила лобик, виновато потупилась:

– Ну ты же понимаешь... Болеслав тяжело переживает свой уход из театра. Он артист! Настоящий артист, но его совсем не ценят...

«Это вы с муженьком так думаете, – рассуждал Зверев. – Наверняка те, с кем работал Ритин муженёк, не считают его столь уж выдающимся».

– Давай не будем ходить вокруг да около! Твоего мужа выставили из театра, и он подался во все тяжкие. Ты работаешь, а он пропивает все ваши деньги! Так?

– Я же говорила, что он очень ранимый. Он талантливый, понимаешь?..

– Хватит! Если у него когда-то и был талант, то сейчас он уже наверняка его пропил. Итак, ты пришла домой и обнаружила отсутствие мужа и пропажу дочери! Что ты там говорила про шкатулку и деньги?

– В шкатулке лежала моя зарплата, муж её забрал. Всего несколько тысяч.

– Ещё что-нибудь пропало?

Рита начала покусывать губы, отвела взгляд.

– Драгоценности. Витой браслет из золота, цепочка и кулон...

– Так! – усмехнулся Зверев. – А ты в милицию заявляла? Вдруг вас просто ограбили.



– Нет! Муж время от времени уже брал у меня деньги и драгоценности и закладывал их, но я их всё время выкупала.

Зверев аж крикнул. *Понятно теперь, почему Рита с ним вообще связалась. Да от такого муженька к чёрту лысому убежишь.*

– Соседи что-нибудь видели?

– Бабка с нижнего этажа видела в окно, как Болеслав вышел из дома с чемоданом... Вчера около восьми вечера.

– А девочка? Её кто-нибудь видел?

– Обычно, когда я на работе, Роза приходит из школы около двух, учит уроки, а потом идёт гулять.

– Вчера её кто-нибудь видел?

– Не знаю! – Лицо Риты скривилось. – Я особо никого не спрашивала!

– Но почему?

– Потому что я не особо лажу с соседями! Все они зануды, сквалыги и сплетники! Вот почему! Слушай! Мне всё это уже надоело! Ты устроил мне настоящий допрос, как будто я какая-то преступница. Это ты у нас сыщик, вот и ищи мою дочь! Если хочешь, допрашивай соседей, ещё кого-нибудь! Но найди мне мою дочь!

Вот так дела. Зверев с трудом сдержал улыбку.

– Ну что ж, гражданка Ковальская, если вы обращаетесь ко мне как к представителю органов правопорядка, в таком случае я рекомендую вам обратиться в районное отделение милиции по месту жительства. Там у вас должны принять заявление о пропаже ребёнка и похищении денежных средств и драгоценностей. Если в течение трёх дней ваша дочь и муж не объявятся, будет возбуждено дело, и милиция займётся их поисками. Так же вынужден вас попросить, не появляться более в моём доме, ибо следующий ваш подобный визит я могу посчитать незаконным проникновением в моё жилое помещение, – Зверев взял со стола дубликат ключа и сунул в карман. – Это я забираю, а слепок пока что предлагаю вам уничтожить добровольно.

Не веря своим ушам, Рита сидела с открытым ртом несколько минут, а потом вытащила из сумочки платок и разрыдалась.

– Перестаньте плакать, гражданочка! Слезами горю не поможешь, – всё тем же суровым тоном заявил Зверев.

После этих слов Рита бросилась ему на шею.

– Паша! Миленький! Зачем же ты со мной так? Ты же говорил, что я тебе дорогá! Помоги мне! Пожалуйста!

Зверев аккуратно отстранил от себя рыдающую Риту.

– Ладно! Не ной! Всё это, конечно, очень некстати, но в беде я тебя не брошу.

– Правда? Ты мне поможешь?

– Сказал же, помогу – значит помогу! Будем надеяться, что с твоей малышкой всё в порядке.

Не дослушав Зверева, Рита повисла у него на шее.

## **Глава вторая,** *в которой Зверев узнаёт некоторые подробности из жизни Болеслава Ковальского*

После продолжительных «утешений» покинутой всеми Риты Зверев уснул лишь под утро, но всё же заставил себя встать, когда будильник прозвенел в семь утра. Наспех собравшись, он выпроводил безутешную Риту, и заверил её, что отложит все дела и непременно займётся поисками Болеслава Ковальского и малютки Розы. Когда, войдя в здание Управления, Зверев узнал от дежурного, что Корнева вызвали в Главк на какое-то срочное заседание, в душе порадовавшись тому, что не придётся объясняться с начальником, Зверев отыскал Шувалова в одном из кабинетов следственного отдела. Тот был хмур, и когда Зверев протянул напарнику руку, тот не ответил на рукопожатие и лишь буркнул в ответ:

– Ты мне вчера связки растянул. Я после нашего с тобой общения еле ручку в руках держу.

– Сам виноват! – Зверев пожал плечами. – Нечего было продуктами кидаться, за загривок меня хватать. Так что уж извини.

– Знаешь, где я твои извинения видал!

– Догадываюсь, но в гроб тебе пока ещё рановато! Поэтому давай закончим дразги и займёмся делом?

– Закончим... пока!

– Тогда собирай манатки и дуй за мной! – Зверев вскинул руку к виску и щёлкнул пальцами. – У нас с тобой теперь отдельный кабинет!

Когда они вошли в кабинет, Шувалов скривился.

– Ну и дыра! Не так уж тебя и ценит начальник, раз засунул сюда и не нашёл местечка получше.

– Не бухти! Договорились же, что дело – прежде всего. Если хочешь, то можешь здесь прибраться. Пыль протереть, вымыть полы...

Видя, как Шувалов начинает скрипеть зубами, Зверев решил немного повременить с шутками.

*Цель оправдывает средства! У него сегодня и без того много дел, поэтому очередная стычка с майором может и подождать.*

Выслушав ещё несколько фраз об убогости их новой «обители», Зверев подробно изложил следователю их с Корневым общую версию о сложившейся обстановке.

– Значит, теперь у меня не только старик, а и ещё двое покойников! Вот так дела.

– Зато теперь есть от чего оттолкнуться. Ты ведь дело Дудукина, видимо, уже собирался закрывать?

– А что ты хотел, старик умер естественной смертью...

– Сержант Лискин тоже, вот только Комельков, мерзавец такой, всю статистику нам испортил...

«Опять двадцать пять! Я же, кажется, решил с шутками повременить», – подумав так, Зверев тут же придал себе строгий вид.

Узнав о том, что смерть Комелькова и конвойного, наделавшая столько шума в Управлении, наверняка связана со странной кончиной старика Дудукина, Шувалов продолжил в привычной ему манере бурчать и жаловаться на судьбу. Поспешив покончить со всем этим, и чтобы заняться делами Риты, Зверев вручил майору дубликат ключей от их нового кабинета и бросил перед ним на стол пачку бумаг. Посоветовавшись с Шуваловым разобраться в бумагах и дожидаясь Корнева, Зверев сообщил, что уходит, чем вызвал новую волну негодования у своего ворчливого коллеги.

Посвящать Шувалова в Ритины проблемы Зверев не стал. Если Корнев узнает, что Зверев по собственной инициативе вместо того чтобы принять все меры по розыску Фишера, расследует пропажу какой-то девочки, он наверняка придёт в ярость. Поэтому, оставив все возмущения Шувалова без ответа, Зверев помахал рукой и выскочил из кабинета. Не задерживаясь больше нигде, он покинул здание Управления и отправился на улицу Пушкина, где располагался городской театр драмы.

\* \* \*

Хотя и говорят, что театр начинается с вешалки, но сегодня для Зверева областной драматический начался с тотальной проверки. На входе за столиком сидела мощная бабулька в круглых очках и

с огромной бородавкой на носу. Увидев незваного посетителя, она тут же вскочила, перегородила путь и пробасила:

– Куда прёшь? Не видишь, закрыты мы!

– Мне бы к директору, – Зверев показал документ.

Вахтёрша рассматривала удостоверение несколько минут, внимательно изучая каждую букву.

– Настоящее! Можете не сомневаться! На зуб пробовать не стоит, – улыбнувшись, сказал Зверев.

– Чего? – не поняв шутки, спросила бабка.

– Обычно золото на зуб пробуют. Впрочем, это к делу не относится. Мне бы к директору вашему попасть, – не утруждая вахтёршу объяснениями, повторил Зверев.

– К Мезенцову? Так нет его.

– А кто есть?

– Так все здесь: Гордеев, Санинский, ну и я, разумеется.

– С вами всё понятно, а Гордеев и Санинский – это кто?

– Ну темнота, – ухмыльнулась бабка, обнажив при этом несколько позолоченных зубных протезов. – Санинский – это же звезда! Настоящее светило!

Зверев пожал плечами:

– С астрономией у меня, признаться, не очень. А должность у этого выдающегося деятеля искусств есть?

– Так артист... народный!

– Понятно, а Гордеев кто? Тоже артист?

– Лев Иваныч! Режиссер! – дивясь неосведомлённости Зверева, хмыкнула бабка.

– Тогда мне к нему. Ко Льву этому вашему! Не волнуйтесь, я ненадолго. Задам пару вопросов и мгновенно испарюсь, исчезну как тень в горячий полдень.

Зверев попытался просочиться мимо хранительницы Мельпоменова храма, но бабка и не подумала сдавать своих позиций так просто.

– Не станет Гордеев с тобой говорить!

– Отчего же?

– Так... репетиция у него!

– Репетиция! Это же просто шик! А что нынче ставит Гордеев?

– Так этого... как его там? Фигаро!

– Замечательно! – манерно прижав руки к груди, воскликнул Зверев. – С удовольствием посмотрю, как готовят вашу постановку.

– А тебе оно зачем?

Зверев, собиравшийся было пройти к лестнице, застыл на месте. *Раз заграждение уже преодолено, не стоит ли его использовать для укрепления своих позиций?*

– Я разыскиваю одного из ваших артистов! – выпалил он напрямик.

– Кого? – хитро прищурилась вахтёрша.

– Да так... Простите, а как вас по имени-отчеству?

– Варвара Семёновна я...

– Скажите мне, уважаемая Варвара Семёновна, давно ли вы видели Болеслава Ковальского?

Бабка тут же поморщилась, махнула рукой.

– Этого пьянчугу? Так уж с неделю он сюда и носа не кажет. С тех пор как он сорвал нам спектакль, Гордеев тут же к Щепкину побежал. «Гоните, – говорит, – в шею этого проходимца, видеть его больше не желаю!»

– Гордеев, как я понял, – это режиссер! А Щепкин...

– Так директор Щепкин... Василь Юрич! Ты ж к нему вроде бы как и шёл, аль я напутала чего? – бабка тут же сощурила глазки.

Зверев хлопнул себя ладошкой по лбу.

– К нему, к нему! К кому же ещё? А что вы там говорили про срыв спектакля? Часом, ничего не перепутали?

– Я? Перепутала? – вахтёрша снова оскалилась. – Да тут такое было. Шёл спектакль. Фигаро этот самый.

– Тот самый, которого сейчас ваша труппа репетирует?

– Тот самый и есть! Раньше-то ваш Ковальский в том спектакле какого-то Альмавиву<sup>[7]</sup> играл. А тут как-то во время вечернего спектакля в антракте, смотрю, спустился наш Болеслав Янович в гримёрку и с Петькой Трошкиным там, значит, уединился.

– А Петька это...

– Гримёр наш! Я сперва подумала, что он так просто к нему зашёл, физиономию подпудрить, а спустя пять минут гляжу, выходят оба, рожи – как редис, глаза мутные, говорят громко, и у обоих языки заплетаются. Ну, думаю, – всё, накидались, касатики, под завязку! И быстро-то как! Что потом было, я точно не знаю, но, по слухам, все

потом это обсуждали, Болеслав-то наш второй акт напрочь завалил: текст четыре раза путал; чуть в суфлёрскую кабинку не упал, а под конец так взял и непотребными словами браниться стал; когда зрители стали возмущаться, взял, сорвал с себя парик и в зал его швырнул. После этого Лев Иванович к Щепкину пришёл и потребовал, чтобы Ковальского немедленно из театра выперли, а на роль Альмавивы этого Санинского взял. Вот они сейчас и репетируют целыми днями, чтобы остальные спектакли не срывать.

Зверев наморщил лоб, потёр подбородок и задал очередной вопрос, просто так, наудачу, но попал в точку:

– А Болеслав Янович ни с кем из ваших артисточек... Ну вы же понимаете... Вы ведь наверняка знаете, с кем у него из ваших отношения были.

Вахтёрша гортанно рассмеялась:

– Проще сказать, с кем у него их не было! Почитай со всеми.

– Так если он у вас пьяница! Кому ж такой понадобился? К тому же у него жена, дочка маленькая.

– И что? Жена не стена! Когда это кого останавливало? Он же ведь вон у нас какой красавец. Да сам погляди! Вон он – морда бесстыжая! – вахтёрша указала пальцем на вереницу фотографий, висевших по обеим сторонам длинного коридора в вестибюле. Зверев тут же приклеился взглядом к фотографии мужчины с зачёсанными назад волосами. Открытый лоб, расширенные скулы и ямочка на подбородке, способные, вне всякого сомнения, вызвать настоящий восторг у большей части представительниц прекрасной половины человечества. «Да уж, – подумал Зверев, – и впрямь красавец, аж гордость берёт от того, что от столь безукоризненного муженька Рита почитай через день бегают к нему».

– Значит, вот он какой – наш пан Ковальский! – усмехнулся Зверев.

– Он! Не сняли ещё прохиндея, а пора бы уж. Он ведь, гад, перед тем, как выперли его, успел ещё и денег у всех назанимать. И у вертхвосток наших, и у костюмеров, и даже у режиссера! Я, дура, тоже лопухнулась. Полтыщи ему заняла до получки, а он фьють... Ты, милоч, коль найдёшь его, супостата, ты с него мои полтыщи уж стребуй, а я в долгу не останусь. На спектакль какой без билета пройти, иль ещё чего...

– Непременно стребую, если найду. Вот же какой негодяй, но мы ему ещё покажем. А вы мне не расскажете, что он вообще за человек, ваш Ковальский?

– Чего ж не рассказать? Болеслав Янович – он ежели при деньгах, то одевается как франт! Дамочки от него без ума. Он их по ресторанам водит, горы золотые сулит.

– А под этими дамочками вы кого ж имеете виду? Артисточек ваших?

– Да нет! То есть раньше – да, а сейчас нет. Наши уже давно от него плюются. Он же как напьётся, так тут же из ангела в чёрта превращается!

– В драку, что ли, лезет?

– Да нет! Какое там! Он же неженка и трус, только на словах герой. Просто он как пить начинает, то гудит целую неделю, а то и две. Из-за того его из театра нашего и попёрли.

– А когда он в запое, то где обычно останавливается, домой идёт?

– Не всегда. Бывает, что у бабы очередной уснёт, а бывает, что и в подворотне заночует. А бывает, что у собутыльника своего квартируется, у Петьки Трошкина.

– А вы адрес этого Петьки можете мне сказать?

– Конечно могу, только не надобен тебе его адрес, потому как Петька Трошкин – это наш гримёр. Он уже месяц как в завязке, а Ковальского Петька и сам ищет. Потому как тот и ему денег задолжал.

Зверев нахмурился, почесал подбородок.

– Получается, что где мне искать Ковальского, вы не знаете?

– Наверняка не знаю, но наколочку дать могу. Петька говорил, что этот алкаш частенько в «Трёх ершах» зависает. Ты туда наведайся, касатик! «Три ерша» – это кабак такой, в двух кварталах отсель.

– А сам Петька там Ковальского отчего ж не ищет?

Вахтёрша покрутила пальцем у виска.

– Ну ты, милоч, даёшь! Да ежели наш Петька в «Три ерша» заявится, так в нашем театре тут же на одного гримёра меньше станет. Сейчас-то Петька совсем не пьёт, а как в этом гадюшнике окажется, так тут же сразу и сорвётся.

– Спасибо вам, Варвара Семёновна, пойду я, пожалуй. Раз уж вы сказали, что директора на месте нет, то я в другой раз к вам наведуясь.



Вахтёрша деловито распрямила плечи, надула щёки, но тут же, опомнившись, ухватила Зверева за рукав.

– Ты, милоч, только про полтыщи мои не забудь. Пусть этот гад сперва мне должок отдаст, а уж потом остальным. А то ведь сам понимаешь. Живу я одна-одинёшенька, едва ли не впроголодь...

– Всё понимаю, Варвара Семёновна! Обязательно денег у Ковальского для вас потребую. Можете не сомневаться, – высвободив рукав из цепких рук пожилой женщины, Зверев вышел из здания театра.

\* \* \*

Над входом в заведение, про которое рассказала Звереву работница драматического театра, висела надпись – «Пивная». Чуть ниже располагалась ещё одна табличка с нарисованной на ней кружкой пива, размещённой в окружении трёх изогнутых рыбёшек. У самого входа, возле переполненной чугунной урны, валялись окурки, обрывки газеты и пара пустых бутылок из-под «Столичной». Одно из окон заведения было разбито.

Войдя в пивную, Зверев тут же ощутил себя «белой вороной». Уж не ошиблась ли многоуважаемая Варвара Семёновна, сообщив ему, что именно в этой дыре коротает дни столь привлекательный мужчина и известный деятель театрального искусства Болеслав Ковальский. Дым стоял коромыслом, запах рыбы и кислого пива сразу же заставил Зверева поморщиться. Здесь было довольно шумно и многолюдно. Заросшие щетиной подбородки, отёкшие глаза и дурковатые беззубые улыбки, от которых хотелось расплакаться – посетители сидели за столами в засаленных рубахах и драных пиджаках, большинство из них даже не потрудились снять с голов кепки. Почти весь прилавок заведения был заставлен алюминиевыми подносами, на которых скопились кружки с недопитым пивом и целые горы немытой посуды. Растрёпанная дама в грязном халате, стоявшая за стойкой, мечтательно смотрела в окно, курила «Казбек» и стряхивала пепел в одну из стоявших перед ней тарелок с остатками еды. Когда Зверев прошёл мимо, женщина одарила его скоротечным взглядом и снова уставилась в окно.

Потолкавшись между столиками и поймав на себе несколько недобрых взглядов, Зверев вдруг резко оживился. «А мне сегодня везёт! Вот что значит установить контакт и приятельские отношения с обслуживающим персоналом, – подумал Зверев, помянув добрым словом словоохотливую вахтёршу театра имени Пушкина, – и директора с режиссером тревожить не пришлось. Вот же он – незаслуженно изгнанный со сцены заслуженный деятель искусства!»

Сидевший за крайним столиком рослый мужчина отличался от окружавшего его контингента как наружностью, так и одеянием. Стильный пиджак, довольно помятый и сшитый по последней моде, широкие брюки и модные туфли на шнуровке выдавали его явно непролетарское происхождение. Рубашка и немного расслабленный жёлтый галстук в горошек опять же смотрелись неплохо, хотя, как и всё прочее одеяние Болеслава Яновича, тоже выглядели несвежими. На шее мужчины висел белый шёлковый платок, в одной руке Ковальского дымилась истлевшая до самого мундштука папироса, в другой он держал видимо давно уже опустевшую кружку из-под пива. Охватившей накануне Зверева гордости за умение отбивать жён у писанных красавцев у него почему-то тут же поубавилось.

Безусловно, когда-то безупречное лицо Ритиного муженька сейчас выглядело одутловатым и опухшим. Капилляры на носу и щеках местами полопались. Немытые по крайней мере пару недель волосы и опустошённый взгляд добавляли в этот печальный образ ещё больше негатива. Перед Ковальским на столе красовались голова и ободранный хребет закопченного леща, несколько измятых бумажных салфеток и забитая окурками пепельница. На скатерти и на брюках мужчины, равно как и повсюду под столом снежинками искрилась серебристо-жёлтая рыба чешуя. «Да уж... найти тебя оказалось не так уж и сложно, вельможный пан Болеслав Янович», – усмехнулся про себя Зверев и подсел за столик к Ковальскому.

Тот встrepенулся, выпрямился и, вскинув голову, довольно пафосно поинтересовался:

– Чем обязан?

– Разговор имеется! – грубо ответил Зверев.

Словно вдруг что-то вспомнив, Ковальский вдруг съёжился. Вся его бравада моментально куда-то улетучилась. Он побледнел, шмыгнув носом и плаксиво промямлил:

– Вы насчёт денег? – Ковальского трясло, его язык слегка заплетался.

– Не совсем! – уклончиво ответил Зверев.

– То есть вы не от Артура?

– Нет! Я не от Артура!

Ковальский снова выпрямился и придал своему помятому лицу оскорблено-удивлённый вид.

– Тогда ещё раз повторюсь! Чем обязан... товарищ?

– Прежде всего, я хочу знать где твоя дочь? – Зверев решил играть в открытую.

– Что? Где кто?.. Какая ещё дочь? – Болеслав Янович начал бледнеть.

Ковальский замотал головой, словно желая таким образом поскорее прийти в себя и хотя бы немного протрезветь. «Похоже, дело – дрянь, – подумал Зверев. – Про девочку он ничего не знает – это плохо! Однако ему, судя по всему, на неё не плевать, а значит, не будет юлить».

– Ты что же, забыл имя дочери?

Ковальский дёрнулся, едва не опрокинув стоявшую перед ним кружку.

– Роза! Моя милая Розочка? Что с ней?

– Твоя жена решила, что девочка с тобой...

– Рита... Рита решила, что Роза со мной? Что за чушь?

«Теперь и я понимаю, что это чушь», – пробубнил Зверев себе под нос.

– Твоя дочь исчезла два дня назад, – продолжил он с нажимом. – Ты должен немедленно всё рассказать! Куда делись деньги и драгоценности из шкатулки! Куда могла подеваться Роза и самое главное – кто такой этот Артур, которого ты так боишься.

– Вас прислала Рита? – с определённой долей сомнения поинтересовался Ковальский.

Зверев огляделся по сторонам.

– Я из милиции, – решив не открывать всех деталей, ответил Зверев.

Левая бровь Ковальского выгнулась дугой.

– Вон оно что! А можно мне взглянуть на ваши документы, товарищ?

– Обойдётся! – возмутился Зверев. – Здесь не то место, где стоит махать удостоверением!

– Да-да. Я всё понимаю! О, Боже! Розочка, значит они не врал! Они её похитили!

– Твою дочь похитили?

– Это всё Артур! Я ему денег должен! Огромная сумма... Господи! Господи! Какой же я кретин... Вы правы! Вы совершенно правы! Здесь совершенно неподходящее место для серьёзного разговора. Давайте же уйдём, – Ковальский хотел было встать, но вдруг замер. – А вы точно не от Артура?

Зверев покачал головой.

– Так кто такой Артур?

– Артур – игрок! Он не просто игрок, он настоящий мастер своего дела, – Болеслав Янович всхлипнул. – Вот только понял я это слишком поздно!

Звереву вдруг показалось, что этот здоровяк сейчас расплчется как ребёнок.

*Надо бы с ним помягче, чтобы не спугнуть этот поток полупьяных откровений...*

Зверев придвинулся ближе, сделал сочувствующее лицо.

– На Советской есть ресторанчик, – продолжил изливать свои жалобы Ковальский. – Там я познакомился с женщиной...

Он снова всхлипнул, Зверев подсказал:

– Зовут её...

– Лариса! Красивая: грудь, фигура, лицо. Да!. С такой, как у неё, внешностью – только на сцену!

– А фамилия? Где живёт?

– Вы что же, любезный, когда знакомитесь с женщиной, тут же фамилию у неё спрашиваете? – возмутился Ковальский.

Зверев ничего не ответил, мысленно отругав себя за несдержанность.

– Фамилию и где живет, не знаю! Познакомились, выпили, я сказал, что артист...

– Обещали устроить в театр?

– Ещё чего? Просто я хотел пригласить её как-нибудь съездить куда-нибудь на юга.

Зверев усмехнулся:

– А как же жена?

– При чём тут жена? Я же мужчина! Вы же должны меня понимать!

«Знал бы ты, как я тебя понимаю», – пробормотал себе под нос Зверев.

– Пойдите! Вы, помнится, говорили, что вас ко мне Рита прислала?

Зверев уклонился от прямого ответа.

– Я говорил, что я из милиции!

– Тогда, я надеюсь, что информация об этой женщине не дойдёт до ушей моей жены?

– Договорились. Что дальше?

Ковальский вдруг воспрял:

– Я угощал Ларису шампанским! Сказал, кто я! Рассказал, как выступал в столице! Вы слышали о том, что я являюсь учеником самого Захавы? Вы знаете, что я играл царевича Фёдора в «Ленкоме»? – Болеслав Янович распрямился, расправил плечи, и Звереву вдруг показалось, что сейчас все посетители «Трёх ершей» услышат что-нибудь из монологов царевича Фёдора, а то и станут свидетелями чего-нибудь из «Гамлета» или «Короля Лира».

– Да... сейчас я не у дел! – продолжал упиваться былой славой Ковальский. – Зачем женщинам знать про мои временные трудности? Я же известен многим, да вы только спросите у них, у всех этих бездарей, кто такой Ковальский... Да кто такой Гордеев? Режиссёр? Да какой он режиссёр? А Санинский? Бездарность! Полная бездарность, а они...

Не выдержав, Зверев одёрнул зарвавшегося артиста за рукав.

– Я с вами полностью согласен, но лучше расскажите мне про вашу Ларису.

Болеслав Янович вздрогнул, вытер ладонью распаренное лицо и поднёс кружку ко рту. Словно только сейчас увидев, что кружка пуста, он тут же поник и с видом получившего пинок под зад щенка уставился на Зверева.

– Простите, я, кажется, позабыл ваше имя!

– Павел!.. Павел Васильевич!

– Дорогой Павел! Не окажите ли вы мне одну любезность?

Зверев достал из кармана банкноту и положил её на стол перед Ковальским. Тот схватил бумажку и направился к стойке. Спустя пару минут он вернулся с двумя кружками пива. Одну из них Болеслав Янович тут же ополовинил, а вторую поставил перед Зверевым.

– Я не пью! Я на службе! Так что там с вашей Ларисой?

Ковальский затряс головой.

– Так! Что же было потом? Ах да... Мы пили, она смеялась, слушала мои речи, но тут к нам подошёл какой-то тип! Лариса очень обрадовалась, сказала, что это её старый знакомый, а зовут его Артур Аркадьевич. Именно он и пригласил меня принять участие в игре.

– Что за игра?

– Русский покер! Это одна из вариаций игры в преферанс! Мы ехали на извозчике, навес был поднят, было темно и дороги я, естественно, не запомнил. Мы въехали в ворота и прошли в дом, там сидели какие-то люди...

– Играли, конечно же, на деньги?

– Я знаю, что это незаконно, но вы же понимаете... Кто не рискует, тот не пьёт шампанского, – Ковальский взял вторую кружку и сделал ещё несколько глотков.

– И ты спустил всё, что у тебя было?

– И не только что было! Я ещё и остался должен – целых пятьдесят тысяч! Игра – она же так захватывает! Вы же понимаете!

Зверев ухмыльнулся, с трудом сдерживая себя.

– Понимаю, ещё как понимаю. Ты проигрался, и с тебя стали требовать вернуть долг?

– Ну да... Этот Артур поручился за меня перед тем мужчиной, кто снял весь банк и кому я остался должен. С меня взяли расписку, и я обещал вернуть долг в течение трёх дней. Мне никто не угрожал, и я тогда решил, что что-нибудь придумаю. Потом я хотел поехать к Ларисе домой, но пока мы играли, она куда-то исчезла. Признаться, после такого проигрыша мне уже было не до женщин. Потом меня подвезли до дома, где я заснул и напрочь позабыл про долг. Через три дня в подворотне ко мне подошёл Артур и какой-то неизвестный мне. Они спросили про деньги, и когда я ответил, что пока не могу с ними рассчитаться, тот незнакомец ударил меня по лицу, а Артур приставил к горлу нож и сказал, что если я не принесу деньги, пострадаю не только я, но и мои близкие. Мне дали ещё три дня...

– И что ты сделал?

Ковальский икнул, огляделся по сторонам. Его язык стал заплетаться ещё сильнее.

– Я пришёл домой, взял всё, что у нас было – деньги, драгоценности. Честное благородное слово, я хотел вернуть долг, но скупщик дал мне за кольцо, кулон и браслет всего пять тысяч. О, Боже! Я испытал такое потрясение.

– И завалился сюда, чтобы залить своё горе?

– Вы что же, осуждаете меня? Артур – он же не бандит! С виду он довольно респектабельный мужчина. Я не думал, что всё так далеко зайдёт...

– Думал, не думал, а твоя дочь куда-то исчезла! А ты не думал, что, придя домой, можешь найти в почтовом ящике палец или ухо дочери?

– Перестаньте же! Да как вам такое в голову могло прийти? – Болеслав Янович поднялся.

Зверев тоже встал и толкнул собеседника в грудь. Тот надулся, точно индюк, вскинул голову и посмотрел на Зверева свысока.

– Да как вы смеете?

– Слушай меня, ты, пьянь подзаборная...

Ковальский весь затрясся и заверещал:

– Я буду жаловаться! Я интеллигентный человек! Я человек искусства...

– Слушай меня внимательно, ты, человек искусства! Я попробую отыскать твою дочь, а ты отправляйся домой к жене и ждите от меня вестей. – Зверев огляделся, многие посетители уже с интересом смотрели на происходящее у крайнего столика. – Видишь? На нас уже косятся! Если не будешь дёргаться, то, может быть, ещё увидишь свою дочь, а если нет... Как называется ресторан, где ты подцепил эту Ларису?

– «Корона»!

– Место, где ты спустил кучу денег, разумеется, не помнишь!

– Мы ехали в закрытой повозке, было темно! – промямлил Ковальский.

– И ты был пьян!

– Ну, знаете ли!

– Лучше не зли меня!

Зверев направился к выходу, Ковальский крикнул ему вслед:

– А деньги? Мой долг!

Зверев даже не обернулся.



**Глава третья,  
в которой Зверев сначала получает лёгкий  
нагоняй, а потом радуется тому, что получил  
немного свободного времени и толкового  
помощника**

Утро выдалось пасмурным.

В трамвае Звереву наступили на ногу, а кондукторша отлаяла за то, что он дал ей сотенную вместо того, чтобы отсчитать мелочь. Зверев не хотел скандалить с женщиной (у него и в самом деле не было мелочи) и попытался, как обычно, отшутиться, но сегодня его обаяние почему-то не сработало. Кондукторша громко возмущалась всю дорогу, и Звереву пришлось всё это терпеть до тех пор, пока он не покинул трамвай, доехав до своей остановки. Любой другой на месте Зверева посчитал бы этот день неудачным, или списал бы всё это на происки чьих-то «злых чар», но испортить настроение Звереву было не так просто.

Войдя в здание Управления, он увидел стоявшую у поста дежурного Юлю Кравченко, делопроизводителя следственного отдела. Девушка, слегка пригнувшись, стояла у стойки и заполняла книгу выдачи ключей от помещений. Зверев на цыпочках подошёл к Кравченко, сказал: «Привет!» и приобнял девушку за талию. За столь «бестактный» поступок Зверев тут же получил довольно болезненный тычок в плечо.

– Павел Васильевич? Ну, знаете ли...

Ойкнув и изобразив гримасу боли на лице, Зверев отступил. После этого, желая избежать продолжения гневных тирад Юлии Юрьевны, он хотел было сбежать, но помощник дежурного вскочил и на весь коридор выкрикнул:

– Товарищ Зверев! Вас Корнев спрашивал! Звонил! Аж целых три раза! Орал!

– Орал? И чего орал?

– Да так, как обычно, – пожал плечами помдеж<sup>[8]</sup>, – сказал, что как только явитесь, он вам голову оторвёт!

– И правильно сделает! – встряла в беседу Юля Кравченко.

Зверев рассмеялся:

– Оторвёт? Голову? Ах он злыдень! Раз такое дело – не пойду к нему!

– Да как же так? – опешил помдеж.

– Как-как! Я же не Горыныч Змей! Нет у меня трёх голов, вот и не пойду! Кстати, у тебя знакомых нет, кто в карты умеет играть? Только не абы как, а профессионально?

Помдеж пожал плечами:

– Так, чтобы профессионально, пожалуй, нет.

– А у вас, Юленька нет таких знакомых? – снова задал вопрос Зверев.

– Азартные игры у нас запрещены!

– Так-то оно так...

– А вы у Свистунова спросите! – воскликнул помдеж. – Он же у нас всё знает.

– А это идея! – обрадовался Зверев. – А он у себя?

Помдеж оскалился:

– В дежурке! С прессой общается! Последние новости изучает.

– Ясенько. Сперва наведуось к нему. Кстати, Юленька, – Зверев приподнял кепку и одарил улыбкой Кравченко. – Вы сегодня сногшибательно выглядите, а удар правой у вас по-прежнему силён!

– Удар левой у меня, между прочим, тоже поставлен! – парировала Кравченко. – Вы это, пожалуйста, не забывайте, товарищ капитан!

– Разве такое забудешь? У меня с прошлой недели ещё синяк на руке синеет!

Юля с чувством самоудовлетворения расправила плечи:

– Так, может, уже пора и угомониться? Чтобы ничего нигде на вас не синело?

Зверев скорчил трагическую гримасу.

– Увы, моя милая, носить синяки и получать зуботычины от красивых женщин – это мой удел! – Он отправил девушке воздушный поцелуй и быстрым шагом направился в дежурку. Юля хихикнула, а помдеж обронил ему вслед:

– Товарищ капитан! Так если Корнев позвонит, говорить ему, что вы пришли?

– Скажи, что не до него мне сейчас! Нужно залечить мои раны! К тому же у меня куча дел! Я работаю!

Помдеж сокрушённо покачал головой. Юля Кравченко снова хихикнула и, прижав к груди папку с бумагами, направилась по своим делам.

Едва ли не каждый второй сотрудник Управления милиции за глаза называл Леонида Павловича Свистунова, начальника дежурной части, Свистком! Майор Свистунов, полноватый добряк с оттопыренными ушами и кругленьким брюшком, был незлобив, но необычайно разговорчив, что вызывало у многих улыбки и даже некоторое раздражение. Леонид Павлович знал всё и обо всём, любил поучать коллег и давать им советы по самым различным вопросам, при этом совершенно не заботясь о том, интересуется его мнение собеседника или нет. Многих это раздражало, но обычно Зверев Свистка не чурался и был готов иногда послушать эту «ходячую энциклопедию», вот только сегодня длительные лекции ему были совсем некстати. Войдя в дежурную часть, Зверев увидел сидящего за столом майора, читающего газету.

– Лёнчик, привет! Расширяешь кругозор?

– Павел Васильевич? Ты? – Свистунов пожал протянутую руку. – Представляешь? Не зря я сегодня утром газетёнку прикупил, и целковый на неё потратил! Этого ублюдка Власова<sup>[9]</sup> со товарищи наконец-то вздёрнули! Хочешь почитать?

Зверев взял из рук майора газету, быстро пробежал глазами статью о казни предателя и его пособников и вернул Свистунову.

– Хорошая новость! Пожалуй, первая за весь сегодняшний день. Вот только я к тебе, Палыч, не за этим пришёл. Ты у нас человек знающий, подскажи-ка мне, нет ли у тебя на примете кого-нибудь, кто бы в картишки мог играть! И не просто играть, а играть умело!

Свистунов, заимев вдруг очередного слушателя, тут же напустил на себя такой важности, что хоть стой, хоть падай. Он наморщил лоб, потянулся и взял со стола стакан с видимо уже давно остывшим чаем.

– Угостишься? Вон у меня чайник, наливай! Сахарок опять же имеется.

– Лёнчик, я ж к тебе не чай гонять пришёл, а по делу, – немного напрягся Зверев.

– Умелый игрок нужен? Катала, стало быть! – Свистунов надул щёки, сделал несколько глотков, наморщился.

– Катала! Шулер! Игрок.

– Э, ты, братец, божий дар с ометом не путай! Шулер – это так, дешёвка, шваль подзаборная, а катала – это мастер высокого пошиба! Его игра – не игра, а настоящее искусство!..

«Началось, – подумал Зверев. – Сейчас Лёня меня азбуке учить будет!»

– Так вот, – продолжал Свисток, – каталы действительно произошли из карточных шулеров, которые объегоривали добропорядочных граждан ещё при царизме. Шулер в основном использует в игре махинации, уповаает на ловкость рук, а катала работает исключительно головой. Нужные ему карты он просто-напросто вычисляет. Катала всегда играет по-крупному. Он ведёт серьёзную игру...

– Стоять, дядя Лёня! Не гунди. Сам я в карты играть не собираюсь, а уж тем более в серьёзную игру. Я ведь кроме «дурака» и игр других не знаю.

– погоди-погоди, Василич! «Дурак» – это тоже не такая уж и простая игра. Здесь не просто так выиграть. Опытный игрок должен сначала изучить стиль игры противника, потом выбрать свой контрстиль, потом...

– Лёня! Говорю же тебе, угомонись! Всё это ты мне как-нибудь потом объяснишь, а пока говори, есть среди твоих знакомых хороший картёжник или нет! Меня, между прочим, сейчас Корнев сидит дожидается. Вот скажу Стёпке, что ты меня тут битый час уму-разуму учил, вместо того, чтобы сразу нужную информацию дать.

Услышав фамилию начальника, Свистунов чуть не поперхнулся.

– Корнев? Ждёт? Тогда да, тогда конечно. Дай подумать. Есть у нас в Управлении настоящий мастер по этому делу!

Зверев тут же подался вперёд, точно гончая, учуявшая дичь.

– Прямо здесь? В Управлении? Где мне его найти?

– Так не надо никого искать. Он тут, у меня в дежурке работает!

«Вот тебе и неудачный день! – обрадовался Зверев. – Вторая хорошая новость!»

– Кто такой?

– Костин, сержант! – он же до войны с блатными тёрся. Фокусы разные умеет, а карты... Карты у него в руках, как кисть в руках у Родена!

– Роден вообще-то скульптор, – поправил Зверев.

– Да какая разница? Если нужен вам мастеровитый картёжник, помяни мой слово, лучше Костина тебе не найти! – важно заявил Свистунов.

Зверев хлопнул майора по плечу.

– Ясно! Тогда я к Корневу, а ты найди мне пока этого Костина.

– Так где ж я тебе его сейчас найду? Он же после дежурства! Только что сменился.

– Не разочаровывай меня, Лёня! Расшибись, но вынь мне своего умельца да положь, а я пока к Корневу наведуясь.

Не став слушать причитания Свистунова, Зверев выскочил из дежурки и, поднявшись по лестнице, вошёл в кабинет начальника.

– Здравсьте, приехали! – пробасил Корнев.

– И вам всем здрасьте.

– С самого утра тебя дожидаемся!

Корнев сжал зубы, Зверев поморщился:

– Не начинай, Степан... Ефимович!

В кабинете подполковника, помимо него самого, сидели ещё трое сотрудников: как всегда чем-то жутко недовольный Шувалов, криминалист Настя Потапова и уполномоченный особой инспекции при кадровой службе капитан Славин. *Догадываюсь, зачем они все здесь сидят. Набрал Стёпка помощников, даже особиста пригласил. Его мне только не хватало.* Посмотрев на добродушную физиономию Славина, Зверев скривился.

В присутствии сослуживцев Зверев не позволял себе особых вольностей по отношению к начальнику, поэтому он на этот раз не развалился на диване, как любил делать это обычно, а сел рядом со всеми за стол, как раз напротив Насти. Подмигнув девушке, Зверев не сводил с неё глаз. Корнев доводил присутствующим информацию о предполагаемом внедрении Дитриха Фишера в ряды сотрудников псковской милиции, Зверев слушал начальника вполуха.

У Насти в Управлении была безупречная репутация. Начальство всегда ставило её в пример, зато простые сотрудники обычно Настю сторонились, осуждая её чрезмерную прямолинейность. Ещё до войны Потапова окончила Московскую школу милиции и поначалу устроилась в Управление обычным криминалистом, но уже через год получила повышение. Поначалу Настя активно участвовала в общественной жизни Управления – долгое время была даже председателем профкома – но потом, получив должность старшего криминалиста, стала заниматься исключительно раскрытием преступлений. У Анастасии Игоревны было круглое, довольно скуластое лицо и большие серые глаза. Ей было около тридцати, но замуж она пока не спешила. Настя Потапова не признавала никакой косметики. Брови девушки почти всегда были сдвинуты к переносице, а свои и без того тонкие губы она всегда сильно сжимала, видимо, желая придать своему лицу ещё более строгий вид. Сегодня этот образ дополняли завязанные в тугой узел волосы, серый строгий костюм и блуза с открытым воротом.

– Вам, я вижу, не особо важно то, зачем вас сюда пригласили, – с долей раздражения в голосе заявила Потапова, когда заметила, что Зверев продолжает на неё смотреть.

– Что такое? – воскликнул Корнев, которого вдруг так бесцеремонно перебили.

– Да вот, наш Павел Васильевич, как только вошёл, так сразу же принялся мне глазки строить, – пояснила девушка. – Ещё не знает, наверное, что на меня его фокусы не действуют. Мы вообще-то тут по серьёзному делу собрались!

– Паша... Товарищ капитан, прекратите же это безобразие! – подполковник строго посмотрел на Зверева.

– Простите, Настенька! Привычка, – рассмеялся Зверев. – Как только вижу красивую женщину, мои глаза так к ней и тянутся.словно их магнитом притягивает.

Щёки Потаповой стали наливаться румянцем.

– Перестаньте говорить всякую чушь! Я вам не Настенька! Говорю же, ваши шуточки мне просто противны!

– Я говорю чушь? Вы же не станете отрицать очевидного!

– Что вы имеете в виду?

– То, что вы красавица!

Все сидевшие в кабинете мужчины заулыбались, даже Шувалов умиленно хмыкнул. Анастасия Игоревна покраснела ещё больше.

– Товарищ подполковник, вы нас собрали здесь для важного дела или для того, чтобы с первых же минут нашей будущей совместной работы капитан Зверев меня прилюдно унижал?

– Всё! Довольно! – рявкнул Корнев. – Прекратите превращать служебное совещание в фарс. Майор Шувалов, продолжайте, а ты... вы, товарищ Зверев, займитесь, наконец, делом.

– Каким делом?

– Мы здесь слушаем наработки и версии по делу Фишера, если вы уже это забыли. Шувалов делает доклад, а вам, как я понимаю, пока что докладывать особо нечего?

– Если я правильно вас понял, товарищ подполковник, то предомной сейчас вновь созданная оперативно-следственная группа, которая будет заниматься поисками Фишера?

– Вы всё правильно поняли, – отчеканил Корнев. – Это и есть вновь созданная группа, а вы являетесь ответственным за конечный результат.

– То есть моего мнения при формировании группы вы учесть не удосужились!

– А нечего было пропадать неизвестно где и опаздывать на первое же совместное заседание.

Зверев скептически пожал плечами и, ещё раз подмигнув Потаповой, уставился на поднявшегося со стула Шувалова.

Зверев нет-нет, но время от времени бросал взгляды на сидевшую напротив него девушку, та же просто-напросто старалась эти взгляды не замечать.

Совещание длилось ещё примерно полчаса. В самом конце его все присутствующие получили определённые поручения. Славину было поручено подготовить запросы на всех сотрудников Управления, из числа тех, кто так или иначе мог оказаться Фишером. В основном это были фронтовики, устроившиеся в милиции по окончании войны. Потаповой предстояло определить характер ранения сержанта Лычкина, погибшего от удара тупым предметом по голове. Шувалову предстояли поиски выживших узников, способных опознать Крестовского душегуба. Зверев же должен был выяснить всё про

умершего в парке гражданина Дудукина. Когда все собрались расходиться, Корнев попросил Зверева задержаться.

– Я вижу, что ты не особо доволен составом группы, – поинтересовался подполковник, когда они остались одни.

Зверев театрально вздохнул:

– Настенька определённо будет отвлекать меня от дел...

– Прекрати свои выкрутасы! Дело говори!

– Если по делу, то мне нужны оперативники, а не девочки-криминалистки и уж тем более не особы!

– У Потаповой отличная репутация! Она ценный специалист.

– Ну да, когда буду следить за очередным подозреваемым, обязательно возьму её с собой.

– Ну, знаешь...

– А этот Славин!

– Мы выявляем врага, который внедрился в наши ряды, это подразумевает наличие в группе представителя особого отдела!

– Стёпа, мы ищайки, а ты ведёшь себя, как солдафон! Хватит рассуждать по-военному. На кой чёрт мне сдался этот твой Славин? У него слишком милая морда, но острые зубки и коготки. Вот увидишь, он будет не столько заниматься поисками Фишера, сколько копать под каждого из нас!

– Хочешь, чтобы я убрал его и взял кого-то? – зло процедил Корнев.

Зверев тут же пожалел, что назвал своего приятеля солдафоном и решил больше не спорить.

– Не надо посвящать ещё кого-то в то, что среди нас завелась гнида, и без того про Фишера знает уже столько народу.

– Тогда чего ты от меня хочешь?

– Пока ещё не знаю, но если я захочу пополнить группу каким-нибудь толковым опером, надеюсь, ты не станешь мне возражать?

Корнев хлопнул приятеля по плечу.

– Согласен! И вот ещё что...

В этот момент зазвонил телефон. Взяв трубку, Корнев с минуту слушал и ответил звонившему лишь одно слово: «Понял!».

– Опять вызывают в Главк, – виновато заявил он Звереву. – Договорим позже.



Когда они вышли из кабинета, Зверев тут же забыл про Настю. Он только порадовался тому, что получил очередную отдушину. Фишер никуда не денется, убеждал себя Зверев, а вот жизнь Розы Ковальской висит на волоске.

\* \* \*

Когда Зверев вышел на крыльцо, с неба упали первые капли дождя. Небо затянуло тучами, и вскоре дождь полил так, что на асфальте в считанные минуты образовались лужи. Несколько молодых милиционеров, стоявших возле входа в здание, тут же поспешили укрыться в беседке, Зверев присоединился к ним. Он достал пачку и принялся рыться в карманах в поисках спичек, но тут кто-то щёлкнул золочёной зажигалкой перед самым лицом Зверева.

– Так чего вы хотели, товарищ капитан?

Зверев признал в обладателе дорогой зажигалки того самого сержанта-посыльного, который на днях навевывался к нему домой. Верхняя пуговица на кителе у парня была расстёгнута, фуражка на затылке, ремень, как и в прошлый раз, расслаблен.

– Ты?.. Как там тебя – Веня?

Парень тут же нахмурился и пробубнил:

– Я вас, между прочим, тут уже больше часа жду, а вы опять за своё. Говорю же, не зовите меня так. Я Вениамин!

– Ждёшь? Меня? А зачем, стесняюсь спросить?

Парень нахмурился, убрал зажигалку в карман, фыркнул:

– Так мне Свисток приказал! Сказал, что я вам зачем-то срочно понадобился. Я уже домой собирался, между прочим, всю ночь не спал, а вы тут воду мутите.

– Свисток приказал? Постой! Костин? Так это ты у нас по карточным играм мастер?

– Да уж дуньку от трёхи отличить сумею!

– Не понял?

– Двойку от тройки, говорю, отличить смогу!

– Складно рассказываешь, но учти, мне настоящий умелец нужен! Ты по каким играм спец? – Зверев отошёл к самому краю беседки и

поманил парня рукой, встав так, чтобы остальные укрывшиеся в беседке их не слышали.

– Да по всем: могу в вист, в секу, или в очко; если надо готов и пульку расписать.

– А если на интерес играть?

– Да без проблем! Могу в лоб<sup>[10]</sup>, могу коцаными стирами шпилить<sup>[11]</sup>! Надо будет, могу и опытного шулера подрезать. А вы что, решили с моей помощью бобра<sup>[12]</sup> развести?

– По-русски говори!

– В смысле денегат по-лёгкому срубить?

– Ты где это словечек таких набрался? Я вроде опер бывалый, тюремной феней как настоящий блатарь владею, а твоих словечек порой разобрать не могу.

Костин рассмеялся.

– У карточных шулеров своя терминология. Я ж ещё пацаном, когда в Крыму жил, как это сейчас принято говорить, попал под влияние криминального элемента. Сначала фаловал<sup>[13]</sup> при мелких базарных шулерах, потом приглянулся одному мастеровитому игроку, он и научил меня разным премудростям игры. Сволочной был мужик, но мастер отменный. Когда он за игровой стол садился, всем казалось, будто бы он все карты насквозь видит, оттого и прозвали его Лёша Рентген. В тридцать седьмом один из наших притонов закрыли. Лёшу Рентгена и всю его свору отправили по этапу, мне тоже, даже несмотря на мои шестнадцать годков, могли реальный срок впаять, но следак, который вёл то дело, меня пожалел. Сказал мне на допросе, что я на сына его похож. Сказал, что тот на флоте служил, – погиб. Разговорились мы с ним, слово за слово... Одним словом, отмазал он меня тогда от кичи. Василием Николаевичем его звали. Хороший был мужик. Мы с ним потом часто общались. Это он мне в мореходку помог устроиться, с общагой пособил. Закончил я мореходку и, как говорится, по морям по волнам...

– И где он сейчас, этот твой Василий Николаевич?

– Погиб! Ещё до войны. Они тогда банду брали. Как пальба началась, так пуля бандитская моему благодетелю прямо в сердце и прилетела.

Зверев загасил папиросу, задумался, потом спросил:

– Ты давно у нас в Управлении?

– Так сразу после войны устроился.

– Воевал?

– Естественно! Черноморский флот. Отдельный батальон морской пехоты. Про полосатый десант слышали?

– Слышал, слышал. Постой... ты говорил, что в Крыму жил!

– Балаклава! Там родился, там и вырос, а после войны сюда вот занесло, по распределению. Я ведь почему в милицию пошёл? Всё из-за него, из-за Василь Николаевича. Дело его, так сказать, продолжить очень хотелось. Только вот в дежурке сидеть мне чего-то не особо... Скучно.

– А куда б ты хотел?

– Да хотя бы к вам! Я настоящим делом заниматься хочу, а не сутками на проходной штаны протирать!

Зверев усмехнулся, задумался. Стёпка ждёт от него результата, а он не знает, с чего начать. Он попытался сосредоточиться на Фишере, но мысли о пропавшей девочке так и не давали Звереву покоя. Если девочку действительно похитили, то жизнь её висит на волоске. Ковальскому никогда не собрать такую сумму. Можно, конечно, было бы дать этому делу официальный ход, но что-то Зверева от этого удерживало. В его голове уже зародился план, и для его реализации сидящий перед ним Костин подходил идеально. Но имеет ли он право подвергать парня такому риску? Наконец Зверев решил:

– Если и впрямь хочешь ко мне в отдел, так это ещё заслужить нужно.

– Что делать? Я готов, – воодушевился Костин.

– Нужно кое с кем в картишки перекинуться.

– Что, ваша краля о новых туфельках мечтает? – улыбнулся Костин. – Так те, что у вашего порога на днях стояли, вроде пока ещё ничего такие.

Зверев легонько ткнул парня кулаком в бок.

– Вот вроде хороший ты парень, а треплешься как баба. Ещё слово о моей крале, и шиш тебе, а не должность в моём отделе. Понял?

– Понял! Умолкаю.

– Только учти, если всё сложится, как я задумал, то играть тебе не с фраерами придётся, а с матерыми волчарами. Такими, что на раз и голову оторвать могут.

– Сыграем, товарищ капитан, – я ведь не из трусливых.

Зверев тихонько рассмеялся.

– Стало быть, ты у нас герой! Уверен, что в последний момент заднюю не дашь?

– Я!? Заднюю? Да я в сорок четвёртом на Сапун-горе на немецкие дзоты в штыки ходил!

– Тише ты! Верю, – Зверев огляделся. – Всё равно есть у меня сомнение, что ты, Венечка...

– Да прекратите вы меня Венечкой называть!

Зверев беззвучно рассмеялся.

– Идёт! Так вот, если сделаешь всё как надо, похлопочу перед Корневым за твой перевод в наш отдел, и как только это случится, станешь ты для меня исключительно Вениамином!

Костин ухмыльнулся, прежнего его гнева как не бывало.

– Замётано! Так, говорите уж, кого вам обути понадобилось?

– Как я уже говорил, играть тебе, дружище, с матёрым дядей придётся, но при этом задача твоя будет особая. Потому как тебе не выиграть, а проиграть будет нужно.

– Как так, проиграть?

Зверев достал новую папиросу.

– Деньги проиграть, но не просто деньги, а именно ту сумму, которую я тебе назову. А ну, зажигалку свою покажи!

Костин сунул руку в карман и протянул зажигалку Звереву.

– Трофейная? – поинтересовался Зверев.

– Естественно! Австрийская, с натуральной позолотой.

– Сгодится! А теперь скажи, у тебя кроме формы одежда приличная есть?

– Не понял!

– А чего тут понимать? Костюм приличный, рубашка да галстук имеются?

– Так мы ж не хуже других. Конечно, имеются, а зачем всё это?

– А затем, друг ты мой любезный, что не шулером тебе побыть придётся, а самым что ни на есть настоящим бобром! Я ведь правильно данный термин толкую?

– Хотите, чтобы я под лоха закосил и ваши денежки профугасил?

– Что-то типа того. Только вот ты лексикон этот свой на время позабудь, не то раскусят тебя сразу же, и тогда... – Зверев провёл ногтем большого пальца по горлу.

– Забуду, не волнуйтесь, товарищ капитан.

– Ладно, хорош дымить, пойдём-ка, дружище, ко мне в кабинет, там и договорим, а то здесь холодновато стало, да и ушей лишних много.

Подняв воротники, Зверев и Костин, поливаемые дождём, побежали к зданию Управления.

## **Глава четвёртая,** *в которой Зверев снова будет утешать Риту, а Веня Костин расскажет о своих ночных похождениях*

Следующий день Зверев наконец-то посвятил поискам Фишера. Он пообщался с соседями умершего старика Дудукина, снова покопался в архивах в поисках выживших узников лагеря в Крестах, в итоге ничего особо нового не узнал. Старик Дудукин был замкнут, мало с кем общался, и никогда не рассказывал про своё пребывание в концлагере. Соседи и участковый характеризовали его как верного делу Ленина и Сталина коммуниста, отделивались общими фразами и старались как можно быстрее отвязаться от назойливого оперативника. Все его мытарства продлились до самого вечера, к этому моменту снова полил дождь, и Звереву пришлось коротать время в какой-то беседке, где приютилась молодая парочка, напыщенная дамочка с крохотным пёсиком и подвыпивший мужик в кепке с надорванным козырьком. Мужик, который был слегка навеселе, тут же начал приставать к даме с собачкой, чем вызвал её полнейшее возмущение. Дама начала кричать и коситься на Зверева в поисках поддержки. Пришлось вмешаться.

Когда незадачливый ловелас был выдворен из-под крыши беседки под дождь, Звереву пришлось какое-то время выслушивать слова благодарности спасённой им женщины, и, в конце концов, всё кончилось тем, что он отправился провожать даму с собачкой до дома. Несмотря на настойчивые просьбы спасённой разделить с ней ужин, Зверев откланялся и удалился восвояси, гадая, почему же он так поступил. Женщина была вполне в его вкусе, на вечер у него не было запланировано никаких дел, но он взял и отправился домой.

Когда он наконец-то добрался до улицы Гоголя, дождик ещё накрапывал. Небо было затянуто серыми, похожими на клубы густого дыма тучами, через которые слабо пробивался свет убывающей луны. Чёрный асфальт поблёскивал лужами, а тени фонарных столбов походили на дрожащие маячки. Пройдя через арку, Зверев увидел

стоявшую возле подъезда женщину в шляпке и плаще. С её одежды и сложенного зонта, который висел на руке, стекала вода. Свет фонаря не освещал её, тем не менее Зверев сразу узнал Риту. Он подошёл ближе. На этот раз на лице женщины не было и грамма косметики, она казалась измождённой, вокруг покрасневших глаз образовались синяки.

– Привет! – по-деловому поздоровалась Рита. – Нужно поговорить.

Они поднялись по лестнице, вошли в квартиру, Зверев включил свет и помог Рите снять плащ.

– Чайник поставить?

– Лучше дай простой воды.

Рита пила долго, маленькими глотками, и Звереву казалось, что она вот-вот поперхнётся. Потом она попросила пепельницу и закурила.

– Они приходили ко мне – эти люди, которые похитили Розу, – выдохнув дым, сказала женщина.

– Это было нетрудно предугадать. – Зверев не знал, что с ним происходит. Он нервничал, но не мог понять, отчего.

– Их было двое, – продолжила Рита. – Я возвращалась домой, а они караулили меня в подъезде. Сначала я подумала, что меня хотят ограбить, была уже готова кричать, но один из них прижал палец к своим губам, покачал головой, и крик застрял у меня в груди. Он спросил: хочу ли я снова увидеть дочь? Я не могла сказать и слова, а он, улыбнувшись, попросил меня не шуметь.

– Лица запомнила? – спросил Зверев сухо.

– Было темно, лиц я не разглядела. Один, тот, что начал беседу, выглядел вполне прилично. Он был в костюме и шляпе, другой больше походил на уголовника. Я запомнила косоворотку, кепку и сбитые сапоги. Больше ничего не помню. Мне было страшно, меня как будто парализовало.

– Понимаю.

– Тот, что в шляпе, с улыбкой продолжил и рассказал мне, что мой муж задолжал им большие деньги. Пятьдесят тысяч! В первый момент я не поверила своим ушам, потом едва не потеряла сознание. А этот, в шляпе, всё время улыбался. Второй в это время сверлил меня глазами и держал руки в кармане. Мне всё время казалось, что он сейчас вытащит оттуда нож или даже пистолет... Боже! Мне так стыдно!

Жизнь моей дочери висела на волоске, а я думала о том, что меня сейчас застрелят или зарежут!

– Не вини себя за это! В стрессовой ситуации люди не знают, что творят. Ты поступила мудро, что не закричала и не стала с ними спорить.

– Не знаю... наверное, ты прав! – Рита стряхнула пепел на пол, Зверев поморщился, но не стал заострять на этом внимание. Он задал вопрос:

– Что случилось потом?

– Всё это продолжалось несколько минут. Человек в шляпе говорил что-то ещё, он похвалил меня за то, что у меня хороший вкус, оценил мою одежду и макияж, но я как будто была в тумане. Я запомнила лишь то, что если я или Болеслав не найдём деньги, они начнут присылать нам по почте части тела нашей дочери.

Зверев сжал кулаки:

– Как и кому вы должны отдать деньги?

– Завтра в полдень в Ботаническом саду у фонтана. Они сказали, что им всё равно, кто принесёт деньги, – я или Болеслав. Они сами к нам подойдут, и если мы этого не сделаем... – тут Рита разрыдалась.

– Всё ясно! Что случилось потом? Ты видела мужа?

От этих слов Рита побагровела.

– Когда я зашла в квартиру, этот мерзавец лежал на диване и храпел. Мне удалось разбудить его лишь после того, как я вылила на него стакан воды. Он вскочил, начал возмущаться, а я отвесила ему пощёчину. – Рита злорадно улыбнулась. – Видел бы ты его оскорблённую рожу. Он скуксился, как ребёнок, и мне показалось, что он вот-вот заплачет. Я потребовала от мужа объяснений, и представляешь, что он начал мне говорить вместо извинений?

– Наверное, он тут же стал говорить про свою творческую натуру и жаловаться на то, как ему сейчас тяжело, – усмехнулся Зверев.

– От него всё ещё несло перегаром! Ты представляешь, когда я назвала его эгоистичной сволочью, он уткнулся в подушку и заплакал! О Боже... как же в тот момент мне хотелось его убить!

– Надеюсь, ты этого не сделала!

– Ещё чего! Я потребовала дальнейших объяснений, и он мне сказал, что всё уладит. Он якобы нашёл человека, который обещал ему урегулировать эту проблему и отыскать нашу дочь. Я не сразу поняла,



что он имел в виду тебя. Когда я это поняла, я дала мужу пощёчину и направилась сюда.

Рита закончила рассказ, Зверев пошёл выключать закипевший чайник. За стеной играло радио, и голос Шульженко предлагал товарищу закурить по одной<sup>[14]</sup>. Зверев наполнил чашки, но Рита махнула рукой. Зверев достал из шифоньера коробочку с рафинадом, бросил в свой стакан кусок и стал медленно размешивать сахар ложкой.

– Если ты общался с Болеславом, обещал ему что-то, то поясни и мне, что ты собираешься делать? – явно раздражённая мнимым спокойствием Зверева, сказала вдруг Рита резко.

– Пока что я уложу тебя спать!

– Что? – взвизгнула женщина. – Ты думаешь, после всего того, что случилось, я брошусь к тебе в постель!?

– Не бросишься, а ляжешь! Ляжешь спать и постарайся успокоиться. Твои истерики и крики делу не помогут, – спокойно рассудил Зверев. – Сам я буду спать в кресле. Мы будем отдыхать!

– Ты с ума сошёл? Думаешь, что мне удастся уснуть?

– Не хочешь спать – не спи! – с некоторым раздражением в голосе заявил Зверев, устраиваясь в кресле. – Но при этом ты больше не станешь раскрывать рта. Мне завтра выпадает нелёгкий день, а от твоего визга у меня уже начинает болеть голова.

– О Боже! Какая же ты сволочь, Зверев! – воскликнула Рита, упав на кровать и уткнувшись лицом в подушку.

\* \* \*

Они проснулись в пятом часу утра, услышав громкий стук в дверь. Зверев вскочил, наспех размял затёкшую спину и посеменил к дверям.

– Кто там? – недовольным голосом поинтересовалась Рита.

Открыв дверь, к своей великой радости, Зверев увидел Веню. Тот был в модном костюме, в лаковых ботинках, шляпа на его голове, как и прочие головные уборы, которые он носил, висела на самом затылке. Зверев пригласил парня в дом, тот вошёл на подгибающихся ногах, от него разило спиртным.

– Дело сделано, Павел Васильевич! Рыбка заглотила наживку.  
– Место запомнил? Адрес? Адрес говори!  
– Улицу и номер дома озвучить не смогу – темно было – но отыщу  
наверняка.

– Уверен?

– Уверен! Не беспокойтесь, товарищ капитан! Сегодня ночью их  
нужно брать. Так что готовьте группу, а мне бы поспать пару часиков,  
я ведь уже вторую ночь не сплю. Ой! – В этот момент Костин увидел  
завёрнутую в одеяло заспанную Риту, стоявшую в дверях. Он  
вопросительно посмотрел на Зверева, – что, не вовремя?

– Вовремя! – улыбнулся Зверев. – Моя гостья уже уходит, так что  
постель свободна, располагайся.

Рита и Костин продолжали тарашиться друг на друга, а Зверев  
подтолкнул женщину к выходу и тихо сказал ей на ухо:

– Пришла в себя, а теперь беги к благоверному! Надеюсь, он у  
тебя уже протрезвел.

– Моему благоверному? От твоего гостя, кстати, тоже разит.

– Так и было задумано! Умывайся и топай домой!

– А как же Роза?

– Ступай, мне нужно поговорить с моим человеком без лишних  
свидетелей.

– Но как же?

– Уходи, тебе говорят! – прикрикнул на женщину Зверев.

Спустя каких-то несколько минут Рита Ковальская вышла из  
квартиры Зверева и, цокая каблучками, стала спускаться по лестнице.

– Расскажешь всё по порядку и можешь отсыпаться до вечера  
прямо здесь.

– Идёт, – Костин сел на табурет. – Всё случилось именно так, как  
вы и планировали. Я явился в «Корону», сделав вид, что уже навеселе,  
заказал водки, чего-то там ещё и стал откровенно пялиться на женщин,  
кстати, – усмехнулся Костин, – из-за того, что я стал раздевать глазами  
какую-то барышню в сиреновом платье, её кавалер, аж целый майор  
авиации, уже собирался было набить мне морду. К счастью, всё  
обошлось.

– Это детали, говори по сути. Ты продемонстрировал всё то, что я  
тебе велел?

– Разумеется! Я сразу же бросил на стол свою трофейную зажигалку, несколько раз посмотрел на часы, которые вы мне дали, и дважды продемонстрировал набитый купюрами бумажник. Кстати, вам что, совсем не жалко этих денег? Откуда у вас столько?

– Пришлось занять у одного знакомого. У него же я позаимствовал и золотые часы. Не отвлекайся, рассказывай.

– Она под села ко мне сама спустя какое-то время, когда мой графин уже наполовину опустел. Попросила прикурить, и с интересом посмотрела на мою зажигалку.

– Представилась Ларисой?

– Нет! Назвалась Дорой! Возможно, просто назвала другое имя, а может, у этих жуликов имеется в запасе несколько таких красоток.

– Может она не от них – эта Дора? – занервничал Зверев.

Костин рассмеялся.

– От них, не сомневайтесь! Дальше всё пошло как по маслу! Я заказал шампанского, мы болтали о какой-то ерунде, я расточал обещания и комплименты, как вы мне и велели. Я уже начал было сомневаться, что поставил на нужную карту, – это я фигурально, и тут появился этот хлыщ. Он представился Марком Борисовичем.

– Похоже, этот парень любит звучные имена!

– Потом слово за слово, и наконец, разговор пошёл об игре. Я, разумеется, тут же сообщил, что по картам я мастак. Как-то раз выиграл целых тридцать тысяч. У этого Марка глаза тут же загорелись ещё сильнее. Мои последние сомнения рассеялись. Дальше всё тоже случилось так, как мы и предполагали. Пролётка с закрытым верхом, ворота, неприметное здание.

– Ты точно сможешь отыскать дорогу?

Парень рассмеялся.

– Пока мы ехали, я сказал, что мне плохо. После этого я сделал вид, что меня сейчас вырвет. Марк Борисович приказал кучеру остановиться. Я высунулся из пролётки и определил направление, куда меня везут. Мы ехали по Плехановскому посаду в сторону кладбища. Рассмотрев местность и таблички на близлежащих домах, я немного похрипел и сказал, что мне лучше. Всё это я повторил, когда мы остановились у ворот. Пока я стоял согнувшись у забора, я заметил несколько ориентиров. Я же в прошлом профессиональный картёжник, а у таких как мы, взгляд очень цепкий, уж поверьте.

– Верю, – покачал головой Зверев. – Продолжай.

– А дальше всё тоже прошло гладко. Стол, четыре игрока, несколько зрителей и пачки денег на столе. Их мастер – обычный шулер-любитель! Раскусить его было проще простого. Играли коцаными стирами, и кроме всего прочего на маяке... – увидев, что Зверев нахмурился, Веня пояснил: – Говорю, что карты у них меченые, и кроме того один из стоящих за моей стеной громил постоянно знаками показывал противнику, какие у меня карты. Сначала они дали мне выиграть, потом я проиграл все ваши деньги, свою зажигалку и ваши часы. Потом я не выдержал и отыграл часы, а потом стал играть в долг, как вы и велели. Часы я больше не ставил, так как вы просили по возможности их сохранить. Вот, кстати, можете вернуть их хозяину.

Костин протянул Звереву часы на цепочке.

– А они точно ничего не заподозрили? – Зверев убрал часы в карман.

– Я сказал, что эти часы – наследство покойного дедушки, и что больше не стану их ставить!

– Сколько ты остался должен?

– Сорок!

– Что было потом?

– Я изобразил убитого горем неудачника и поклялся, что в течение трёх дней верну все деньги. Потом меня посадили в пролётку и привезли сюда. Когда я входил в эту дверь, один из громил стоял на лестничной клетке. Так что теперь искать они меня будут здесь. – Костин виновато пожал плечами. – Всё, как вы и приказали.

Зверев поднялся:

– Всё хорошо! Всё просто отлично! А теперь пойду и организую тебе чайку. Спать можешь на моей кровати. – Когда он вернулся со стаканом, Костин уже лежал на его кровати прямо в одежде и крепко спал.

**Глава пятая,**  
***в которой Болеслав Ковальский превратится в***  
***образцового мужа, а Зверев довольно удачно***  
***избежит вполне заслуженной «трёпки»***

Несмотря на то что день был в самом разгаре, шторы в её спальне всё ещё были задёрнуты, а постель не убрана. Ходики на стене остановились в четыре часа утра. В ситцевой пижаме и бархатных тапочках Рита сидела перед изящным ореховым трюмо и рассматривала себя в зеркале потускневшими глазами. Всё то, что несколько дней назад привело бы её в ужас: бледная кожа, морщинки на лбу и тёмные круги под глазами – сегодня напротив, вызывало у женщины лишь лёгкую усмешку. За эти несколько дней она состарилась на годы.

Рита то и дело вытирала ладонью пересохшие губы, прижимала к носу скомканный платок и перебирала пальцами шарики дешёвеньких стеклянных бус. Когда Болеслав подарил ей эти бусы на пятилетие их совместной жизни, у Риты было сильное желание выбросить такой «подарок», но она этого не сделала. С тех пор она не брала в руки эти бусы, но сегодня они пришлись весьма кстати – нужно же было хоть чем-то занять трясущиеся руки. На столике стояла рамка с портретом Розы.

Миндалевидные глаза, ротик бантиком и ямочка на правой щеке – всё это девочка унаследовала от Риты. От отца она взяла открытый лоб и слегка расширенные скулы. Девочка на фото была в стильном морском костюмчике и с огромными бантами на голове. Рита старалась не смотреть на дочь, несколько раз даже клала фотографию изображением вниз, но потом снова ставила её перед собой и шептала себе под нос что-то невнятное. Со стороны могло показаться, что женщина читает молитвы, но это было не так. Рита не особо верила в Бога – однако она верила в судьбу.

И этой судьбой сейчас был для неё Зверев.

С того самого момента, как Рита обнаружила Ковальского в квартире спящим и дала ему пощёчину, Болеслав, прооравшись, решил

вдруг превратиться в образцового мужа. Он ещё ни разу не притронулся к спиртному и даже попытался что-то делать по хозяйству, пока Рита пребывала в прострации. В некоторых областях он даже добился успеха.

Вчера утром Болеслав Янович принял душ и, надев всё чистое, куда-то ушёл. Вернулся он спустя три часа довольный и возбуждённый. Он тут же сообщил, что только что побывал в театре.

– Я разговаривал с Ильёй Станиславовичем! – заявил Болеслав весьма напыщенным тоном. – Как ты думаешь, что он мне пообещал?

– Просто сгораю от нетерпения, – буркнула Рита.

– Он обещал поговорить с Гордеевым и всё уладить!

Илья Станиславович Мезенцов – директор драмтеатра имени Пушкина, похоже, был единственным, кто действительно до сих пор считал Ковальского гением, и единственным, у кого тот не назанимал денег. Рита это знала, поэтому восторги мужа ей показались смешными. Однако Болеслав Янович уже витал в облаках.

– Я уверен, что этот надутый индюк Гордеев уже давно одумался. Режиссер! Нет, вы только подумайте, выгнал меня и передал мою роль этому посредственному актёришке Санинскому! – продолжал воспаляться Болеслав Янович. – Конечно, мою роль он мне пока что не вернёт. Оно и понятно, они ведь уже отпечатали новые афиши, где указали фамилию этого бездаря Санинского. Однако я уверен, что в следующем спектакле главная роль будет моей!

Риту поразило, что этот хлыщ совсем не думает о дочери. Ей хотелось снова вклеить ему пощёчину, но тут она загадала, что если не сорвётся, не разрыдается и не примется кричать на мужа, Роза обязательно вернётся домой. Пусть это было и глупо, но Рита должна была хоть во что-то верить.

– Я очень рада, что ты наконец-то взялся за ум, и надеюсь, что у тебя всё скоро нормализуется, – сказала она вслух.

Весь оставшийся день и весь вечер Болеслав продолжал хаять Санинского, возмущаться недалёковидностью Гордеева, чем едва не довёл Риту до нервного срыва, но она продолжала держать рот на замке...

Сейчас Болеслав Янович гремел на кухне посудой и ругал коммунальщиков, которые никак не могли наладить подачу горячей воды.

Услышав, как за окном соседка снизу снова ругает сына – крепкого паренька шести с половиной лет, Рита убрала бусики в шкатулку, отстранила фотографию Розы и подошла к окну. Распахнув его, Рита втянула в себя воздух и зажмурила глаза. В этот момент в спальню зашёл Болеслав с подносом.

– Дорогая, я приготовил тебе завтрак! Ты не ела со вчерашнего утра. Здесь гренки, мармелад, масло и, разумеется, чай.

– Я ничего не хочу! – Рита старалась говорить твёрдо, но спокойно.

На Болеславе была чистая голубая рубашка, стрелки на брюках поражали своей остротой. «Ещё бы галстук завязал», – усмехнулась про себя Рита. А ведь она ещё помнила того молодого и талантливого актёра, которого она встретила за пару лет до войны. Он с первых минут очаровал её своим шармом, суровой мужской красотой и поразил в самое сердце. Она ещё помнила, как они гуляли под луной, он читал ей монологи из своих спектаклей, делал это так чувственно и убедительно, что она пьянела от исступления. Вскоре Ковальский сделал ей предложение и стал не только мужем, но и отцом её дочери Розы.

От одного только воспоминания о девочке Рита отвернулась и сморщилась, точно от боли. Болеслав ничего не заметил.

– Что значит ты ничего не хочешь? Неужели я зря возился на этой проклятой кухне? Я дважды порезал себе пальцы и ошпарился кипятком. Пей! А я настаиваю! – манерно продолжил он. – Посмотри на себя, на тебе просто нет лица. Я хочу... нет, я требую, чтобы ты как можно скорее взяла себя в руки. Ты должна успокоиться, и тогда всё снова будет хорошо.

– И нашу дочь нам вернут? Ты это хочешь сказать?

Болеслав Янович дёрнулся, словно ему дали пощёчину, но тут же собрался и пропищал фальцетом:

– Я же тебе говорил, что тот мужчина, с которым я познакомился в... С которым я познакомился накануне! Он обещал, что всё сделает...

Рита стиснула зубы. С трудом сдерживая себя, она процедила:

– Я так больше не могу! Ты... Ты!..

Видя, что муж уже налил чай, Рита взяла чашку и сделала несколько глотков. Чай был чуть тёплым! Рита поморщилась. Неужели

он так никогда и не запомнит, что она пьёт горячий?

Но всё! Довольно! Сейчас или никогда!

Она скажет мужу всё: про их отношения со Зверевым; про то, какая же он мерзкая скотина, возомнившая себя гением; про то, что... Рита ещё не придумала до конца, что она скажет ещё, потому что в этот момент произошло чудо...

В дверь позвонили. Уронив на пол чашку с остывшим чаем, Рита побежала открывать. Через мгновение она, стоя на коленях, уже обнимала маленькую Розу.

\* \* \*

Они ехали в Управление...

Трамвай мерно постукивал колёсами. Пассажиры выглядели угрюмыми, а кондукторша сновала меж рядами, ругая всех, кто путался у неё под ногами. Зверев сидел у окна, щурился от яркого солнца и думал о Розе.

Он вспоминал прохладу ночи, когда тентованный грузовик районного отделения внутренних дел подъехал к воротам дома номер семь по Плехановскому посаду. Вспоминал, как из него выскочили люди с винтовками и оцепили район. После этого грузовик с разгона протаранил ржавые ворота, и вооружённые люди ворвались во двор. Вспомнил, как, услышав щелчки пистолетных выстрелов и одну автоматную очередь, рванулся было к дому, но тут же едва не столкнулся с несколькими одетыми в синюю форму сотрудниками из районного отделения милиции. Те уже выводили из дома задержанных. Вскоре выяснилось, что никто не погиб, и лишь один из подозреваемых был легко ранен в плечо, когда схватился за пистолет.

Потом они с Костиным и майором Душковым, начальником районного отдела по борьбе с бандитизмом, стояли в кустах и нервно курили, пока люди Душкова выворачивали наизнанку дом номер семь. Вспомнил Зверев, как он выронил папиросу, когда молоденький сержант без фуражки и с перепачканным сажей лицом вывел на белый свет девочку в жёлтом платье и подвёл её к Звереву. Маленькая Роза была одета в помятое платье, в глазах девочки был страх. Зверев не смог ничего сказать, и это за него сделал Костин. Парень отвёл



девочку в сторону, присел и что-то долго говорил. Роза поначалу не реагировала, а потом улыбнулась. Потом она что-то сказала, и они с Костиным оба рассмеялись. Спустя несколько минут они все вместе уже ехали на старенькой «эмке»<sup>[15]</sup> к Ковальским. Потом была трогательная встреча, восторженные выкрики и стальное рукопожатие Болеслава Яновича, который тут же принялся говорить жене что-то типа: «Я же говорил! Я знал...» Рита не сказала ничего. На миг оторвавшись от вновь обретенной дочери, она обняла Зверева за шею и поцеловала в щёку. Ковальский, который в этот момент снова что-то громко декламировал, застыл на полуслове, потом прокашлялся и продолжил как ни в чём не бывало. Рита смотрела на Зверева влажными глазами.

Отогнав воспоминания о вчерашней ночи, Зверев посмотрел на своего нового помощника. Парень сидел неподалёку и тоже глядел в окно. Ай да Венечка! Ай да морячок! Такие ловкачи, как этот паренёк, сейчас были Звереву ой как нужны. Зверев улыбнулся сам себе: теперь ведь и в самом деле придётся называть этого парня Вениамином!

Когда они вошли в здание, Зверев велел Костину писать рапорт на перевод, а сам направился в кабинет к Корневу. Он не сомневался, что уговорит подполковника на перевод парня в оперативный отдел. Он также твёрдо решил, что обязательно привлечёт Костина к поискам Фишера, но понимал, что с этим делом стоит повременить. После очередного самоустранения Зверя от поисков Фишера Корнев, наверняка, не просто зол – он обязан быть в ярости.

Без стука войдя в кабинет начальника, Зверев, как обычно, тут же развалился на диване. Он полез в карман за папиросами, и открыл уже было рот, но застыл на полуслове... Корнев улыбался. Когда же подполковник, не дожидаясь, что его об этом попросят, сам вынул из ящика стола пепельницу и поставил её на стол, Зверев окончательно впал в ступор.

– Похоже, мы нашли его, Паша! – заявил Корнев. – Нашли Дитриха Фишера!

**Часть третья**  
**Антиквар**

## **Глава первая, в которой капитан Зверев, чтобы доказать свою прозорливость, использует не совсем гуманные методы допроса**

С большинством подозреваемых сотрудники следственного отдела работали в своих собственных кабинетах, довольно часто они проводили допросы прямо в камерах, однако для особых случаев в Управлении псковской милиции имелось особое помещение.

Комната для допросов располагалась в левом крыле здания в полуподвальном помещении рядом с гаражными боксами. Чтобы попасть сюда, нужно было пройти по лишённому окон коридору с низкими серыми потолками. Облезлые стены, покрытые бурыми пятнами, и затоптанные полы в комнате для допросов – всё здесь выглядело настолько зловещим, что одна только обстановка была способна в одно мгновение нагнать жути на любого, кто против своей воли оказался в этом страшноватом помещении. Решётки на окнах были выкрашены в серебристый цвет всего неделю назад, но уже успели изрядно потускнеть. Окна были загажены мухами, а стеклянный графин, стоявший на подоконнике, весь давно покрылся снаружи пылью, а изнутри желтоватым известковым налётом.

Посреди комнаты стоял обтянутым затёртый зелёным сукном письменный стол, на котором помимо телефона, чернильницы и огромной настольной лампы лежали пачка «Беломора» и спички. Окна помещения выходили как раз на стены соседнего корпуса, поэтому здесь всегда не хватало света. Комната не считалась угловой, но стены в ней почти всегда были покрыты тёмными пятнами и промерзали зимой. От постоянной сырости одиночный фонарь, висевший под самым потолком, постоянно мигал и искрил. Коменданту объекта, скрюченному старикашке, приходилось то и дело менять перегоревшие лампы, поэтому он всякий раз слёзно умолял очередного капитана или майора, собиравшегося вести допрос, не пользоваться верхним светом хотя бы днём, а зажигать лишь настольную лампу. «Только вчера очередную лампочку в плафон вставил, – всякий раз

жаловался Трошкин. – Горят, окаянные, хоть стой, хоть падай. Где ж мне их на всех напасть?» Некоторые шли бедолаге навстречу и допрашивали подозреваемых в полутьме, но Шувалова не особо волновали насущные трудности престарелого старичка-коменданта. Сегодня верхний свет в допросной горел, хотя на часах было пятнадцать минут двенадцатого.

Сам Шувалов, скривив лицо, сидел за столом на одном из двух находящихся в помещении стульев. Перед ним лежала раскрытая на первой странице папка, в которой хранилось личное дело капитана Ромашко. Шувалов давно уже изучил материалы дела и теперь пристально рассматривал вложенную в него фотографию. На фото была запечатлена группа молодых людей в военной форме, лицо одного из них, третьего слева в первом ряду, было обведено красными чернилами. Из коридора послышался звук шагов. Дверь распахнулась, и в кабинет вошли Корнев и Зверев. Шувалов не сдержал довольной ухмылки. Вот они – приятели не разлей вода! Один напыщенный солдафон с наполеоновскими замашками, другой просто хам и выскочка. Что, умылись? Вот мы и узнали, кто настоящий мастер своего дела. Пока ваш хвалёный Зверь где-то пропадал, он – Шувалов Виктор Матвеевич – не сидел без дела...

Когда Шувалов отправлял запросы в различные ведомства на девятерых сотрудников Управления, которых он включил в списки главных подозреваемых по делу Фишера, он не особо надеялся на скорый результат. Первые четыре ответа на его запросы помогли исключить из списка подозреваемых трёх офицеров-фронтовиков и одного бывшего сержанта лётчика. Следующие два письма не дали ничего полезного, а вот седьмое письмо заставило Шувалова насторожиться. В письме было сказано, что во время одной из бомбёжек архив военного училища был частично уничтожен. Однако сохранились списки выпускников. В списках курсантов сорокового года выпуска значился некий Кирилл Егорович Ромашко – уроженец Брянщины. Отличник боевой и политической, спортсмен и активист, по завершении учёбы был направлен в Смоленский гарнизон Западного военного округа для дальнейшего прохождения службы.

Личное дело, хранящееся в архиве Управления, подтверждало то, что младший лейтенант Ромашко прошёл всю войну, дослужившись до командира отдельного батальона. Кавалер ордена Красной Звезды –

был дважды ранен, после войны уволен с военной службы и по собственному желанию прибыл в Управление милиции города Пскова для дальнейшего прохождения службы. Ромашко уже второй год занимал должность заместителя начальника тыловой службы Управления и зарекомендовал себя как честный коммунист-ленинец. Всё это и многое другое уже заставило бы Шувалова вычеркнуть Ромашко из списка подозреваемых, но на глаза следователю попала фотография группы курсантов-выпускников Ленинградского училища. На этом фото один из курсантов был обведён в кружок, а на обратной стороне была сделана надпись: «Кирилл Ромашко». Шувалов сумел дозвониться в Ленинград, отыскал того, кто отправлял письмо и получил конкретный ответ: на фото кружком обведён именно Кирилл Ромашко. Выходило, что Ромашко, выпускник Ленинградского училища, и Ромашко, заместитель начальника тыла Управления, – это два разных человека.

Войдя в кабинет, Корнев сухо кивнул Шувалову и устроился на лавке в углу. Он тут же пригладил зачёсанные назад волосы и сцепил руки в «замок». Зверев тут же подошёл к окну, распахнул форточку, после чего приблизился к столу и взял из рук Шувалова фото.

– Значит, на основании этого фото ты решил, что наш зам по тылу и есть наш «душегуб»? – спросил Зверев.

– По-твоему, парень на фото похож на нашего Ромашко? – так же сухо ответил Шувалов.

– Это два разных человека, но что это доказывает? Лишь то, что наш тыловик не тот, за кого себя выдаёт!

– Есть ещё доказательства!

– Какие?

Шувалов посмотрел на Корнева, словно желая заручиться его поддержкой, и ответил резко:

– Пока вы, Павел Васильевич, где-то пропадали, я приказал нашим оперативникам проследить за Ромашко.

Брови Зверева сдвинулись, он вопросительно глянул на Корнева.

– Приказал? Если я не ошибаюсь, то ты, Степан Ефимович, назначил меня старшим в этом расследовании?

– Успокойся, Паша! – возбуждённо выкрикнул Корнев. – Ты, он... какая разница? Сам виноват! Пропал куда-то, как всегда, а дело-то стоит. Вот Виктор и взял на себя инициативу! Что тут такого?

Зверев махнул рукой.

– Ладно, дело ваше. Ну рассказывайте, что вы там выяснили?

– Оперативники сработали чётко, вот их рапорта.

– Так-так... очень интересно.

Шувалов поморщился, но не утратил спокойствия и продолжил, глядя в глаза Корневу:

– Ромашко за последние дни дважды навещал некоего Боголепова. Он антиквар и, как нам удалось выяснить, был замечен в пособничестве немцам в годы войны. Осудить его не осудили, но то, что Боголепов находится на особом контроле у органов госбезопасности, – это факт.

– И только на основании этого вы решили, что наш Ромашко – это Фишер?

– Боголепова зовут Андрей Алексеевич, и мы предположили, что он может быть тем самым Андреем, про которого перед смертью рассказал Лёнька Кольщик. Сейчас Славин с двумя оперативниками выехал на квартиру Боголепова, думаю, что его скоро доставят. – Шувалов снова посмотрел на Корнева, тот одобрительно кивнул.

– А вы не поторопились с задержанием Боголепова? Если я правильно понял, то на него у вас ничего нет...

– Боголепов – больной старик и инвалид. Уверен, что если его хорошенько прижать, он заговорит.

Зверев усмехнулся, вернул Шувалову фото и встал у стены. Приглядевшись, Шувалов понял, что Павел Васильевич любит сгрудившимися у окна голубями.

– Сколько ещё ждать? – спустя пару минут довольно резко поинтересовался Корнев.

– Сейчас уточню! – буркнул Шувалов и потянулся к телефону, но в этот момент в коридоре снова слышались шаги. Конвойный ввёл арестованного.

По своему роду деятельности Шувалов почти не общался с капитаном Ромашко; возможно, из-за схожести их характеров. Оба были необщительны и считались занудами. Внешне они отличались. Ромашко был ниже ростом и моложе Шувалова – согласно данным из личного дела, ему было тридцать два. Несмотря на то что после двух суток, проведённых в «одиночке», подбородок капитана уже успел покрыться густой щетиной, Ромашко больше походил на холёного

подростка, тогда как Шувалова в его сорок семь за глаза называли стариком. У арестованного было овальное лицо, довольно пухлый рот, свои светло-русые волосы Ромашко зачёсывал на левый бок, китель капитана был застёгнут на все пуговицы. Шувалова слегка смутил блеск сапог Ромашко. Наверняка щётку и ваксу дал ему кто-нибудь из сотрудников охраны. Надо будет самому ещё раз проинструктировать охрану, а то как бы кто-нибудь ещё не умер от остановки сердца.

Войдя в кабинет, Ромашко остановился перед столом, заложил руки за спину и плотно сжал губы. Было видно, что он совсем не склонен к общению с коллегами. Тем не менее капитан окинул комнату цепким взглядом и, увидев Корнева, сидевшего в углу, явно удивился. На Зверева капитан даже не посмотрел. «Что ж, – рассуждал Шувалов, – надеюсь, я всё же сумею доказать нашему Зверю, что я не ошибся и перед нами всё-таки Дитрих Фишер».

– Приступайте! – приказал Корнев, когда молчание затянулось.

– Фамилия! Имя... – начал было Шувалов, но арестованный его перебил:

– Может быть, хватит уже! Вы же все здесь прекрасно знаете, кто я! Объясните же наконец, что здесь творится и в чём меня обвиняют!

– Вас обвиняют в двойном убийстве, – Шувалов старался говорить спокойно.

– Леонида Комелькова и сержанта Лычкина.

– Ах вон оно что! И почему же вы так в этом уверены?

– Чтобы ответить на ваш вопрос, я должен получить ответ на свои вопросы. Я снова спрашиваю: кто вы такой? Точнее, каково ваше настоящее имя?

Ромашко вздрогнул, и это не ускользнуло от Шувалова.

– Я Кирилл Егорович Ромашко, уроженец посёлка Клетня Брянской области, – словно по заученному принялся разъяснять арестованный. – В 1937 году поступил в Ленинградское пехотное училище, начал службу в войсках Западного фронта командиром пулемётного взвода. В начале войны командовал ротой...

– Всё это есть в вашем личном деле, – перебил капитана Шувалов. – Вы в соответствии с вашей должностью вполне могли иметь к нему доступ.

– Моих родителей расстреляли в сорок втором за пособничество партизанам!

– Это тоже есть в вашем деле!

– Отправьте запрос в училище! Там есть данные обо мне!

– Все архивы сгорели, так что доказать то, что вы говорите правду, не представляется возможным!

– Тогда отправьте запрос в штаб фронта! Там наверняка остались документы, подтверждающие то, что я проливал кровь за Родину. И вообще, почему я должен перед вами отчитываться?

– А вот почему! – Шувалов показал Ромашко фото, которое всё это время прикрывал рукой. – Не все документы ленинградского архива сгорели! Видите этого курсанта?

Ромашко напрягся, нерв на его щеке дёрнулся, капитан задышал чаще.

– Кто это? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Тот, за кого вы себя выдаёте!

– Вы заблуждаетесь! Я Кирилл Егорович Ромашко, а этого парня с фотографии я не знаю!

Арестованный отвернулся и тут же встретился глазами со Зверевым. Шувалов увидел, как у того напрягся рот, как сверкнули его глаза под густым навесом бровей. Зверев подался вперёд и, вцепившись в китель Ромашко, буквально вжал арестованного капитана в стену.

– Ты долго собираешься нас здесь мурыжить, сука? Мы знаем, кто ты, и не рассказывай нам сказки! Ты Дитрих Фишер – оберштурмфюрер СС! Ты повинен в гибели сотен людей в Крестах! – Зверев ослабил хватку и отступил. Тот с облегчением вздохнул. В этот самый момент Зверев ударил арестованного Ромашко в лицо. Он бил не кулаком – ладонью, но удар был таким хлётким, что из носа капитана тут же брызнула кровь.

– Пашка! С ума сошёл? – выкрикнул Корнев, но Зверева было уже не остановить.

– Вы тут что, все с ума посходили? – кричал Ромашко. – Я не знаю никакого Фишера! Я не был ни в каких Крестах!

– Ты знаешь, кто я такой? – процедил Зверев и вынул из кармана пиджака пистолет. Корнев и Шувалов встали со своих мест. – Сидеть! – рявкнул Зверев и приставил пистолет ко лбу Ромашко. Шувалов и Корнев застыли. – Повторяю вопрос: ты знаешь, кто я?



– Ты опер... простой опер... да как ты смеешь? – попытался возразить Ромашко.

– Ты знаешь, как меня называют?

Зверев говорил тихо, но его голос слышали все присутствующие. Шувалов боялся даже пошевелиться.

– Последний раз повторяю вопрос, – процедил Зверев.

– Зверем... – словно побитый щенок процедил Ромашко.

– А знаешь почему?

Не ответив, Ромашко стал оседать и вскоре уже сидел на полу. Пистолет всё ещё был прижат к его щеке. Свободной рукой Зверев достал из-за пазухи фотографию и сунул её в лицо Ромашко.

– Видишь эту девочку?

– Да... да, конечно! Она что, тоже погибла в Крестах? Но вы ошибаетесь! Я ни в чём не виноват! Я не Фишер...

– Ты – Фишер, сволочь! Признайся, тогда я, может быть, тебя не убью! Ты Фишер! Ты убивал людей, издевался над ними, делал свои гнусные опыты! Ты Фишер, признавайся, или я стреляю. Считаю до пяти!

– Я не Фишер!

– Раз... Два... Три...

Зверев пригнулся и прошептал что-то на ухо Ромашко, то съёжился ещё сильнее.

– Четыре! – Зверев взвёл курок и потянул спусковой крючок.

– Пять!

Раздался сухой щелчок – пистолет не выстрелил, Зверев снова взвёл курок...

– Я Фишер! Фишер... мать вашу! Это я убивал людей в Крестах! Сволочи! Сволочи! Что же вы делаете? – сквозь спазм прокричал Ромашко и, прижав ладони к лицу, зарыдал. Зверев снова спустил курок. Выстрела опять не последовало.

– Нет!!! Пожалуйста, нет! Не стреляйте! Я же сознался! Вы же обещали... – Он уже не пытался выглядеть героем. Он плакал, губы его тряслись.

На форменном галифе Ромашко проявилось тёмное пятно. Шувалов с презрением посмотрел на арестованного и отвернулся. Корнева трясло от злости. Казалось, что он вот-вот набросится на

Зверева, а тот, спокойно убрав пистолет в карман, достал пачку и закурил.

– Пусть уведут арестованного, – выдохнул с облегчением Зверев.

– Конвой! – рявкнул Шувалов и вытер ладонью вспотевший лоб. В кабинет вбежал конвойный. – Уведите его и пусть кто-нибудь уберёт это. – Шувалов, прикрывая лицо платком, указал на мокрое пятно, образовавшееся возле стула, на котором сидел арестованный.

\* \* \*

Они сидели в кабинете начальника милиции, Шувалов и Зверев курили, а сам Корнев пил маленькими глотками чай из гранёного стакана в алюминиевом подстаканнике. Опустошив стакан и втянув ноздрями сладковато-горький запах «Казбека», подполковник строго спросил:

– Теперь объясни мне, зачем ты устроил весь этот спектакль? Когда ты сначала ударил его, а потом ещё и спустил курок, я был готов тебя убить.

Зверев ответил без намёка на усмешку:

– Чего ж не убил?

Корнев замялся, прокашлялся, металла в его голосе тут же поубавилось:

– Ты добился его признания, но у меня складывается впечатление, что ты всё ещё не веришь, что Ромашко и Фишер одно и то же лицо.

– Ромашко не Фишер, и теперь я знаю это наверняка, – заявил Зверев.

– Откуда? Откуда ты это можешь знать?

– Этот Ромашко не отличается особой отвагой! По его суете и испуганной роже я сразу понял, что он врёт, говоря, что это его настоящее имя...

– Мы и без тебя это поняли, – съязвил Шувалов. – Но почему ты решил, что он не Фишер? Наш эсэсовец ведь не обязательно должен быть храбрецом. Убивать беззащитных – это удел слабаков и трусов.

– Ты прав, Витенька, – впервые за всю их беседу улыбнулся Зверев. – Я нутром чувствовал, что Ромашко не Фишер, хотя признаю,

что сомнения на этот счёт у меня всё-таки были. У меня возник план, пусть не совсем надёжный, но он сработал.

– И что же это за план? Что ещё за фотография девочки, которую ты ему показал?

– Фотография дочери одной из моих знакомых, не более того.

Зверев рефлекторно коснулся кармана, в котором лежал потрет Розы, который Рита Ковальская дала ему после того, как попросила Зверева отыскать дочь.

– Я понял, – продолжал рассуждать Шувалов. – Ты давил на испуг, и это сработало. Ромашко признался, но почему же теперь ты всё ещё утверждаешь, что он не Фишер?

– Помните, что я сделал, когда навёл на него ствол и досчитал до трёх?

Корнев и Шувалов переглянулись и сказали в один голос:

– Ты что-то шепнул ему на ухо!

– Вот именно, я сказал ему: «All dies ist nur ein Scherz, keine Angst! Meine Waffe ist nicht geladen!»

– Что это значит? – с раздражением воскликнул Корнев.

– Сейчас он расскажет нам о своей службе в разведке! – процедил Шувалов. – Козырнёт своим знанием немецкого, чтобы показать всем, какой он у нас профессионал.

– Да, ты прав, Виктор Матвеевич! Я действительно знаю немецкий. Не настолько хорошо, чтобы сойти за истинного австрияка или баварца, но достаточно сносно для того, чтобы меня понял среднестатистический уроженец современной Германии. Перед тем как закончить считать и спустить курок, прошептал нашему Ромашко: «Всё это лишь шутка, не бойтесь! Мой пистолет не заряжен!» Если бы он меня понял, то перестал бы трястись и уж тем более не обмочил бы штаны.

В допросной воцарилась тишина, Корнев заговорил первым:

– Так ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что наш так называемый Ромашко не знает немецкого! Какой из этого следует вывод?

– Вывод? Выходит... – Корнев присел на край подоконника и снова стал шарить у себя по карманам.

Зверев продолжил недосказанную мысль:

– Вывод очевиден – этот человек может быть кем угодно: предателем, самозванцем, шпионом, но он не может быть Фишером, потому что он не немец!

**Глава вторая,**  
***в которой Зверев бескорыстно приносит себя в жертву и, видимо, за это фортуна ему благоволит***

Окончательно уверовав, что Шувалов ошибся с выводами, и Ромашко не является объектом его поисков, Зверев решил отправиться домой и продолжить поиски Фишера на следующий день. Дело в том, что ему позвонила Зиночка и сказала, что её муж снова умотал в какую-то командировку, и она сегодня совершенно свободна. Зиночка сообщила, что побывала сегодня в магазине нижнего белья, и приготовила Звереву сюрприз. Однако тут у Зверева ни с того ни с сего вдруг разболелась спина. Вот и старость приближается, попытался посмеяться сам над собой Зверев, однако вскоре ему стало не до шуток. Спина разболелась так, что Зверев едва не вскрикнул и для собственного успокоения решил навестить к Оганесяну, благо его кабинет находился совсем рядом с медпунктом.

Карен Робертович, осмотрев пациента, попросил Софью Павловну Юркину сделать пациенту укол и ушёл куда-то по своим делам.

– Софочка, я ужасно смущён, – заявил с деланным смущением Зверев, когда они остались в процедурной одни. – Право, мне так неловко оголять перед вами свой зад, что я готов перетерпеть эту невыносимую боль. Может, лучше дадите мне спиртика, а от этой затеи мы откажемся?

– Можешь не смущаться, на своём веку я видела столько задов, что тебе и не снилось. Спирта я тебе не дам, а укол всё же сделаю, а то как бы хуже не было.

Когда Софья Павловна повернулась к Звереву спиной, чтобы приготовить инъекцию, тот шагнул к женщине, с явным намерением обнять её за талию, но тут же скрючился от боли и застонал.

– Эко тебя скрутило, бедолага, – не заметив коварных намерений Зверева, сказала Юркина. – Оголяйся, не собираешься же ты идти домой согнутым в дугу.

Почувствовав, что дело и впрямь серьёзное, Зверев вспомнил о Зиночке и её сюрпризе и решил отложить свои шутки до лучших времён. Когда Зверев спустился в фойе, боль и впрямь почти утихла.

Настроившись на приятный вечер, Павел Васильевич уже почти вышел из здания, но тут его окликнул дежурный по Управлению:

– Товарищ капитан, а с этим-то что делать?

Зверев вздрогнул, посмотрел вначале на дежурного сквозь стеклянную перегородку, потом на сидевшего в фойе старика. Тот сидел на лавке, морщился, точно от боли, и то и дело постукивал по полу своей алюминиевой тросточкой.

– А это кто? – поинтересовался Зверев.

– Как кто? – удивлённо воскликнул дежурный. – Свидетель по вашему делу! Его по приказу Шувалова доставили. Он уже давно тут сидит... Вот бумаги. Мне их Шувалов вам передать велел.

Зверев оскалился и ухмыльнулся. *Значит, Витя всё же отомстил. Сам припёр сюда этого чудака, а мне теперь с ним расхлёбывайся.* Зверев подошёл к свидетелю, тот тут же встал, кряхтя и тяжело дыша.

– Ваша фамилия, гражданин? – вопросительно поинтересовался Зверев.

– Андрей Алексеевич Боголепов! – представился свидетель.

*Андрей? Ну что ж...*

Прибывший оказался щуплым довольно пожилым интеллигентикой с крупным носом и пепельного цвета лицом.

*...что там про него говорили? В последнее время Ромашко навещал этого старика! Так! Он Андрей, а значит, мог быть связан с предполагаемым Фишером-Ромашко.*

Грандиозные планы о волшебном вечере и не менее волшебной ночи с Зиночкой оказались под угрозой.

*А не отправить ли этого дедульку восвояси?*

Увидев, как старик морщится и держится за спину, Зверев тут же поинтересовался:

– Что, тоже спина?

Старик кивнул.

– Э... как вас там? Андрей Алексеевич! – не сразу вспомнив имя-отчество свидетеля, сказал Зверев. – Может, вас в медпункт, там очень милая сестра, она вам укольчик сделает?

– Нет, не нужно. У меня есть хорошая мазь. Я только что посетил туалетную комнату и сделал себе растирание. Через пару минут всё пройдёт, главное только на холод не выходить, а то продуть может.

«Ну вот, – проявив солидарность к товарищу по несчастью, подумал Зверев. – Как теперь я его выпровожу?»

– Присядьте, товарищ! Скоро вас примут.

Когда Зверев зашёл в свой кабинет, то увидел сидевшего за столом Костина. Парень с кислым выражением лица сидел, подперев подбородок руками, и отрешённо глядел в окно. Проблема, казалось, была решена. Венечке пора набираться опыта. Зверев закрыл глаза, Зиночка в кружевном белье снова вновь мелькнула перед ним так же ясно, как если бы она сейчас была рядом.

– А ты чего здесь? – спросил Зверев.

– Документацию изучаю, – чуть оживившись, ответил Костин, – Шувалов велел.

– И давно ты здесь?

– Только что пришёл! Целый день в отделе кадров сидел, анкеты заполнял, а как сюда зашёл, Шувалов мне материалы дела по смерти какого-то Дудукина дал, сказал: читай, а сам ушёл.

Зверев подошёл к столу, взял из рук Костина папку и убрал её в сейф. После этого он достал чистый лист бумаги и положил его перед Костиным.

– Вот. В коридоре сидит свидетель, некто Боголепов, опроси его на предмет связи с Ромашко, запишешь показания и дуй домой.

Увидев, что Веня снова скривил лицо, Зверев спросил:

– Что не так-то? Устал, что ли? Тут делов-то на полчаса.

Костин помялся, потом пояснил:

– Да у меня это... встреча назначена! – Веня покосился на часы. – Как раз через полчаса нужно на площади Ленина быть.

Зверев нахмурился и спросил надменно:

– Встреча?.. С какой-нибудь деревенской кралей?

Веню точно прорвало:

– Студентка! Пединститут! Последний курс! Вчера только познакомились. В трамвае вместе ехали, а я ей на ногу наступил. Стал извиняться и... Слово за слово – и понеслась. Я ведь ни её телефона, ни адреса не знаю, только и успел о встрече этой договориться, а ей

уже выходить нужно было. Так что, сами понимаете, товарищ капитан...

– Прямо вот такая-претакая? Студентка...

Веня аж подскочил.

– Высокая, стройная, глазищи как блюдца!

Зверев готов был застонать, но сдержался. Веня смотрел на своего нового руководителя глазами изголодавшегося щенка. «Да уж, – подумал Павел Васильевич. – Корнев меня убьёт, когда узнает, что в моей группе появился ещё один истинный ценитель женщин».

– Беги к своей студенточке...

Веня тут же схватил со стула пиджак и, надевая его на ходу, пулей вылетел из кабинета. Зверев плюхнулся на стул, позвонил в дежурку:

– Ведите ко мне этого...

Зверев сел за стол, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Образ Зиночки таял, больная спина снова напомнила о себе, но Зверев чувствовал себя героем. Он убеждал себя, что поступил достойно и даже сравнивал себя с легендарным Данко, вырвавшим из груди собственное сердце<sup>[16]</sup>.

\* \* \*

Усевшись на предложенный ему табурет, Боголепов положил на колени свою трость и устремил на Зверева пронзительный взгляд своих бесцветных глаз. Голова старика немного подрагивала, а костлявые пальцы на руках постоянно шевелились, словно гигантские паучьи лапки.

– Как ваша спина? – первым делом поинтересовался Зверев.

– Уже лучше, как я и говорил, – сказал Боголепов, щурясь не то от яркого света, не то от того, что был подслеповат.

– Вы уж извините, что заставили вас ждать, я задам несколько вопросов и постараюсь вас не задерживать. Вы, наверное, гадаете, зачем вас сюда привезли?

– Отнюдь, мне не привыкать, что меня вот так, можно сказать под руки, вытаскивают из дома и куда-то ведут. Как правило, люди не особо церемонятся с такими, как я, но обращаются ко мне довольно



часто. Итак, что вы от меня хотите, молодой человек? Я к вашим услугам.

Зверев едва не поперхнулся, подавил ухмылку и тут же сделал серьёзное лицо:

– Вы, возможно, ещё не поняли, куда и зачем вас привезли.

– Разве это не милиция? – с некоторой долей удивления воскликнул старик. – Меня сюда доставили люди в гражданской одежде, но я успел прочесть табличку при входе.

– Ваша наблюдательность делает вам честь.

Старикашка хмыкнул:

– Вы, очевидно, видите во мне лишь дряхлую развалину, но меня ещё рано списывать со счетов. Кстати, это здание я сразу узнал. Здесь во время войны находилась окружная военно-полевая комендатура, впрочем, не стоит об этом вспоминать. Говорите же, что я должен посмотреть?

*Он же антиквар!* Только сейчас Зверев догадался, что старик имеет в виду.

– Так вы решили, что вас привезли сюда в связи с вашей профессиональной деятельностью?

Старик вытянулся, голова его задёргалась чуть сильнее, а тощие пальцы ещё крепче сдавили лежавшую на коленях трость.

– Постойте... Вы что же, хотите сказать, что мой визит к вам не будет связан с проведением экспертной оценки неких высокохудожественных предметов? – старик тут же начал суетиться. – О Боже! Не томите же меня, раз это так, то скажите же наконец, в чём меня обвиняют?

– Не волнуйтесь, Андрей Алексеевич. Мы вызвали вас сюда, чтобы прояснить один вопрос. Дело касается одного вашего знакомого. – Зверев достал из сейфа папку с личным делом Ромашко, открыл его и собирался показать старику фото, но вдруг запнулся. – Простите, а откуда вы знаете, что здесь находилась комендатура? Вы что же, бывали здесь во время войны?

Боголепов тяжело вздохнул, плечи его опустились.

– Увы, молодой человек, бывал. Бывал, и не раз! Не по своей воле, конечно, а по принуждению. В годы войны немецкие офицеры частенько прибегали к моим услугам, чтобы оценить ту или иную вещь. Мебель, книги, картины, домашняя утварь в конце концов.

Нацисты ведь к концу войны вели себя как настоящие бандиты! Они грабили всех подряд, отбирали золото, драгоценности, столовое серебро. В стенах этого самого здания мне пришлось увидеть своими глазами множество бесценных вещей, которые позже были вывезены в Германию. А что творилось в Крестах! Вы ведь наверняка слышали о концентрационном лагере в Крестах? Там людям даже вырывали золотые коронки, и вывозили их сотнями. Что же касается антиквариата, – старик махнул рукой. – Вы даже представить себе не можете, сколько всего этого добра прошло через мои руки. За то, что я делал своё дело – заметьте, делал по принуждению, – ваши коллеги уже строго с меня спросили. Но своё наказание я уже понёс и теперь, надёюсь, этот кошмар окончен. Так что вы хотели там мне показать? Вы говорили про одного моего знакомого...

Личное дело Ромашко, которое Зверев держал в руках, тут же было брошено на стол. Потому что при слове «Кресты» он тут же напрягся, точно породистый подружейный курцхаар, почуявший притаившегося в траве краснобрового тетерева-косача или охристорыжего коростеля. Нежели он ошибся насчёт Ромашко... Не веря в такую удачу, Зверев осторожно поинтересовался:

– Если вы знаете, что творилось в Крестах, то возможно вы видели лица немецких солдат и офицеров, которые тоже там побывали?

Старик вперил взгляд в Зверева, задержал дыхание и резко выпалил:

– Видел! Не всех, конечно...

– Простите, – сгорая от возбуждения, перебил Зверев. – Вы что же, побывали в Крестах в качестве узника?

– Упаси Боже! – лицо старика вытянулось, он несколько раз перекрестился. – К моему великому счастью, нет! Как я уже говорил, я консультировал многих, и в Крестах я тоже побывал в качестве эксперта.

*Так вот оно что?* Зверева трясло, но он как мог сдерживал себя, боясь упустить такую удачу.

– Скажите мне тогда, вам приходилось слышать о немецком офицере, которого в Крестах нарекли Крестовским душегубом?

Старик ещё сильнее затрясся и весь как-то сразу поник.

– Дитрих Фишер! Оберштурмфюрер СС! – продолжил Боголепов, вздыхая. – Значит, вы всё же узнали о нашей встрече! Всё ясно! Значит, именно из-за неё я и оказался здесь! – старик закашлялся, покачал головой. – Простите, можно мне закурить?

Зверев протянул старому антиквару пачку «Казбека», но тот замахал руками.

– Нет-нет! Я не курю папиросы, – Боголепов достал из нагрудного кармана деревянную коробочку и, достав из неё трубку, принялся хлопать себя по карманам. – О Боже! Неужели я забыл дома кисет?

– Карен Робертович, наш начальник медсанчасти, тоже любит курить трубку, – воскликнул Зверев. – У него в столе, как мне известно, всегда лежит несколько пачек отличного табака. Обещаю, что позаимствую что-нибудь для вас, но ради бога расскажите мне о Фишере!

– Как вы, наверное, уже знаете, после войны меня обвинили в пособничестве врагу, узнав, что я консультировал немцев. Меня допрашивали, и я рассказывал, рассказывал много, ваши коллеги умеют получать то, что их интересует. Мне предъявили тогда столько, что я не думал, что так легко отделаюсь. Я был уверен, что меня ждёт прямая дорога в лагерь, но мне повезло. Я оказал тогда небольшую услугу одному майору из госбезопасности, и он в благодарность за это помог мне выйти сухим из воды. Но ни тому майору, ни кому-либо ещё я до сего дня не рассказывал о моём общении с Фишером. Скажите, как вы узнали, что мы встречались?

– У каждого из нас свои источники информации, – уклончиво ответил Зверев. – Рассказывайте же! Если вы всё расскажете, то, возможно, мы не выдвинем против вас никаких новых обвинений.

– Ну если так! – Боголепов прищурился, было очевидно, что он не поверил сказанному.

Зверев схватил со стола папку, распахнул её на первой странице и сунул старику под нос фотографию Ромашко.

– Это он?

Старик дрожащей рукой достал из нагрудного кармана очки и нацепил их на нос.

– Вы с ума сошли?

– Вы ещё скажите, что не знакомы с этим человеком?

Старик пренебрежительно фыркнул.

– Разумеется, я с ним знаком! Имени и фамилии его я не знаю, зато знаю, что он проходимец. Он приходил ко мне пару раз и приносил какую-то никчёмную дрянь. Этот тип просил меня помочь продать какое-то никому не нужное барахло! Я сказал, что его так называемые ценности ничего не стоят и им место не в антикварном магазине, а на барахолке.

– То есть визит к вам этого человека никак не связан с Дитрихом Фишером и с концлагерем в Крестах?

– Если этот человек имеет какое-то отношение к нацистам, то мне об этом неизвестно!

– Замечательно, – выкрикнул Зверев, схватил перо и для вида что-то написал на листе бумаги. – А теперь рассказывайте о Фишере!

– Прошу вас! Дайте же мне вашего табака! Чертовски хочется курить!

Видя, что старика и впрямь трясёт, Зверев решил это использовать.

– Сперва вы расскажете про Фишера и я тут же обеспечу вас отменным табаком!

– Хорошо! Хорошо! Я расскажу вам историю нашего знакомства...

– Одну минуту! – всё так же сдерживая своё волнение, сказал Зверев. – Пусть ваш рассказ выслушает ещё один человек.

После этого Зверев позвонил Корневу и пригласил его к себе.

## **Глава третья, в которой Боголепов рассказывает о том, что ему доводилось переживать в годы оккупации**

*г. Псков, ноябрь 1942 г.*

Часы на стене показывали половину десятого, и комендантский час уже давно начался. За окном посвистывал ветер, ливень закончился, но одинокие капли всё ещё нудно постукивали по выгнутому заржавевшему карнизу. Тьма окутала город. Боголепов стоял у окна и глядел в полупрозрачную пустоту. От сырости у него всегда обострялись боли в суставах, а настойка из шиповника, которую ему обычно готовила сердобольная баба Клава с первого этажа, как назло, кончилась ещё в начале октября.

Где-то вдалеке завывала сирена и почти тут же умолкла. Стуча сапогами, словно стальными подковами по мостовой, под окнами прошёл патруль. Грубоватая и пугающая, словно лай сторожевого пса немецкая речь заставила старика сжаться. Он плотнее задёрнул штору, подошёл к столу и зажёл стоявшую в фарфоровой пиалке свечу. После прихода немцев и введения комендантского часа, ограничивающего передвижение жителей по городу и предписывающего обязательное затемнение окон, электричеством Андрей Алексеевич почти не пользовался. Это позволяло уменьшить ненужные траты на электроэнергию, а для того, чтобы читать, у Боголепова имелся довольно большой запас церковных свечей.

Как-то, ещё незадолго до начала войны, к Боголепову зашёл отец Леонтий, настоятель Снеогогорского монастыря. Он рассказал, что его послушники, копая яму для заготовки и хранения овощей вблизи Вознесенской церкви, наткнулись на старинное захоронение. Монахи отрыли подземный склеп, в котором оказался облачённый в истлевшие одежды скелет. Судя по сохранившимся останкам одежд и украшений, мертвец принадлежал к небедному сословию и мог быть каким-нибудь знатным боярином или даже князем. Помимо мертвеца в склепе нашлись несколько серебряных посуды, светильник с диковинной гравировкой и позолочённый крест размером с лошадиную подкову. Сообщать о находке городским властям отец Леонтий, разумеется, не

хотел, и умолял Боголепова не разглашать сведений о найденных сокровищах. Андрей Алексеевич согласился молчать, и заявил, что нисколько не возражает, чтобы найденные реликвии пошли на нужды храма. Отец Леонтий благословил покладистого антиквара и в знак благодарности подарил Боголепову целый короб церковных свечек. Полученный от священнослужителя подарок Боголепов долгое время хранил в кладовке без дела, теперь же эти свечи очень дажегодились.

Помимо коптящей свечки на столе стояла тарелка с двумя сваренными в мундире картофелинами, рядом с тарелкой лежала почерствевшая краюха хлеба. Соль кончилась ещё на прошлой неделе, поэтому Андрей Алексеевич достал из своих старых запасов несколько чёрных груздей пряного посола, которые хранились у него в погребе в большой деревянной кадке. Старик ел не спеша, тщательно прожёвывая оставшимися зубами каждый кусочек, стараясь не обронить на стол ни единой крошки. Несмотря на то что в грибах попадался песок, а подмороженная картошка была сладковатой на вкус, Андрей Алексеевич получил настоящее удовольствие от такого замечательного ужина. Он убрал со стола, уселся в кресло-качалку и накрыл ноги пледом из собачьей шерсти, чтобы хоть как-то утихомирить мучавший его артроз. Плотно набив трубку, старик закурил.

Сейчас Боголепов не страдал от нехватки курева и продуктов, однако в первые дни оккупации ему пришлось нелегко.

Когда немецкое командование объявило всеобщую трудовую повинность, в городе открылись биржи труда. Все взрослые мужчины моложе шестидесяти пяти должны были явиться для обязательной регистрации и получения рабочих паспортов. Так как Боголепову к этому моменту уже перевалило за семьдесят, он избежал всеобщей трудовой повинности, но при этом напрочь лишился всех своих средств к существованию.

До революции Андрей Алексеевич имел собственную антикварную лавку и считался одним из лучших знатоков своего дела в городе. После прихода к власти большевиков большая часть нажитых Андреем Алексеевичем ценностей была конфискована, и Боголепов был вынужден прекратить торговлю ценностями. Долгое время он работал в городском музее, жил скромно и в положенный срок вышел

на пенсию. С приходом немцев все денежные выплаты пенсионерам прекратились, и Андрей Алексеевич попытался вернуться в музей, но уже на должность сторожа. Его не взяли, так как место уже было занято. Когда всё мало-мальски ценное было распродано, Боголепов понял, что ему грозит самая обычная голодная смерть. Но тут пришло долгожданное спасение. Городская администрация дала добро на восстановление работы Ольгинского рынка. Большую часть продуктов, спирт, бензин и дрова продавать на рынке запрещалось, зато прилавки были буквально завалены предметами быта. Тут-то о Боголепове и вспомнили.

Андрей Алексеевич жил на Плаунерштрассе, так называлась теперь бывшая улица Ленина, как раз неподалёку от рынка, поэтому его квартирка теперь стала частым местом посещения как торговцев, так и покупателей с Ольгинского рынка. Кто-то пустил слух о том, что Андрей Алексеевич неплохо ориентируется в старинных вещах, и теперь народ повалил к нему толпами. Люди несли утюги и самовары, фарфор и столовое серебро, мешками тащили одежду и книги, картины и даже мебель. Андрей Алексеевич давал оценку любым старинным вещам, указывал их примерную стоимость, за что получал свои комиссионные: деньги, продукты, табак и мыло.

Старый антиквар больше не голодал, однако вместе с благополучием и сытостью появился страх. Он общался с разными людьми, и любой мог на него донести. Андрей Алексеевич понятия не имел, как отнесутся к его деятельности новые немецкие власти, поэтому сегодня, в этот промозглый ноябрьский день Андрей Алексеевич затрясся, насмерть перепугался, когда в его дверь громко постучали. Боголепов наспех загасил трубку и поспешил к двери.

На пороге стоял худощавый унтер-офицер в фуражке и плаще. Увидев чёрную форму и сдвоенное «Зиг» в петлицах, Боголепов еле устоял на ногах.

– Бо... го... лепо... в? – с растяжкой поинтересовался эсэсовец.

– Так точно! Боголепов! Он самый! Чем могу? – затараторил Андрей Алексеевич.

– Mach dich bereit! Du kommst mit mir<sup>[17]</sup>!

– Что?

– Komm schon<sup>[18]</sup>! – немец поманил рукой.

На сборы ушло не больше трёх минут. Собираясь, Андрей Алексеевич рассыпал стоявшую на столике коробочку с табаком и дважды ронял на пол трость. Они спустились по лестнице, у подъезда их ждал автомобиль. Водитель, пожилой ефрейтор, за всю дорогу не проронил ни слова. Он ехал довольно быстро, благо улицы были абсолютно свободны.

Дождь закончился, оставив на асфальте здоровенные лужи. Ветер немного разогнал тучи, и бледно-жёлтая луна циклопым глазом взирала на то, что происходило внизу. Прибывший за Боголеповым унтер по дороге несколько раз посмотрел на часы. Он что-то говорил водителю по-немецки, тот в ответ лишь кивал. Андрей Алексеевич ничего не понял из сказанного. Спустя какое-то время, немного придя в себя, он хотел было уточнить, куда же всё-таки его везут. Однако когда автомобиль, миновав стены Окольного города, выехал на Пролетарский бульвар и устремился в сторону Крестов, желание задавать вопросы у Боголепова пропало. Увидев табличку с надписью «Stalag»<sup>[19]</sup> старик напрочь потерял дар речи. Он судорожно бубнил себе под нос молитвы, которые давно уже позабыл. Он убеждал себя в том, что прожил хорошую жизнь, но умирать всё равно не хотелось.

Лагерь, окружённый двумя рядами колючей проволоки, выглядел мрачной серой громадиной, которая освещалась несколькими десятками прожекторов, установленных на вышках по всему периметру. Когда машина остановилась у ворот, те со скрипом открылись, и они въехали внутрь. Выйдя из автомобиля, Андрей Алексеевич почувствовал ударивший в нос смрадный запах палёного мяса и человеческих испражнений. Их осветило светом. Боголепов поднял голову и увидел пулемётчика на вышке, который направил на них прожектор, но тут же отвёл его в сторону. Сопровождавший Андрея Алексеевича унтер выругался, ухватил старика за рукав и потащил к какому-то зданию. Проходя мимо заграждения, Боголепов увидел с полсотни узников, которые шли в направлении барачных с лопатами и кирками в руках, находясь в оцеплении солдат, у каждого третьего из которых в руке был зажат собачий поводок. С десятков здоровенных псов то и дело срывались с мест и гавкали не переставая на уже привычных к этому хриплому лаю узников. Люди шли медленно, точно одурманенные черепахи. Из репродуктора доносилась



грубая немецкая речь. Унтер подтащил Боголепова к дверям какого-то здания, и они вошли внутрь.

Мерзкий запах, который Андрей Алексеевич ощутил, выйдя из машины, тут же куда-то исчез. Внутри здания пахло хлоркой и недорогим парфюмом. Они поднялись на второй этаж, и офицер постучал в первую же попавшуюся дверь. Они вошли, и Боголепову показалось, что из ада он в одночасье попал в рай.

Комната была чистой и светлой. На подоконнике в горшках стояли блестящие лёгкой влагой цветы, стол и кресло, стоявшие возле окна, прикрытого бордовыми бархатными шторами, были отделаны резьбой. Изящные торшеры, стоящие по углам комнаты, словно гладили вошедшего своим чуть тусклым, до боли мягким светом.

Хозяин апартаментов оказался среднего роста чернявым мужчиной лет тридцати с пристальным взглядом и густыми тёмными бровями. Он сидел за столом и читал какую-то толстую книгу. Мужчина был облачён в форму оберштурмфюрера СС. Когда он посмотрел на Боголепова, взгляд его показался Андрею Алексеевичу несколько усталым, но на губах просматривалась величественная и слегка надменная улыбка.

– Ist das der gleiche Antiquar, über den Sie in meinen Ohren gesurrt haben?<sup>[20]</sup> – сказал офицер сопровождавшему Боголепова унтеру.

– Das ist er, Obersturmführer! Sie können sicher sein!<sup>[21]</sup> – рявкнул тот в ответ.

– Also gut, Unterscharführer, machen Sie weiter. Deine Mission ist heute abgeschlossen<sup>[22]</sup>.

Сопровождающий вскинул руку вверх и, щёлкнув при этом каблуками, удалился. Боголепов чувствовал, как по его спине катится пот. Чернявый оберштурмфюрер окинул взглядом старика и пригласил его сесть. Когда Боголепов устроился на стоявшем возле стола табурете, по привычке положив на колени трость, оберштурмфюрер спросил на чистом русском:

– Вы ведь пьёте водку, уважаемый Андрей Алексеевич?

Боголепов едва не поперхнулся собственной слюной и часто-часто закивал. Офицер поднялся, подошёл к стене и, нажав какой-то рычаг, продемонстрировал гостю скрытый в стене потайной бар. Он достал бутылку и стакан, наполнил его и, подойдя к старику, сказал:

– Первое, что мне надо от вас, господин Боголепов, – это то, чтобы вы наконец-то успокоились! Я прекрасно понимаю, что пока вы ехали сюда, вы напридумывали себе невесть что и сейчас гадаете, что с вами сделают. Убьют ли... бросят в общую камеру, или будут пытаться... Успокойтесь! Ничего подобного с вами не случится! По крайней мере сегодня... – чернявый сделал паузу, – если вы конечно же согласитесь оказать мне одну небольшую услугу.

Хозяин комнаты протянул старику стакан, тот осушил его залпом. Офицер подошёл к столу и лёгким движением руки сорвал со стола шёлковое полотенце, которым тот был накрыт. Боголепов ахнул. На столе в фарфоровой чашке дымился густой куриный бульон с нарубленной зеленью; дразнили взор тонкие, как женские пальчики, жареные колбаски, с которых медленно стекал янтарный жирок; белый хлеб радовал взгляд своей ароматной корочкой.

– Не стесняйтесь, господин Боголепов! Вы испытали некоторый шок, когда вас привезли сюда, но настоящая русская водка и хорошая немецкая еда обязательно сгладят ваше напряжение и восполнят ваши потери! Если хотите, пейте ещё! – офицер поставил перед Боголеповым бутылку.

Тот налил в стакан ещё, выпил и набросился на еду.

Алкоголь заставил сосуды расшириться, кровь по ним побежала быстрее, и старик и в самом деле ощутил прилив сил. Страх оказался где-то позади, фортуна поманила рукой, и Андрей Алексеевич выдохнул с облегчением. Немного придя в себя, он заметил, что офицер рассматривает его с интересом.

– Вы сказали, что я должен вам помочь? Что мне нужно сделать? – спросил Боголепов.

Немец улыбнулся, в его глазах сверкнули задорные искорки.

– Мы с вами больны, господин Боголепов! Больны стариной! Больны красивыми и редкими вещами, и вы, как я слышал не раз, умеете отделать, как это у вас говорит... «зёрна от плевел...» Я хочу, чтобы вы посмотрели на мои трофеи. Я коллекционирую редкости! Люди часто дарят мне вещи, которые, как они утверждают, представляют собой огромную историческую ценность. Делясь со мной редкостями, они часто требуют взамен нечто... Впрочем, это к делу не относится. Не буду утруждать вас подробностями и скажу

прямо. Я собираюсь показать вам свою коллекцию раритетов, и желаю услышать о ней ваше мнение. Вы окажете мне такого рода услугу?

Боголепов вытер салфеткой рот и встал.

– Разумеется! Я готов! Мне и самому не терпится увидеть эти ваши так называемые трофеи!

## **Глава четвёртая,** *в которой Зверев с Корневым понимают, что курение может убить не только лошадь*

Боголепов прервал рассказ, задумался.

– Скажите, вы ведь оба из этих мест, верно?

– Вы не ошиблись, – ответил Зверев.

– Печоры – это же совсем рядом...

– Бывал.

– Тогда, возможно, вы слышали, что в сорок первом, прямо перед началом войны, был ограблен Псково-Печорский монастырь.

Корнев отрицательно покачал, Зверев спросил:

– Это имеет отношение к делу?

– Самое непосредственное! – с уверенным видом заявил Андрей Алексеевич. – А теперь я хочу вам рассказать весьма занимательную историю, связанную с одной старинной иконой, которая несколько сот лет хранилась в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве. Икону почитали как чудотворную, и тысячи паломников шли поклониться святыне. После революции, когда в стране бушевала Гражданская война творилось не вообрази что, нашлись святотатцы, которые покусились на великое творение. Трижды воры пытались похитить икону, но божиими молитвами икона осталась при монастыре. Не исключая новые похищения, настоятель монастыря всё же решил подстраховаться. Святыню перевезли в Печоры и передали на хранение настоятелю Псково-Печорского монастыря, укрыв на долгие годы от общего обозрения.

И тут случилось ужасное. Если мне не изменяет память, в тысяча девятьсот двадцать пятом в Псково-Печорском монастыре случился пожар. Было во всеуслышание объявлено, что знаменитая икона сгорела. И вот спустя ещё какое-то время, насколько я помню, это было перед самым началом войны, случилась ещё одна напасть. Как я уже вам говорил, кто-то пробрался в монастырь и ограбил его. Узнав о случившемся, милиция не особо ретиво взялась за расследование; подумаешь, украли какую-то церковную рухлядь! Но спустя какое-то время данное событие произвело настоящий фурор! Кто-то пустил

слух, что тогда, в двадцать пятом, икона вовсе не сгорела. Монахи спрятали икону, и теперь она вместе с прочими безделицами, украденными перед самой войной, досталась очередным похитителям. Многие, узнав, что бесценная икона попала в руки каких-то мелких воришек, тут же потеряли покой. Все ценители старины мечтали её заполучить, икону искали даже бандиты.

– И что же в этой иконе такого, что из-за неё поднялся такой переполох? – с лёгкой иронией поинтересовался Корнев.

– Ну что ж, поясню! На иконе изображён лик апостола Андрея Первозванного. Сама икона носит название «Святой из Вифсаида»! Вифсаид – это израильский город, который согласно евангельскому рассказу был родиной апостолов Андрея и его брата Симона, будущего апостола Петра. Есть мнение, что это уникальное творение было написано ещё в четырнадцатом веке учеником самого Даниила Чёрного.

– Хотите сказать, что эту измалёванную каким-то Чёрным монахом можно продать за большие деньги? – скептически спросил Корнев.

Боголепов почесал подбородок, выдохнул и сказал довольно серьёзным тоном:

– Я абсолютно уверен, что обладатель «Святого из Вифсаида», если он не продешевит, сможет заработать, продав икону, столько, что обеспечит безбедную жизнь не только себе, но и своим детям.

– Звучит очень убедительно! – в отличие от его начальника в голосе Зверева не было ни грамма скепсиса. – Ну давайте же, продолжайте вашу историю! И чем же это всё обернулось, интересно знать?

– К сожалению, я не знаю точно, чем всё это закончилось. В газетах писали, что украденные ценности были найдены и возвращены монастырю. Что касается самих воров, о них не было сказано ни слова.

– А что икона?

– Разумеется, не нашли! В списке похищенного икона не значилась, и не мне вам объяснять, как в высших эшелонах вашего ведомства не любят нераскрытых преступлений. Слухи об иконе какое-то время ещё ходили, но вскоре все успокоились.

Боголепов сделал небольшую эффектную паузу и продолжил говорить с ещё большим азартом:

– Я тоже со временем позабыл про икону, но тут случилось невероятное, – Боголепов облизал губы и огляделся. – Явившись в Кресты, среди прочих экспонатов коллекции нашего Фишера я вижу ту самую бесценную реликвию. В тот момент у меня затряслись руки и едва не отнялись ноги.

Боголепов прервал рассказ, спустя какое-то время Зверев уточнил:

– Вам известно, как икона попала к Фишеру?

– Я не спрашивал! Ведь, признаться, трясся я в тот момент не только от возбуждения, но и от страха. Не думаю, что Фишеру пришлось бы по душе моё любопытство.

– А вы не могли ошибиться? – спросил Корнев. – Я имею в виду, вы абсолютно уверены...

Боголепов дёрнулся:

– Что вы такое говорите? Вам, наверное, довелось слышать, что я считаюсь в своём деле одним из лучших специалистов. Едва взглянув на икону, я тут же понял, что это она.

– И вы рассказали Фишеру об истинной стоимости иконы? – спросил Зверев.

– Естественно! Он о ней знал, просто хотел ещё раз всё проверить.

– И что же случилось потом?

– Потом... Что потом? Потом мне дали бумагу с какими-то немецкими каракулями, огромный пакет с продуктами, бутылку шнапса и вывели из лагеря. Домой я добирался пешком. Трижды меня останавливали патрули, но когда я показывал им выданный Фишером документ, меня тут же отпускали, несмотря на то что комендантский час был ещё не закончен. Домой я добрался лишь к утру и тут же упал без сил.

– Это была ваша единственная встреча с Фишером?

– Единственная!.. Так что насчёт табака?

– Спасибо вам, Андрей Алексеевич, за этот интересный рассказ! – Зверев подошёл к старику. – Видите ли, какое дело. Мы подозреваем, что Фишер вернулся в город, и поэтому вам, как человеку, знающему его в лицо, грозит опасность.

– Опасность? Мне? – забеспокоился старик.

– Мы вынуждены будем на какое-то время приставить к вам охрану!

– Если так надо... О Боже, мне просто необходимо покурить, вы же обещали...

– Да-да! Сейчас! – Зверев набрал номер дежурной части. – Разыщите мне Гурьева! Срочно! – повесив трубку, он пояснил: – Я вызвал своего человека. Он будет вас охранять...

– Ну да, конечно, – Боголепов виновато поморщился и достал свою трубку. – Простите, так что насчёт табака...

– Ах да! – Зверев вышел из кабинета и вскоре вернулся и протянул Боголепову уже откупоренную пачку из плотного картона, покрытую прозрачной плёнкой.

– О Боже! Настоящая «Translanta»<sup>[23]</sup>, – воскликнул старик. – Ваш этот... Как его?

– Карен Робертович! Начмед! – подсказал Зверев. – Надеюсь, он простит мне, что я взял это у него со стола без спроса?

Зверев виновато поглядел на Корнева, тот махнул рукой.

– Ваш Карен Робертович настоящий гурман! – умилённо продолжал Боголепов. – Пачка обычного табака сегодня на рынке стоит не меньше ста пятидесяти рублей, а за такой табак дают в три раза больше. Бременская фабрика! Тонкая нарезка... – Боголепов набил трубку и закурил. – Помнится, во время войны мне приходилось курить всякую дрянь, а это... Какой вкус... какой аромат...

Пока старик наслаждался немецким табаком, Зверев приблизился к Корневу и прошептал ему на ухо:

– Не думал, что всё окажется так просто!

– Что ты имеешь в виду? – так же тихо спросил Корнев. – Ты так светишься, будто Фишер уже у нас в руках.

– Помнишь предсмертные слова Комелькова: «Рыбак рыбака... Он вернулся за Андреем...» Теперь всё встало на свои места. «Рыбак рыбака...» – это вовсе не часть известной пословицы! «Один рыбак ищет другого» – вот что хотел сказать Лёнька. Он побывал в кабинете Фишера перед тем как сбежать из Крестов. Фишер любил прихвастнуть, и всем показывал свою коллекцию. Лёнька – жулик, наверняка он узнал икону, о которой ходили легенды. Возможно даже, что Фишер сам объяснил Лёньке, что это за икона. Всё сходится: «Fischer» в переводе с немецкого означает «рыбак»! Апостол Андрей и его брат Симеон, будущий святой Пётр, согласно евангельскому рассказу, были галилейскими рыбаками. Заявляя, что один рыбак ищет

другого, Лёнька хотел нам сказать, что Фишер ищет икону. Очевидно, когда немцы в спешке отступали, Фишер тоже спешил. Он спрятал икону где-то в городе, а теперь вернулся за ней.

Все сбежавшие на Запад военные преступники вынуждены скрываться. Икона стоит бешеных денег и может обеспечить Фишеру безбедную жизнь. Я бы на его месте рискнул.

Корнев задумался и подвёл итог:

– Итак, что мы знаем теперь. Первое – Фишер вернулся за иконой! Второе – Фишер не просто переодевается в милицейскую форму, он скорее всего является сотрудником Управления, или имеет сюда доступ. И третье – самое главное, у нас есть человек, который знает Фишера в лицо и может его опознать.

В этот момент в дверь постучали, и в кабинет вошёл высокий мужчина в сером пиджаке и кепке.

– Познакомьтесь, Андрей Алексеевич! Это лейтенант Гурьев, – представил Зверев вошедшего. – С этого момента он будет отвечать за вашу безопасность. Коля, проводи гражданина в коридор и ждите меня.

Боголепов убрал трубку в карман, поднялся, сделал шаг в сторону двери и пошатнулся. Гурьев ухватил старика за руку, не дав ему упасть. Боголепов закашлялся и захрипел:

– Голова... голова закружилась, уж простите старика.

Его лицо стало наливаться кровью, на губах выступила пена. Андрей Алексеевич снова закашлялся – на этот раз уже гораздо сильнее, качнулся и всё-таки рухнул на пол, схватившись за горло.

– Стёпка! Вызывай скорую! – крикнул Зверев, аккуратно опуская трясущееся тело на пол.

Корнев тут же принялся звонить. Когда бригада скорой помощи с сиреной и мигалкой влетела во двор Управления, старый антиквар был уже мёртв.

\* \* \*

– Опять остановка сердца? – спустя полчаса после того, как тело старика увезли, спросил Корнев вошедшего в кабинет начмеда.



– На этот раз кое-что другое, – Карен Робертович подошёл к столу и указал на лежавшую на столе откупоренную пачку. – Немецкий табак, у меня такой же.

Зверев виновато пожал плечами.

– Это он и есть, Карен! Извини, что взял без спроса, обещаю, что куплю тебе новую.

Начмед махнул рукой, взял пачку и высыпал часть табака на стол и принялся его разглядывать.

– Ты взял пачку из верхнего ящика стола?

Зверев в недоумении посмотрел сначала на начмеда, потом на Корнева.

– Нет! Пачка стояла на столе!

– Я не имею привычки ничего оставлять на столе, когда выхожу из кабинета. Эта пачка была закупорена?

– Разорвана, причём довольно грубо, часть табака высыпалась на стол.

– Когда я выходил в последний раз, в моём столе лежали три пачки. Все они не были вскрыты. Когда я вскрываю такую пачку, я обычно пересыпаю её в кيسет, чтобы табак не так выдыхался и не терял своего аромата.

Карен Робертович взял лежавший на столе карандаш и принялся ворошить им высыпанный на стол порошок.

– Всё становится ясно. В пачку чего-то впрыснули.

– Яд? – холодно спросил Зверев.

– Наверняка! Все признаки сильнейшего отравления налицо! Надеюсь, вы знаете о том, что в конце войны нацисты весьма активно работали над созданием новых типов ядов. Я думаю, что ваш гость был отравлен одним из них. Кстати, нужно проветрить комнату, – Карен Робертович подошёл к окну и распахнул его настежь, – если мы не хотим отравиться токсинами, которые были в дыме. Врач скорой, которая увезла вашего старика, сделал такие же выводы. Вызовите криминалистов, пусть исследуют табак, но я уверен, что они скажут вам то же, что и я.

– Но откуда убийца знал, что Паша пойдёт в ваш кабинет и возьмёт у вас именно эту пачку? – воскликнул Корнев.

– Распознавать мотивацию преступника – это ваша задача! Я всего лишь врач и моя стезя – это медицина.

Зверев опустил голову и процедил:

– В самом начале нашего разговора я сам пообещал Боголепову, что пойду в кабинет Карена Робертовича и позаимствую у него табак. Старик очень хотел курить и несколько раз просил меня выполнить обещанное.

– Что же получается? – недоумевал Корнев, – выходит, убийца был рядом и всё слышал!

Зверев принялся осматривать стены. Спустя несколько минут, отодвинув шкаф, он нашёл то, что искал.

– Дыру сверлили обычной дрелью. Посмотрим, куда оно выходит, – сказал Зверев, указав на небольшое отверстие в стене. – За той стеной медсанчасть, а эта граничит с подсобкой.

Зверев сходил в дежурку и попросил ключ. Он вошёл в закуток, заваленный швабрами, тазами и щётками. Посреди всего этого бедлама просматривался проход. Зверев оглядел стену с этой стороны. На стене, прибитый гвоздём, висел вырезанный из журнала портрет Риты Хейворд<sup>[24]</sup>. Зверев отодвинул вырезку и вытащил спрятанную под ним деревянную пробку. Приложив на какое-то время ухо к отверстию, Зверев усмехнулся, потом снова заткнул отверстие пробкой.

– Ну что же, это всё объясняет! – сказал Корнев.

– Это действительно всё объясняет, но не даёт ответа на главный вопрос: кто же всё-таки стоял у этой стены? – сухо ответил Зверев.

**Часть четвёртая**  
**Настя**

**Глава первая,**  
***в которой Настю постоянно преследуют***  
***неудачи, но со временем ситуация улучшается***

Сквозь прозрачные шторы пробивался утренний свет. Кисловатый запах дыма, долетавший со двора через распахнутую форточку, щекотал ноздри. Одноногий дворник Егорыч, вытянув к огню отполированный годами деревянный костыль, жёг какую-то рухлядь и при этом матерился на весь белый свет, перекрикивая неистовое мяуканье, надрывистый лай и пронзительное воронье карканье. Ночью кто-то, не то нечаянно, не то нарочно, опрокинул во дворе стоявший возле входа в подвал седьмого дома мусорный бачок, и теперь здесь собралось целое скопище различного вида живности. Бродячие кошки, которых собралось, пожалуй, никак не меньше дюжины, нашли в рассыпанном мусоре целый пакет с рыбьими остатками и устроили по этому случаю настоящую баталию. Рядом с кошками расхаживали вороны в поисках лакомого куса в виде корки хлеба или сальной шкурки. Самые наглые из птиц то и дело набрасывались на лохматую псину, грызшую чуть в сторонке огромную свиную кость. Громко нарушая тишину, Егорыч сидел у разведённого им костра, костерил всех и вся, курил свой вонючий самосад и при этом не особо спешил устранять случившийся на вверенной ему территории погром.

Не выспалась – это не беда! Завтра же суббота, вот и отоспимся. К тому же день-то какой ясный, лучше и не пожелаешь для праздника. Разбуженная звуками битвы за рассыпанные объедки Настя отошла от окна.

Торжественные мероприятия и прочие празднества, посвящённые Дню освобождения города, должны были начаться в девять, а на часах было ещё только без четверти шесть. Понимая, что уснуть она больше не сможет, а подолгу валяться в постели она не привыкла, Настя отключила будильник и решила начать готовиться к празднику пораньше. Она умылась, съела два варёных яйца и направилась в душ. Горячую воду отключили ещё в конце мая, но Настя не особо боялась холода. Постояв под ледяной водой не меньше пяти минут, девушка

растёрлась махровым полотенцем, привела в порядок причёску и решительно подошла к шкафу.

Обычно Настя одевалась очень скромно, но сегодня решила изменить своим принципам. В честь праздника она собиралась надеть новое сиреневое платье, купленное в прошлом месяце на барахолке. Настя достала платье, положила его на кровать и поставила греться уютю. В дверь постучали. Настя открыла дверь и увидела тётю Зою, соседку по коммуналке, с полным тазом мокрого белья.

– Представляешь, простыла где-то, и это посреди лета, – женщина еле стояла на ногах, обливаясь потом. – Всю ночь какие-то микстуры пила, над картошкой дышала, и всё равно от кашля всё ещё задыхаюсь. Санька мой ещё ничего, а вот Лёнька из-за меня полночи не спал, а под утро как уснул, так сразу же в постель напрудил. Бельишко-то я выстирала, а вот развесить его уж и сил нет.

Муж тёти Зои погиб в сорок пятом, в самом конце войны, и женщина осталась одна с двумя детьми. Тётя Зоя никогда не отличалась крепким здоровьем, её дети, тоже пережившие оккупацию, так же часто болели. Отказать соседке Настя, естественно, не могла.

– Да полно вам, Зоя Анатольевна! Оставляйте ваше бельё здесь, я сама всё развешу и таз ваш занесу!

– Так ты ж спешишь, поди? Давай уж вместе как-нибудь.

– Идите к детям! Я всё сделаю, а на работу мне сегодня к девяти, праздник же!

– Ой, а ты, гляжу, наряжаешься! – увидев лежащее на столе платье, всплеснула руками соседка. – И платье-то у тебя какое красивое! Дорогое, поди? Сколько отдала?

– Пятьсот.

– Ну и не желей! Нечего всё время серое носить! Кончилась война, теперь по-другому жить нужно, а такой красавице без нарядов никуда. Будут наряды, так и от кавалеров отбоя не будет.

– Да не до кавалеров мне, – Настя снова отвела взгляд. – Я всё на работе да на работе...

– Перестань! Молодость – она одна! И глазом моргнуть не успеешь, как годы пролетят. Так что работа работой, а о себе тоже забывать не следует. А что за праздник-то?

– Так день города – годовщина завершения немецкой оккупации!

Тётя Зоя схватилась за голову, потом махнула рукой и снова закашлялась.

– Да уж, а я со своими заботами и забыла...

Из соседней комнаты послышался детский плач. Тётя Зоя поставила у двери таз и, держась за грудь, поспешила к себе. Настя посмотрела на часы. Если поторопиться, то она успеет. Девушка накинула халат и отправилась во двор развешивать бельё.

Утро и впрямь выдалось чудесным, рассуждала Настя, шагая мимо рассыпанного мусора, кошек, ворон и грызшей мосол псины. Егорыч по-прежнему стоял возле костра и всё так же деловито курил.

– Настюха, ты глянь, чё делается!!! – увидев девушку, дворник, определённо, ощутил немыслимый подъём. – Ты часом не видала, кто мусор разбросал?

– Нет, не видела.

Настя хотела было пойти дальше, но Егорыч поднялся и перекрыл ей дорогу.

– Ты, дочка, погодь! Не бойсь, я тебя надолго не задержу. Чего это ты с утра пораньше постирушки устроила?

– Не моё это. Тёте Зое помогаю, заболела она, вот и попросила меня её бельё развесить. Сами же знаете, как ей без мужа с двумя детьми живётся.

Егорыч поморщился, затянулся самосадом и выдохнул из себя густое облако дыма. Настя невольно отвернулась.

– Всё другим помогаешь, а пора бы уже своих деток обстирывать. Все ровесницы твои только о женихах и судачат, а ты чего же? Всё одна да одна?

Настя задержала дыхание.

– Не до женихов мне сейчас! Времена сейчас вон какие – голод да разруха! Люди с голода мрут, – сказала она тихо, боясь сорваться на крик. – Как отстроим страну, восстановим разрушенное, так о женихах и станем думать.

– Так чтобы разрушенное восстановить, руки людские надобны! – перебил Егорыч. – А чтобы руки были, люди надобны! Не станут бабы деток рожать, кто ж тогда города да сёла наши восстанавливать станет?

На этот раз Настя рассердилась не на шутку:

– Так вы что же, предлагаете детей просто так рожать, в качестве рабочей силы? Чтобы страну быстрее восстановить?

Егорыч осёкся, поплевал на самокрутку, почесал подбородок.

– Ты чё завелась-то, Настюх? Я ж просто так сказал, по-соседки! Я ж... чё сказать-то хотел, баба ты молодая, видная, в милиции вон работаешь, а живёшь одна... ну, в смысле без мужика...

– А при чём тут милиция?

– Неужели в милиции нет никого, кто бы тебе взял да и приглянулся?

– Никто мне в милиции не приглянулся! – надулась Настя. – В милиции я работаю, а когда я работаю, то о глупостях всяких не думаю. Вы вообще чего от меня хотели? Ну, в смысле, надо вам чего?

Егорыч на мгновение застыл, потом почесал затылок и пожал плечами.

– Так я по поводу бачка, который эти злыдни перевернули! Ты же, Настюха, в милиции работаешь, вот и помогла бы мне найти того, кто свинарник этот в нашем дворе учинил!

– Ну, знаете ли. Тут вагонами воруют, людей посреди белого дня режут, враги и фашистские недобитки обирают и губят наш советский народ, а вы про какую-то мусорку говорите! Может, вы сами этот бачок и перевернули по пьянке, да не помните об этом? А я теперь должна из-за этого дело заводить?

– Так я ж не пью уже, почитай, год.

– Ладно, некогда мне с вами долго разговаривать. Пойду бельём займусь, а вы бы тоже вместо того, чтобы кошек рассматривать и ворон считать, убрали бы всё это побыстрее, а то пахнет уж больно сильно.

– Да нет! – деловито заявил Егорыч. – Спешить с уборкой мусора я сегодня не стану. Пусть побольше народу увидит, какие злыдни у нас в округе водятся. А мусор этот, раз уж он всё равно разбросан, я разберу. Может, кто-то ценное что-нибудь выкинул, а потом искать принялся. Люди ведь всякое выкидывают порой. Я как-то раз кольцо в мусорке нашёл, понёс к ювелиру, а оно дорогое оказалось, тыщу рублей мне за него дали. А был случай, так бумажник нашёл, с деньгами.

Настя нахмурилась:

– Так надо было это всё в бюро находок сдать! Не знаю, что с кольцом, а бумажник скорее всего украл кто-нибудь, а потом сбросил, чтобы не попасться. Почему вы находки эти себе оставили?

– Почему оставил? Я что, из ума выжил, найденное в мусоре вертать? Я сдам это, а кто-нибудь скажет, мол, моё, и заберёт. Вот если бы я, скажем, бумажник на улице нашёл, то я бы ещё подумал, а в мусоре. Нет уж, милая моя, что с воза упало, то пропало. Я ж его не крал!

Настя открыла было рот, но посмотрев на часы, сдержалась. Цыкнув на одну из кошек и недобро посмотрев на нескольких не в меру обнаглевших ворон, девушка принялась развешивать мокрое бельё.

«День сегодня праздничный! День сегодня хороший! – неустанно повторяла сама себе Настя. – Раз не вернул Егорыч бумажник и кольцо, пусть на его совести это останется. Что же касается женихов... Не нужны ей никакие женихи, да и с детками она спешить тоже не собирается!..»

Покончив с бельём, Настя вбежала к себе в комнату и только сейчас вспомнила про поставленный на разогрев уют. Тот не просто покраснел, он, пожалуй, уже был готов расплавиться. Настя посмотрела на часы. Ждать пока тот остынет, не было времени, и Настя решила рискнуть. Лучше бы она этого не делала...

\* \* \*

Она вошла в здание Управления и тут же направилась к актовому залу. Повсюду звучала музыка, кто-то громко говорил в микрофон, то и дело раздавались аплодисменты. Однако настроение сегодня у Насти было вовсе не праздничное.

Всё началось с испорченного платья, на котором она прожгла подпалину величиной с блюдце. Поняв, что ей сегодня придётся идти на праздник в своих будничных юбке и блузе, Настя расстроилась, но поначалу не сильно.

*Ну что же, не судьба – значит не судьба!*

После неудачного эксперимента с платьем единственное, чем Настя смогла освежить свой повседневный гардероб и сделать его более нарядным, стали новые туфли-лодочки. Поросячья кожа, кремовый цвет, острые, как иголки, каблочки – эти туфли Настя тоже купила на барахолке, потратив едва ли не половину своей месячной



зарплаты, и еще ни разу не надевала. Туфли сидели великолепно, и в тот момент Настя ещё не представляла, что именно они преподнесут девушке очередной неприятный сюрприз.

Когда Настя спустилась по лестнице и направилась на остановку, она уже и не думала вспоминать об испорченном платье. Как только из-за поворота показался трамвай, Настя побежала к остановке, в этот самый момент туфли её и подвели. Каблук подломился, и Настя, припав на левую ногу, застонала от боли. Пришлось возвращаться домой и надевать повседневные потрёпанные сандалии. Очередной трамвай ей пришлось дожидаться ещё целых полчаса.

В Управление Настя приехала только в девять тридцать. У самого входа в актовый зал Настю остановил стоявший у дверей дежурный по Управлению Гриня Голобородько. Облачённый в парадную форму бывший командир сапёрного взвода, а ныне заместитель начальника дежурной части, охранял дверь в актовый зал, вытянувшись в струнку и гремя гремя медалями на широкой груди.

– Торжественная часть давно началась, – величаво пояснил Голобородько, – Корнев приказал опоздавших не пускать.

– Всё так уж строго? – возмутилась Настя.

Голобородько пожал плечами, скривил недовольную гримасу и прошептал:

– В зале полно начальства: начальник Главка с двумя замами, представители партбюро прикатили, даже сам главный прокурор явился, чтоб ему пусто было. Ещё кого-то ждём, – Голобородько махнул рукой и вытер вспотевший лоб рукавом. – Я даже сам уже не знаю – кого. Короче, сплошная нервотрёпка! Этому представься, тому козырни да доложи по всей форме. Сами же понимаете: у нас в дежурной службе как на фронте – для нас праздник, что для лошади свадьба – голова в цветочках, а... – вы уж простите, задница в мыле.

Настя понимающе усмехнулась и, прихрамывая, направилась к своему кабинету.

– Куда вы? – крикнул ей вслед Голобородько. – Все кабинеты закрыты! – Настя обернулась. – Да вы не переживайте, когда в залах наговорятся, самое интересное начнётся: концерт, фотографирование на фоне здания, даже танцы запланированы. Так что поспешите, и все кавалеры ваши.

И этот туда же. Настя посмотрела на свою опухшую лодыжку: только танцев ей сейчас не хватало!

– Здравствуйте, Настя! – к дверям подошёл Веня Костин.

Как всегда взъерошенный, цепкий взгляд, но губы надуты и хмурится. Чем-то недоволен, решила Настя и строго поправила парня:

– Не Настя, а Анастасия Игоревна! Здравствуйте, Вениамин, что опоздали на торжественную часть?

– Да я с семи утра в Управлении! Просто наш Зверь зачем-то решил меня в праздник работой загрузить. С восьми часов в архиве проторчал.

– Нашли, что искали?

– Да так, немного. А вы, значит, опоздали! Чего же вы так? Павел Васильевич мне вас в пример ставил, говорил, что вы никогда не опаздываете.

– И часто вы со Зверевым меня обсуждаете?

– Вовсе мы вас не обсуждали! – Веня смутился. – Просто Зверев как-то раз сам опоздал, а Корнев его за это отчитывать стал. Зверев же сказал, что он не вы, вы вот никогда не опаздываете. Он просто сказал, а я в это время рядом стоял, вот и запомнил.

– Так я вам и поверила! Зверев ваш хам и пошляк, а раз вы у него в любимчиках, то значит, и вы такой же. Наверняка на пару всем девушкам косточки перемываете.

Веня рассмеялся и подмигнул слушающему их разговор Голобородько:

– Мы ж не собаки, потому с костями дел не имеем, да и костлявыми не интересуемся.

Голобородько усмехнулся в усы и оценивающе посмотрел на Настю.

– А вы чего хихикаете? – крикнула Настя так, что ее, скорее всего, услышали в зале. – Велено вам гостей ждать, вот и ждите!

Голобородько замахал руками, запричитал:

– Чего ж ты так орёшь, Потапова? А ну, иди отсюда! Опоздала, так на улицу ступай! Кому было сказано.

– Ну, знаете! – Настя фыркнула и направилась к выходу, Веня поспешил за девушкой.

– А с чего вы взяли, что я у Зверя в почёте? – сказал Веня, когда они спустились с крыльца и прошли к беседке, окутанной плющом. –

Никакой я для него не любимчик!

– А чего ж он тебя из дежурки сманил?

– А потому, что он во мне способность к сыскному делу увидел...

– Знаю я, какие у вас способности! Ваш Зверев по бабам ходок, ни одной юбки не пропустит, и вы наверняка такой же!

– Ах вон вы про что! Вот тут вы ошибаетесь, – Веня расправил плечи. – Зверев меня взял, потому что я ему с одним серьёзным делом разобраться помог.

– И что ж это за дело такое?

Костин огляделся, поманил Настю пальцем.

– Хотя Павел Васильевич просил про это дельце особо не распространяться, но вам расскажу. Одна хорошая знакомая нашего Зверя попала в переделку...

– Хорошая знакомая?.. Хотите сказать, любовница?

– Может, оно и так, а может, и нет! Я свечку не держал. Так вот, у этой женщины дочку украли...

– Дочку? – Настя нахмурилась.

– Вот именно! Муж у этой дамочки – артист театра. Вот он как раз по бабам ходок и пьянь. Проигрался этот муж в картишки, на большие деньги попал. А долг-то отдавать нечем! Он с горя в «запой» и из дому свинтил, а бандиты те, кому наш артист задолжал, денежки с жены его решили получить. Взяли и выкрали их дочку, а мамаше долг предъявили. Так вот, когда это случилось, женщина эта...

– Любовница Зверева!

– Да какая разница? Пришла дамочка к нашему капитану о помощи просить, а он проникся. Стал мужа пропавшего вылавливать, а как узнал, что к чему, так ко мне пришёл. «Помоги, – говорит, – Вениамин, мне для этого дела толковый помощник нужен».

– А без тебя, значит, дела у него не шли?

– Да!!! Мы вместе банду и накрыли!

Настя рассмеялась:

– Складно рассказываете! Значит, вы с вашим Зверем настоящие герои!

– Герои мы или нет, то не нам решать, но дельце то мы ловко провернули, – насупился Костин. – Без меня Зверев бы, конечно, не справился, потому как я в карты играть мастер, а он нет.

– Ах, вы ещё и шулер...

– Поигрывал одно время! Скрывать не стану!

В это мгновение входные двери распахнулись, и из них вывалила толпа. Все вышедшие из зала двинулись к выходу, и вскоре площадь перед зданием Управления стала походять на гудящий пчелиный рой. Настя и Костин тоже оказались среди толпы. Все вокруг разговаривали громко. Впопыхах выстроившийся у парадной оркестр заиграл «Катюшу». Высокое начальство проследовало к припаркованным вдоль аллеи машинам и покинуло празднующих. Тут стало ещё громче. Первые пары закужились в танце. Где-то неподалёку блеснула вспышка фотоаппарата. Они остановились у старой липы между фонтаном и беседкой.

– Танцевать я вас не приглашаю! – сказал Костин, который, видимо, уже пожалел о том, что вообще решил пообщаться с Настей.

– Чего же так? Зверев не велел?

Парень нахмурился:

– При всём моём уважении к Павлу Васильевичу, в таких вопросах он мне не указ! Просто я вижу, что вы хромаете! Что случилось, ногу подвернули? Что, на каблуках ходить не привыкли?

– Туфли у меня новые, вот и натёрла ногу!

– Неправда! Ногу вы, может, и стёрли, но хромаете вы явно от того, что у вас щиколотка припухла – это, по-видимому, растяжение.

– И когда же вы мои ноги разглядеть успели?

Костин смутился, но тут же нашёл что ответить:

– Я же теперь опер, вот и стараюсь примечать всё вокруг: все мелочи, так сказать! Ну и выводы делать соответственные!

– Вот ты где! – раздалось за спиной. Настя вздрогнула, обернулась и увидела Зверева.

В голове путалось. Павел Васильевич сегодня был, как обычно, гладко выбрит, но помятое лицо и синяки под глазами свидетельствовали о сильном утомлении. Наверное, провёл очередную бессонную ночь.

Когда Корнев вызвал Настю к себе и довольно прямолинейно, в привычной для него манере, сообщил, что хочет включить её в группу, созданную для выполнения особого задания, девушку охватил душевный подъём.

*Секретное задание! Внедрившийся в организацию враг!!!*

Однако когда Настя узнала, что возглавлять следственно-оперативную группу будет капитан Зверев, она смутилась и хотела было уже отказаться, но скрепя сердце согласилась. К Зверю, как его здесь называли, у Насти было особое отношение.

– Ну что, выяснил что-нибудь по краже? – строго спросил Костина Зверев, словно бы игнорируя Настю.

– Всё перерыл, в наших архивах ничего нового! – ответил Костин.

– Плохо! Значит, придётся туда съездить. Я уже звонил в Печоры, начальник там, правда, не особо любезный, не захотел мне помочь, но думаю, что вам он окажет содействие.

– Нам?

– Вам-вам! Тебе, Веня, и вот этой, – Зверев словно только сейчас заметил девушку, – барышне.

– Я вам не барышня! – возмутилась Настя. – И вообще, в цивилизованном обществе принято здороваться.

– Здравствуйте, товарищ Анастасия! Давайте не будем придираться к словам. Мне нужна любая информация по краже из монастыря. Я, как руководитель группы, даю вам, Анастасия Игоревна, официальное поручение отправиться в Печоры и всё выяснить про кражу иконы. Вам нужно будет не только посетить местное отделение милиции, но по возможности ещё и наведаться в монастырь. Меня интересует всё: что ещё было украдено, кто вёл дело, что стало с похитителями. Очень прискорбно, что в наших архивах по этому делу ничего нет.

– Всё ясно, товарищ капитан! Прикажете отправляться в монастырь немедленно?

– Почему же немедленно? Праздник всё-таки, послушайте музыку, потанцуйте...

– Не до танцев мне сегодня! Дело – прежде всего! Так что я готова убыть в ваши Печоры прямо сейчас. Готова даже постриг принять, если прикажете!

Зверев впервые улыбнулся.

– А вот с этим не торопитесь! К тому же, как мне известно, вы у нас неверующая.

– Надо же, вы и это знаете! А что вы ещё обо мне знаете? Ой, вы же тоже у нас опер, тоже все мелочи примечаете, как и ваш подопечный!

– Вы это о ком?

– Это она обо мне, – пояснил Костин. – Анастасию Игоревну возмутило то, что я заметил её опухшую лодыжку.

– А что у неё с лодыжкой? – встревожился Зверев.

– Растяжение!

– Тогда, может, я другого кого отправлю?

– Ничего страшного! – перебила Настя. – Поездке в монастырь это не помешает.

– Вот и замечательно! Тогда после праздника и поедem. Встречаемcя на автостанции в девять, а пока, – Костин бегло огляделcя по сторонам, – раз товарищ Потапова у нас сегодня не танцует, думаю, что мне следует поискать себе другую, более подходящую партнёршу.

Костин решительно направился в толпу и вскоре уже кружил делопроизводителя Юленьку Кравченко. Зверев и Настя остались наедине.

\* \* \*

– Хотите мороженого?

Настя посмотрела на Зверева с недоумением:

– Вы что же, опять?

– Что опять?

– Начинаете ко мне свои дурацкие приставания! Вот что! Вы вовсе не в моём вкусе, и я желаю, чтобы наше общение ограничилось лишь работой.

Зверев улыбнулся, пожал плечами.

– Просто чертовски жарко, я захотел мороженого, а есть самому и не предложить даме – это ведь неприлично! Верно?

– Вот ещё! Идите и ешьте своё мороженое, не знаю, зачем вы вообще рядом со мной встали.

Настя отвернулась, но Зверев определённо не спешил уходить. Настя закусилa губу: «Проклятый Костин, оставил её тут с этим! Опер он, понимаешь ли. Ну растяжение, и что? Если не особо кружиться, то можно было бы и повальсировать, только не со Зверевым, конечно». Словно прочитав её мысли, Павел Васильевич вдруг сказал:

– Обожаю эту мелодию! Если согласитесь, то мы бы с вами могли потанцевать. Нет!.. Я понимаю, что у вас повреждена нога и всё такое, но не обязательно же рвать себя до упора. Можно ведь не спеша, потихоньку... Обещаю, что буду беречь вашу ногу и уж точно не дам вам упасть.

Настя хотела выдать очередную колкость, но вместо этого почему-то спросила:

– А как же мороженое?

– Обойдусь! Так что? – Зверев оживился, шагнул к девушке и протянул руку.

*Ну, давай! Поскалься у меня ещё! Ну да, хочется мне танцевать, и что? Почему я должна себя ограничивать?*

– А давайте!!!

Оркестр заиграл «На сопках Маньчжурии».

*О, Боже! Да будь что будет!*

Спустя мгновение они уже кружили в общей толпе. Настя была поражена тем, что вовсе не чувствовала боли. Зверев придерживал её за талию, не сжимал, а лишь мягко касался её пальцев, и Насте казалось, что он всё делает за неё. В глаза он ей смотрел лишь изредка, его рот был слегка приоткрыт, глаза были слегка прищурены. Настя прикрыла глаза. Все навалившиеся на неё напасти словно в одночасье исчезли. Она забыла про кучу вывалившегося из бачка мусора, про испорченное платье и вовсе не вспоминала про повреждённую ногу. Оркестр на мгновение умолк, но тут же заиграл снова. Все громко кричали, смеялись и даже напевали. Настя открыла глаза, но ощущение лёгкости не исчезло. Кто-то задел её локтем, и Настя чуть было не упала, но Зверев удержал её рукой.

Рядом довольно неуклюже вальсировали начмед Карен Робертович и его неизменная помощница Софочка. Зато архивариус Эмилия Эдуардовна, которую на этот танец ангажировал Свистунов, несмотря на природную грузность, танцевала очень даже умело.

– Так-так!.. Улыбочка!

Откуда ни возьмись из толпы вынырнул Настин коллега по криминалистическому отделу со смешной фамилией Штыря.

Штыря Борис Фёдорович, которого за глаза все называли Боренькой, сегодня, впрочем, как и обычно, был одет по последнему слову моды. В белых наглаженных брюках, в клетчатом жилете и в

лихо заломленной на затылке шляпе, Боренька уже нацелил на Настю и Зверева свой новенький ФЭД<sup>[25]</sup> и принялся энергично крутить объектив фотоаппарата.

– Нет! Нет!!! Не стоит, – Настя тут же остановилась и закрыла лицо рукой.

– Чего ж вы, Анастасия Игоревна, делаете? – тут же надулся возмутился Штыря. – Испортили, понимаешь ли, такой кадр!

– А вы почему без спросу фотографируете? Я вам, кажется, своего согласия на этого не давала?

– Подумаешь, какая цаца! Разрешения я, видите ли, у неё не спросил! Мне, между прочим, сам Корнев приказал для стенгазеты снимков наделать, а у меня вот плёнка кончается, – сердито продолжал Штыря и перевёл взгляд на Зверева. – Если бы он мне заранее велел, я бы запасную плёнку взял, а так получается, что каждый снимок на вес золота, а Анастасия Игоревна руками закрывается.

Зверев лишь пожал плечами.

– Я вообще-то не фотокорреспондент, как вам известно... У меня и камера-то случайно оказалась!.. – продолжал возмущаться Штыря. – И теперь Корнев меня прибьёт. Я ведь всего несколько фото сумел сделать, а на счётчике уже ноль, если повезёт, то не больше пары снимков отснять удастся.

– А снимите нас с Веней! – предложила Юля.

– Говорю же, у меня плёнка кончается, – снова заявил Боренька Штыря.

– А давайте тогда соберём народ и сделаем общее фото, – тут же нашёлся Костин.

Идею тут же поддержали. К фонтану тут же стали стекаться желающие.

– О, фото на память! Возьмите и нас с Софочкой, – присоединился к собравшимся Оганесян.

Грузный начмед и его помощница тут же встали в самую середину.

– Леонид Павлович, – окликнул Костин Свистунова, увидев, что тот собирается уходить. – Куда ж вы? Не лишайте меня удовольствия сфотографироваться с любимым начальником.

– С бывшим начальником, – рассмеялся Свистунов. – Вы же у нас, товарищ Костин, от меня сбежали! Теперь вы опер, вам и флаг в руки:



вот и щёлкайтесь с Павлом Васильевичем, а я, пожалуй, побегу. Я и так тут подзадержался, меня вон заместитель мой, я вижу, разыскивает. Мне ведь давно на доклад пора.

У входа в Управление на крыльце между белоснежных колонн и впрямь стоял Голобородько и кого-то высматривал.

– Раз сами не хотите фотографировать так Голобородько сюда пришлите, – трещала как сорока неугомонная Юля. – Он у нас мужчина импозантный, любое фото украсит!

Свистунов снова рассмеялся и указал на стоявшего неподалёку Корнева, который о чём-то беседовал с Шуваловым и Славиним.

– Голобородько я вам, конечно, сейчас пришлю, но на вашем месте я бы и про начальника не забывал.

– И правда! Товарищ подполковник, идите к нам фотографироваться! – только сейчас увидев Корнева, громко крикнула Юля.

Корнев не сразу, но всё же присоединился к остальным. При этом он едва ли не силком притащил с собой Шувалова. Тот, само собой, долго упирался, Славин же присоединился к желающим сфотографироваться довольно охотно, заняв место Свистунова. Он встал возле Эмилии Эдуардовны и несколько раз пригладил волосы.

– Ну что? Я вижу – желающих больше нет! Итак... снимаю! – Боренька щёлкнул фотоаппаратом. – Готово! Хорошо, хоть последний кадр удался!

После того как у Бореньки кончилась плёнка, все снова отправились танцевать.

**Глава вторая,**  
***в которой случайные попутчики Насти***  
***размышляют о тяжёлой бабьей доле, а сама***  
***она предаётся юношеским воспоминаниям***

В поезде пахло печной гарью и пивным перегаром. Большая часть вагона пустовала, но Настя всё же чувствовала себя неудобно.

Веня, после того как поезд тронулся, уселся на своё место, откинулся назад и тут же тихонечко засопел. После праздника, когда стемнело и танцы закончились, Веня отправился провожать Юлю. Насте было ужасно интересно, чем же закончился для них этот вечер, но спрашивать о том, провели они вместе ночь или нет, Настя, разумеется, не стала. Судя по тому, как быстро Веню сморило, он явно не спал всю ночь.

Для неё самой вчерашний праздничный день тоже закончился необычно, ночь тоже выдалась бессонной, однако Насте не спалось и сейчас. Ведь после того, как Зверев вызвался проводить её, Настя уже открыла было рот, хотела возмутиться и отказаться, но губы почему-то словно бы онемели. Она задержала дыхание, покачала головой и вдруг сказала: «Хорошо, но только до остановки!» Дальнейшие события почему-то тоже пошли не так, как она ожидала. Они дошли до остановки, сели в автобус и ехали, беседуя в основном про работу. Потом, вместо того, чтобы от остановки идти прямо домой, долго гуляли по саду и лишь потом отправились к Настиному дому. Когда он довёл её до подъезда, Настя уже заготовила было ответ, что дальше провожать её не нужно, но он почему-то и не предложил. Зверев просто поблагодарил её за вечер и ещё раз поинтересовался, сможет ли она выполнить данное им поручение. Когда Настя сказала, что готова ехать хоть сейчас, Зверев просто протянул ей руку и после лёгкого рукопожатия удалился.

В этот момент у неё из глаз едва ли не выступили слёзы. Почему он не стал напрашиваться на чай, или что обычно в этих случаях говорят мужчины. Он же бабник, не пропускает ни одной юбки, а с ней просто попрощался за руку.

Машинист дал протяжный гудок. Настя снова выглянула в окно, в глазах зарябило от мелькающей зелени.

Стараясь не думать о вчерашнем, Настя достала томик Достоевского и уткнулась в строчки. Но и сосредоточиться на чтении тоже не получилось. Убрав в дорожную сумку книжку, Настя уставилась в окно. Вдоль дороги вереницей мелькали покосившиеся телеграфные столбы, за ними кустилась зелёная стена, деревья и кусты местами уже успели подёрнуться лёгкой желтизной, обещая раннюю осень и позднюю весну. Под мерный стук колёс Настя смотрела в окно, но вскоре ей это надоело и Настя стала изучать пассажиров.

В самом конце вагона ехали трое хмурого вида мужчин и парень в полосатой фуфайке. Эти притащили с собой несколько банок пива и пол-литра «Столичной», и тут же началась пирушка. Мужики попивали пивко, икали и со знанием дела смаковали костистую пожелтевшую тарань. Проводница, толстая тётка в синем форменном кителе, лишь косо посмотрела на пьющих, махнула рукой и скрылась в своём купе. Мужики то и дело ходили в тамбуре курить, матерились, но делали это негромко – вполголоса.

По соседству с любителями пива ехала семейная пара немолодого возраста и двое молоденьких солдат. Мужчина и женщина поначалу косо поглядывали на пьющих соседей, но увидев, что те не буйные, осмелели, тут же достали из принесённых запасов хлеб, сало, яйца и малосольные огурцы. Не скупясь, мужчина и женщина угощали солдатиков, расспрашивали о службе. Солдатики с удовольствием принимали угощение, хотя время от времени всё же поглядывали на банки с пивом и смачную тарань.

На одной площадке с Настей ехали средних лет плюгавенький мужик и худосочная баба с грудным ребёнком на руках. Эта одной рукой удерживала ребёнка, а другой щёлкала тыквенные семечки, сплёвывая шелуху в бумажный кулёк. Мужик, явно деревенского вида, поначалу робко оглядывался, потом раздухарился.

Настин сосед, в отличие от прочих, разговаривал на весь вагон. Начал он с того, что рассказал о последней кормилице – гнедой колхозной кобыле, которая наемни захворала и вскорости издохла. «Теперь, – горевал мужик, – снова придётся пахать на коровах, как в войну пахали». Когда женщина попросила соседа говорить потише, тот

понимающе кивнул, на время утих, но вскоре забывался и снова начинал кричать.

После смерти колхозной кобылы речь пошла о сынке громкоголосого мужика Тимохе, который три годка прослужил в миномётной роте и вернулся в сорок четвёртом без правой ноги.

– До войны Тимоха, – продолжал тараторить мужик, – работал на току́. Тепереча вот – пособие получает! Однако без дела не сидит. Нет!.. Шьёт, сети рыбацкие плетёт. А ещё намастырился, понимаешь ли, корзины плести! А уж на гармошке горазд...

– Нам сюда ещё только гармошки не хватает, – пробурчала женщина, укрывая в очередной раз спящего младенца платком. – Ты чего ж горластый такой? Контуженный что ли?

Мужик не ответил, будто и не услышал ничего, снова заговорил:

– А Люська-то наша... – это сноха! Да!.. Знаешь, какой кулеш варит, ого-го! А уж голосище у Люськи...

– У вас, я вижу, вся семейка – голосистая, – обречённо вставила женщина.

– Как достанет Тимоха мой гармонию свою, Люська враз частушки петь начинает! Но ты не подумай, не матерные, нет!..

– А дитё-то у твоего сынка имеется? – крикнула женщина в самое ухо мужику.

– Ась!!! Чего говоришь? Дитё? У Тимохи моего? А как же! Имеется дитё! И не одно. Троих они ещё до войны народили, один захворал и помер, а уж после войны ещё одного заделали. Люська с пузом уж третий месяц ходит, – с гордым видом доложил мужик.

Женщина хмыкнула:

– Вот дела! Без ноги, а троих наклепал! Куда столько? Тут одного-то не знаешь куда деть.

Услышав подобное, Настя не удержалась:

– Что же вы такое говорите, женщина? – выкрикнула Настя так громко, что даже контуженный сосед вздрогнул. – Дети – это же цветы жизни! А вы: не знаешь куда девать! У вас вон малыш растёт, так радоваться нужно, а вы...

Женщина, удивившись, сперва насупилась, а потом распалилась не на шутку:

– А ты вообще чего в разговор лезешь? Цветы жизни, понимаешь! Мужику детей наклепать – дело нехитрое. А кто тех детей растить,

кормить да воспитывать станет, если батя калека? А ещё того хуже, когда нет его – отца в смысле!

Настя смутилась, виновато спросила:

– У вас, наверное, муж погиб?

Женщина поморщилась, вытерла рот и убрала кулёк с семечками.

– Вот ещё. Не погиб у меня муж... – женщина замаялась. – Не было у меня мужа! Никогда не было. Был вот жених, да весь вышел. В сорок первом забрали, и через месяц уже похоронку принесли. Всю войну одна да одна. В сорок втором, когда немцы пришли, начал меня один обхаживать, ну, думаю, наконец-то свезло, а он, гад, с фрицами связался. В полицаи подался, – женщина с опаской огляделась. – Не хотела я с таким быть, но сама понимаешь, что тогда творилось. Обрюхатил меня этот гад, силком взял, можно сказать, а потом его партизаны кокнули. Когда узнала, что беременна, вытравила ублюдка. И не смотри на меня так! К повитухе пошла и избавилась от дитя, благо срок небольшой был. Потом, когда кончилась война, думала, всё образуется, найду я свою судьбу, а не вышло вот. В деревнях ведь один мужик на дюжину остался, да и эти кто калека, кто пьянь.

Женщина снова достала семечки, задумалась.

– Так а этот от кого же? – спросила Настя, указав на младенца.

– От кого, от кого? От заезжего молодца! Приезжал тут к нам в деревню один, снабженец из райцентра, заготовкой мяса занимался для города, вот от него и нагуляла, а может, и не от него. Еще был у меня один, да чего уж говорить, не один и не два... Когда узнала, что беременна, во второй раз от дитя избавляться не решилась, да и уж поздно было. Теперь вот одна пацана ращу, а о том, чтобы мужа найти, боле уж и не помышляю.

Женщина посмотрела на говорливого соседа и в сердцах охнула. Женщина говорила тихо, мужик явно не слышал, о чём речь, пытался прочесть по губам.

– А может, ты и права! Был бы мужик, пусть даже и одноногий, как его Тимоха, так и второго бы родила, и третьего! Лишь бы был.

Насте почему-то вдруг стало жалко женщину, почему же она так думает? Разве можно такое говорить, что значит «лишь бы был»? Нельзя так себя недооценивать, и желать нужно лишь самого лучшего, и Настя тут же подумала о Звереве.

*Ну почему она снова и снова думает о нём?*

Может быть, потому, что он напоминает ей Лёшку Вишнякова? Того самого, самого лучшего парня, который стал ей судьбой...

*г. Псков, средняя школа № 9, 1937 г.*

В школе Лёшка Вишняков не был комсомольцем-активистом и передовиком соцсоревнований. То, что Лёшка парень способный, признавали все педагоги, а учитель физики Алексей Сергеевич Масляков по прозвищу Маслёнок частенько, кроме всего прочего, ещё и убивался, приговаривая: «Котелок у Вишнякова варит, как паровой котёл! Он же, если посудить, не хуже, чем у самого Эйнштейна мыслит, и из него настоящий гений мог бы вырасти, да вот только у Лёшеньки нашего дури и своенравия многовато». Одним словом, Лёшка Вишняков не имел далекоидущих целей, поэтому учился довольно средне, с переменным успехом.

Отец Лёшки погиб в Гражданскую, когда ему исполнилось два года, и его мать, воспитательница детского сада, растила Лёшку одна. Несмотря на то что он не относился к передовой советской молодёжи, со шпаной он тоже не имел никаких дел. Он не курил и втихаря не глушил портвейн в подворотнях, как большинство так называемых неблагополучных подростков, не устраивал драк и не общался с блатными. Никто же не спорит, что хорошим девочкам нравятся плохие мальчишки! А Лёха не был плохим, не был хорошим... Одним словом, Лёшка был какой-то совсем уж не такой, как большинство его сверстников. Густые брови домиком, довольно толстые губы, пристальный с хитроватым прищуром взгляд – все это, безусловно, притягивало девчонок, но истинная сила Лёхи была в другом. *Лёха Вишняков умел говорить!* Причём говорить так, что перебить его не решался никто, или почти никто...

Когда Лёшка не знал урока, учителям зачастую доводилось выслушивать всякое. Вместо того чтобы прочесть стих Маяковского, который было задано выучить, Лёшка Вишняков, бывало, запнувшись на первых строчках, вдруг начинал рассказывать о поездках футуристов по славному городу Одессе, где Маяковский познакомился с Машенькой Денисовой<sup>[26]</sup>. Он рассказывал, как они гуляли до утра по набережной среди каштанов, рассказывал, как читал ей стихи и как страдал, когда на предложение руки и сердца вдруг получил решительный отказ.

На уроках физики, вместо того чтобы доказывать у доски теорему Бора, Лёшка вдруг начинал вещать о том, как великий физик играл в футбол со своим не менее великим братом-математиком<sup>[27]</sup>. Ну а на уроке химии Лёшка как-то раз поведал классу о том, как сильно был озабочен когда-то Дмитрий Иванович Менделеев проблемами утилизации лошадиного навоза. Одним словом, Лёшка умел завоёвывать аудиторию, в первую очередь женскую, и так как истину о том, что женщины любят ушами, ещё никто не опроверг, почти все девчонки в старших классах пятой средней школы города Пскова Лёшку просто обожали.

Лёшка встречался с разными девчонками – с красивыми и не очень, но все эти романтические встречи продолжались, как правило, недолго. Лёшка общался то с одной, то с другой девчонкой, с лёгкостью разрывал отношения, доставляя брошенным горе и многочисленные страдания. Однако, несмотря на Лёшкину репутацию волокиты и ловеласа, всякая очередная девчонка, которой Лёшка вдруг начинал уделять внимание, невзирая на горький опыт своих предшественниц, тут же теряла покой и сон и оказывалась на седьмом небе от счастья. Ближе к окончанию школы Настя оставалась, пожалуй, единственной из всех девчонок класса, кто до сих пор ещё не поддавался чарам Лёшки Вишнякова.

В школе Настя не пользовалась особой популярностью ни у товарищей, ни у учителей. Настя стремилась быть всегда первой во всём, знала себе цену и держалась особняком. Она готова была поделиться с ближним последней корочкой хлеба, но из-за своей принципиальности никогда не давала никому списывать, так как считала, что каждый должен сам проявлять усердие и учиться на совесть. За это за всё её за глаза, а порой и в лицо, частенько называли выскочкой, задавакой и жадиной. Учителя тоже считали её слишком принципиальной и грубой, ставили ей пятёрки, но особой симпатии не испытывали.

Когда подошла пора покинуть школу навсегда, готовясь к выпускному, мама Насти сшила ей на заказ платье из мутновато-зелёного шёлка с белыми манжетами и воротничком-бантом. Собирая единственную внучку на её последнее свидание со школой, бабушка приколотла Насте на грудь свою брошь из янтаря, о которой девочка

давно мечтала, а отец принёс в коробке бежевые лóферы<sup>[28]</sup> с пряжками-трензелями.

И вот время празднества настало...

День выдался ясный, и лишь лёгкий ветерок обдувал чуть увлажнённые от волнения лица выпускников. С цветами и шариками, с бантами и яркими лентами в волосах, девчонки сгрудились в тени аллеи перед зданием школы, мальчишки в наглаженных брюках и с начищенными до блеска ботинками держались в сторонке. Директриса Лариса Фёдоровна Старкова, грузная дама в огромных роговых очках, произнесла вступительную речь и махнула рукой, объявив прощальное школьное танго.

Мальчишки подходили; кто галантно, а кто и неловко стали приглашать своих таких же, как и Настя, разряженных одноклассниц. Девчонки, кому не хватило кавалеров, тут же разбились на пары и стали танцевать друг с другом. Теребя бабушкину брошь, Настя впервые пожалела о том, что так и не подружилась ни с кем из девчонок, и сейчас, по всей видимости, останется в гордом одиночестве, пока другие будут кружить в танце. В этот момент произошло непредвиденное. Лёшка Вишняков вдруг закинул назад свою густую чёрную чёлку, решительно приблизился к Насте.

– Потрясающе выглядишь! – сказал Лёшка без малейшего намёка на улыбку. – Нефритовый цвет! Очень подходит к твоим глазам.

Настя постоянно уверяла себя, что если Лёшка Вишняков подойдёт к ней и начнёт ухаживать, то она тут же даст ему отпор. «Этот Дон Жуан получит у меня такую взбучку, – говорила сама себе Настя, – что навсегда забудет ко мне дорогу». Однако сегодня, вместо того чтобы грубо отшить наглеца, девушка на мгновение потеряла дар речи.

– Ты это о чём? – её язык заплетался.

– Я про платье. В Китае нефрит ценится выше золота, его называют «камнем жизни» и приписывают ему магические свойства. Внук великого завоевателя Тамерлана установил на могиле деда нефритовую плиту и сделал на ней надпись, которая гласила: кто потревожит прах великого воина, тот вызовет на свою землю войну.

Немного придя в себя, Настя постаралась взять себя в руки:

– Ты мне пришёл про Тамерлана рассказать?

Лёшка впервые улыбнулся и протянул руку:



– Нет, я просто хочу танцевать, буду рад, если составишь мне пару!

Коснувшись его пальцев, Настя почувствовала, как у неё снова закружилась голова. Она хотела вырвать руку, но Лёшка уже тянул её в круг. До этого она ни разу не танцевала с парнями, и, почувствовав сильные руки, напряглась. Он держал её уверенно, и вскоре Настя почувствовала облегчение. Её ноги сами двигались, спина изгибалась и дыхание с каждым движением становилось всё чаще и чаще. Сквозь пелену, охватившую её, она видела беглые завистливые взгляды сверстниц, потом всё вдруг кончилось и, когда Лёшка проводил её на прежнее место и отошёл, Настя почувствовала опустошение. *Неужели это всё?*

После танго снова выступила директриса, затем стали выдавать аттестаты. Настя чувствовала, как дрожат её руки, как по спине течёт холодная капля, а в низу живота горит огонь. И тут случилось страшное. Лариса Фёдоровна выкрикнула её фамилию, Настя вздрогнула и взошла на возведённый перед парадным постамент, где происходило вручение диплома. Взяв в руку корочку, Настя услышала за спиной смешки. В тот момент она ещё не поняла, в чём дело, но увидев, что все смотрят на неё, Настя забеспокоилась сильнее. Она встала в сторонке, смешки не прекращались. Спустя несколько минут к Насте подошла Галина Ивановна, её классный руководитель, и поманила Настю рукой. Они обогнули сцену и уединились в беседке.

– У тебя есть во что переодеться? – спросила учительница сухим тоном.

– Переодеться? Но зачем?

Галина Ивановна кивком указала на Настин подол. Девушка одёрнула платье и обомлела. Огромный зелёный след красовался на юбке уродливым пятном.

– Что... что это такое?

– Кто-то плеснул тебе на подол зелёной! Вот что это такое! Не понимаю, как можно быть таким негодяем... – учительница не успела договорить, Настя разрыдалась. – Перестань. Ты же у нас сильная девочка, а того, кто это сделал, мы найдём.

– Думаете, мне станет от этого легче? – сквозь слёзы спросила Настя.

– Думаю, что станет! Я непременно свяжусь с родителями того, кто так с тобой обошёлся, он будет наказан.

– Он? Может быть, она?

– Он! Она! Это не важно! Думай лучше, во что тебе переодеться, потому что официальная часть уже заканчивается, скоро снова начнутся танцы. Кстати, мне пора идти, нужно присматривать за остальными, пока ещё что-нибудь не случилось.

Галина Ивановна ещё раз посмотрела на Настин подол и вышла из беседки. Загремела музыка, раздалось громкое «ура», смех и крики заглушали звон оркестровых труб. Настя уселась на скамейку, вытерла слёзы и тупо уставилась в потолок. Он подошёл так тихо, что Настя вздрогнула.

– Чего сидишь, глаза на мокром месте? Пойдём фотографироваться!

Увидев улыбку Лёшки Вишнякова, Настя едва снова не разревелась.

– Какое там? Ты это видел? – Настя тукнула пальцем на испачканный подол.

– Зелёнка? Да уж...

– Не делай вида, что ты только сейчас это увидел! Когда я на сцену выходила, все на меня пялились и хихикали. Или ты в тот момент на меня не смотрел?

Лёшка пожал плечами, присел рядом с Настей.

– Почему не смотрел? Смотрел! Только я не на подол смотрел.

– А куда?

– На твоё лицо! В глаза.

– Знаешь что? Не надо со мной так! Ты ещё стихи почитай и серенаду спой, только меня этим не проймёшь. Я не все, ты с другими эту песнь заводи, а со мной не стоит. Иди и развлекайся, что, кроме меня уже девчонок больше нет?

– Девчонки есть, но я с тобой хочу! – в голосе Лёшки промелькнули стальные нотки. – Что же насчёт зелёнки, так забудь про неё. Скоро стемнеет и про пятно все забудут.

– Не ври, не забудут! Тот, кто меня облил, точно не забудет! Это ведь ты во всём виноват! Это твои воздыхатели меня облили, из-за того, что я с тобой танцевать пошла!

– Если я виноват, значит, мне и исправлять! – Лёшка поднялся и потянул Настю за руку. – Я же говорил, что нефрит имеет магические свойства. Будь платье белым или, скажем, жёлтым, на нём зелёнка была бы хорошо заметна, а так почти ничего не видно. Пойдём!

– И что, прямо так с тобой танцевать отправимся?

– А почему нет?

– А испачкаться не боишься? У тебя брюки светлые!

Лёшка выпрямился и, притянув Настю к себе, посмотрел ей в глаза:

– Брюк и платьев у нас с тобой будет ещё много, а школьный выпускной у каждого только один раз бывает!

И Насте как-то сразу стало легче. Весь вечер они танцевали, ели мороженое и пили газировку «Дюшес». Все смотрели на них, но в присутствии Лёшки никто больше не позволял себе насмеяться над Настей. Потом он пошёл её провожать, и они любовались закатом и прогуляли до утра.

– Было здорово, – сказала Настя, когда он довёл её до подъезда.

– Я рад, что праздник удался, и твои нефритовые глаза всё ещё сияют.

– Ты ведь больше не придёшь? – спросила Настя, боясь услышать ответ.

– Куда не приду?

– Ко мне! Ты просто хотел меня поддержать, поэтому и провёл это время со мной.

– Я провёл с тобой время не из жалости, а потому, что ты мне нравишься, и я хотел быть именно с тобой, – сказал Лёшка, сдвинув брови.

– Не приходи больше ко мне... и не звони! Нам не стоит больше видеться...

– Но почему?

Настя не поняла, была ли тревога в его голосе искренней.

– Даже если мы будем встречаться, ты ведь со временем всё равно исчезнешь! Ты так поступаешь со всеми! А я не хочу быть всеми! Поэтому не приходи!

Настя дёрнула за ручку, но Лёшка прижал дверь плечом.

– Я приду! И не пытайся мне это запретить! – он говорил твёрдо, но в его словах не было угрозы.

– Тогда пообещай, что никогда меня не бросишь! – выпалила она, и тут же пожалела о сказанном. Лёшка отвернулся, опустил глаза. – Что ж ты молчишь? Обещай, что не бросишь!

– Не могу!

– Почему?

– Я ищу... Понимаешь? – его голос дрожал, Настя удивилась.

– И чего же ты ищешь?

– Не чего, а кого! Я ищу ту, с кем мне захочется остаться навсегда. Может, это ты... а может, нет. Чтобы это узнать, нужно время.

– А я не собираюсь ничего ждать! Не приходи больше, видеть тебя не хочу!

Настя оттолкнула Лёшку, вбежала в подъезд и бросилась вверх по лестнице.

Она лежала в постели и гадала, что же ждёт её завтра, как он поступит, и сердце её при этом бешено стучало. На следующий день началась очередная напасть. Проснувшись Настя от того, что почувствовала жар уже не от сердечных мук. У Насти разболелась голова, тело стало покрываться пузырьковой сыпью. Вызванный родителями врач поставил диагноз «ветрянка». Путь во взрослую жизнь превратился для Насти в знакомство с детской болезнью. На третий день в дверь постучали, и мать сообщила, что к ней пришёл молодой человек. Когда в комнату вошёл Лёшка с апельсинами и бутылкой «Дюшеса» в авоське, мать, многозначительно подмигнув Насте, деликатно удалилась.

– Ты с ума сошёл? – укрыв покрытое зелёными пятнами лицо, проворчала Настя.

– Успокойся! Я уже привык видеть тебя перепачканную зелёнкой, так что можешь не стесняться. А ветрянкой я переболел в четыре года, так что она для меня не заразна.

Когда Настя, после долгих убеждений всё же открыла лицо, Лёшка с улыбкой заявил:

– Зелёнка тоже, как и нефрит, очень сочетается с твоими глазами!

Они оба рассмеялись.

После выздоровления они встречались почти каждый день. Из-за болезни и наступившего после него осложнения Настя не успела подать документы в медицинский, о котором так мечтала. Лёшка

пошёл работать на завод, Настя устроилась на курсы медсестёр, и они проводили вместе почти всё свободное время. В первый раз они поцеловались спустя неделю после Настиного выздоровления, но к большому Настя не была готова. Настя не допускала Лёшку до себя, убеждённая, что всё должно случиться лишь после свадьбы. Он мужественно терпел, но говорить о свадьбе пока не решался, а потом он исчез в одночасье, и она испытала жуткую боль, когда он не пришёл вечером на работу.

Лёшка не пришёл и на следующий день, не пришёл и через день, а гордость мешала Насте сделать первый шаг. «Он просто понял, что она не та, кого он искал, оттого и пропал», – твердила себе Настя, и каждый день после смены, возвращаясь с учёбы, зарывалась в подушку и плакала. И лишь спустя месяц Настя узнала правду.

Гуляя как-то по парку в гордом одиночестве, Настя встретила Миньку Малашина, щупленького симпатичного коротышку с горбинкой на носу. С Минькой они просидели три последних года в школе, и увидев парня, Настя очень обрадовалась. Оказалось, что Минька тоже отучился на фрезеровщика, и теперь работает в ночную. Он уже успел жениться, и теперь ожидает прибавления в семействе. Они встали у лавочки под кустом, Минька закурил.

– Ну, а как ты? Не нашла себе никого? – поинтересовался после рассказа о своих новостях Минька, и Насте показалось, что при этом парень немного занервничал.

– Да нет! Одна пока! На медсестру вот учусь! На следующий год пойду в медицинский поступать! В этом году вот из-за болезни...

– Ты знаешь, – Минька не дал договорить, несколько раз нервно затянулся папиросой. – А ведь это Юлька Караулова тебя тогда зелёной облила! Я тогда не знал этого, а потом мне Галка Зубова рассказала. Они ведь с Юлькой подружки не разлей вода. Она ведь это из-за Вишнякова сделала, за то, что он не с ней, а с тобой танцевать пошёл. Только Галка мне это по секрету рассказала, – словно опомнившись, сказал Минька. – Ты уж, если встретишь, не говори, что я тебе это сказал... Ну про Юльку.

Настя деланно рассмеялась:

– Не переживай! Не скажу, да и Юльке мстить не стану.

Минька отвёл взгляд и с опаской поинтересовался:

– Вы ведь после того с Вишняковым...

– Встречались! Только и меня он бросил, как Юльку, и как всех остальных.

– Вон оно что, а и не знал. Слышал, что вы встречаетесь, а что бросил, не знал.

– Бросил, бросил, – продолжала Настя с надрывом. – Теперь наверно какую-нибудь очередную дуру охаживает! Только, в отличие от Юльки, я никого зелёной пачкать не стану...

– Как охаживает? Никого он не охаживает!

– А ты откуда знаешь? – Настя запнулась.

– Так нет больше Лёшки.

– То есть как? – Настя побледнела и опустилась на лавку.

– В драке! Я точно не знаю, но вроде бы как за женщину какую-то он вступился. Шёл мимо, а тут бандюганы с ножиком, ну Лёшка влез, и вот тебе результат.

Наскоро попрощавшись с Минькой, Настя шла домой и качалась как пьяная. Поняв, что Лёшка погиб в тот самый день, когда в последний раз возвращался от неё. А она, дура, из-за своей гордыни даже не попала на похороны.

Вечером того самого дня, когда она в парке встретила Миньку, Настя решила, что не пойдёт на медицинский. Окончив курсы и отработав какое-то время медсестрой на скорой помощи, следующим летом Настя уволилась с работы, купила билет в Москву и подала документы в школу милиции.

**Глава третья,**  
***в которой Настя и Веня знакомятся с***  
***коллегами из районного УВД, после чего Вене***  
***приходится порыться в мусорном бачке***

Начальник районной милиции Юдин, худосочный майор с испещренным оспой лицом и залысиной, встретил псковских коллег не особо радушно.

– Ну, добренького денёчка! Явились не запылились! – начал он с ехидцей.

– Не совсем вас поняла, товарищ майор! – с недоумением сказала Настя. – Мы по поводу ограбления монастыря в сорок первом году, вас разве не информировали о нашем приезде?

– Как же не информировали, ещё как информировали. Понапридумывали там себе невесть что, понимаешь. Как будто у меня дел других нет, кроме как довоенные дела ворошить. А у меня, между прочим, восемь человек недоштат, работать-то некому, а вы у меня время драгоценное крадёте. Те, кто вас прислал, ведь знают, что у меня тут творится, – майор начал загибать пальцы. – Недобитки из «Омакайтсе»<sup>[29]</sup>, город буквально терроризируют. Местные бандюганы тоже страх потеряли, людей, почитай, среди белого дня раздевают, спекулянты, ворьё злобствуют, а вы тут ко мне с какой-то иконой.

– Вы, очевидно, имеете в виду районное начальство, а нас прислало городское Управление...

– Да какая мне разница, кто вас прислал! Мне помощь нужна, а не лишние заботы!

Не рассчитывая на подобную встречу, Настя насупила брови и холодно потребовала:

– У меня предписание! Наш визит согласован с вашим руководством, и вы обязаны оказать содействие и предоставить полную информацию по интересующим нас вопросам.

Юдин рассмеялся Насте в лицо:

– Какую ещё полную информацию? Ты чего, милая моя, считаешь, что у меня тут всю войну архивы хранились?

– Не милая я вам, а товарищ старший лейтенант! – Настя начала заводиться.

– Так вот разинь уши, товарищ старший лейтенант, и слушай, что тебе старшие говорят: разбомбили архивы наши ещё в сорок втором – ничегошеньки не осталось. Людей, кто работал до войны, тоже не осталось, потому что после войны почти все новые пришли. Говорю тебе, дурёха, нет у меня никаких данных по твоему делу! До сорокового года тут вообще эстонцы сидели. Я в сороковом сюда пришёл, следаком обычным начинал, потом война. Три года здесь немцы верховодили. Я же после войны, когда сюда вернулся, так сразу в кресло начальника попал. По крупицам сведения собирали, работу с нуля налаживали. Не знаю я никого, кто б тебе в этом деле помог. Нет больше старых довоенных архивов. Тю-тю, понимаешь?

– Если вы тогда уже здесь работали, так, может, хоть что-нибудь вспомните?.. Что, совсем ничего про ограбление монастыря не помните?

– Ну почему не помню, помню. Ну обворовали каких-то монахов... Потом была суета какая-то с этой иконой, но со временем утихли все. Говорю же, я тогда только службу начинал. Нет! Ничего больше не помню. Я уже говорил Звереву этому вашему, что нет у нас никаких данных по вашим иконам. Сам я чуть больше года в должности, сразу столько навалилось, свои бы дела разгрести, а они мне ещё и со стороны подбрасывают.

– Ваши трудности нам понятны, товарищ майор! – вполне миролюбиво встрял в разговор Костин. – Вы нам, пожалуйста, скажите, кто из ваших сотрудников может по этому делу ну хоть что-нибудь вспомнить. Если имеются такие, мы с ними поговорим и тут же оставим вас в покое.

– То есть как... – Настя уставилась на Костина.

*Он что же, хочет вернуться к Звереву с пустыми руками?*

Веня со знанием дела жестом призвал девушку не суетиться.

– Давайте успокоимся и подведём итоги. Архивы сгорели, штат сотрудников сменился, а значит, никакой дополнительной информации по этому делу вы нам предоставить просто не можете?

Майор опешил, и неуверенно кивнул:

– Ну да!.. Не можем ничего предоставить.

– Постойте! Вы сказали, что работали здесь до войны. Так?



– Так, и что?

– А есть ещё кто-нибудь из старожилов?

– Нет... – ответил майор с некоторой неуверенностью.

– То есть в Главк мы так и доложим, что единственный, кто владеет информацией по этому делу, а именно вы, товарищ майор, нам помогать не стали.

– Почему же я единственный? Может, кто ещё что знает, я не уверен...

Тут в беседу совсем некстати вступила Настя:

– Мы на вас жаловаться будем! Рапорт напишем... в Главное Управление.

Юдин, который уже было начал уступать, тут же расвирепел:

– Да жалуйтесь кому хотите! Хоть в Главк, хоть в Москву. Я всю войну от звонка до звонка! Я фронтовик! Три ранения у меня, я Берлин брал! Да я...

Майор не успел перечислить все свои фронтовые заслуги, потому что в этот момент в кабинет без стука вбежал запыхавшийся дежурный:

– Убийство!.. На Садовой!.. Женщину зарезали!

Майор грохнул кулаком по столу:

– Твою же мать! А я что говорил? Народу нет, сам на убийство езжу, а они мне тут про монахов да про иконы... – Юдин вскочил, нацепил на затылок фуражку и гаркнул так, что Настя вздрогнула: – Следственная группа готова!?

– Ну... как бы да, – дежурный замялся.

– Что такое?

– Так Лашманова же нет. Он же ещё утром в Буравцы уехал.

– Как это уехал?

– Так вы же сами его и отпустили, у него вчера отец помер.

– Тьфу ты, чёрт, забыл совсем. Ладно, без него разберёмся, поехали, – майор одарил Настю и Костина свинцовым взглядом. – А вы проваливайте! Вон у меня что творится!

Майор схватил со стола пачку с «Казбеком», достал из ящика ТТ и сунул в нагрудный карман. Потом он шагнул к выходу, чуть было не сбив с ног Настю.

– Осторожно! – крикнула Настя.

– Ещё под ногами путается, – процедил майор.

У самого выхода Костин, недовольно косящийся на Настю, успел уцепить майора за рукав:

– А Лашманов, стесняюсь спросить, – это кто?

– Тебе-то какая разница? – вырвав руку, окрысился майор.

– Лашманов – это криминалист наш! – пояснил дежурный. – Вам же товарищ Юдин сказал: специалистов у нас не хватает, а тут такое дело – похороны у него.

Костин тут же снова ухватил майора за рукав:

– А кто сказал, что специалистов не хватает? Вы, между прочим, только что чуть было не зашибли плечом лучшего криминалиста области. Да-да, опытнейший криминалист стоит рядом с вами и, я уверен, просто горит желанием оказать вам посильную помощь в расследовании этого преступления!

– Чего? – майор хотел было уже отшвырнуть вцепившегося в него Веню, но осёкся.

– Так ты... я хотел сказать, вы... Вы что же, и впрямь криминалист?

Настя отвернулась и ответила сухо:

– Московская школа милиции, кафедра судебных экспертиз и криминалистики! Закончила с отличием. Без малого десять лет работала по специальности.

Юдин посмотрел сначала на дежурного, потом на Костина:

– Так она, правда, помочь может?

Костин скорчил серьёзную мину и энергично закивал. Настя процедила сквозь зубы:

– Надеюсь, у вас есть необходимое оборудование!

– Носит он с собой чемоданчик, – Юдин кивнул дежурному. – Стёпа, а ну давай за лашмановскими приборами! Всё там вроде у него имеется: фонарик, лупа, порошки всякие... фотоаппарат «Турист».

Спустя пару мгновений появился дежурный с небольшим чемоданчиком, Настя бегло осмотрела его содержимое, проверила плёнку в фотоаппарате и деловито скомандовала:

– Сгодится! Едем!

Когда тёмно-синий сорок четвёртый ЗИС с красными полосами на боках, миновав гаражи и заросшую бурьяном аллею, свернул на улицу Садовую, все тут же увидели, что возле дома номер семь толкаются и прохаживаются не меньше двух десятков человек. Несколько постовых милиционеров, выстроившись в ряды, с двух сторон преградили дорогу. Зеваки, увидев милицейский автомобиль, оживились, сгрудились, но бдительные стражи из оцепления тут же начали что-то кричать и размахивать руками. Выйдя из машины, Юдин негромко чертыхнулся и буркнул:

– Два часа как тело обнаружили, а эти всё тут трутся. Заняться, что ли, больше людям нечем?

– На железной дороге вчера зарплату дали, половина работяг вчера наверняка «под мухой» домой заявились, – проявил осведомлённость Саня Зорин, молодой опер с пухлыми губами и круглым веснушчатым лицом. – Сегодня все дома отмокают, иначе зрителей было бы ещё больше.

– И впрямь бабы одни, а мужики, значит, отмокают, – майор нахмурился, почесал подбородок. – А ведь я про зарплату не знал. Наша убитая случайно не на «железке» работает?

– Думаете, что её из-за зарплаты грохнули? – с сомнением предположил Зорин.

– А что? Денежку получила, да не донесла.

– Вряд ли она с «железки». Мне помдеж сказал, что наша клиентка чистая краля, такие себя гробить не станут. Ладно, пойдём посмотрим, что тут да как.

Юдин в сопровождении Зорина решительно направился к седьмому дому, вслед на ними неторопливо, то и дело оглядываясь, направился местный следователь по фамилии Жарков. Настя и высказавший желание поучаствовать в осмотре места происшествия Веня Костин вышли из машины последними. День был пасмурный, небо вот-вот грозило разразиться дождём, но собравшиеся возле места преступления всё равно не расходились.

– Поспешить бы надо, а то если ливанёт, то все следы смоеет, – сказала Настя.

– Ты, если что помочь нужно, так не стесняйся, – заверил Костин.

– Ну спасибо! Какой любезный! Впутал меня в авантюру, а теперь помощь предлагает! Когда мне помощь твоя понадобится, по первому

моему свистку будешь землю рыть.

Костин засмеялся, и они вместе направились к месту трагедии.

Тело жертвы, которое кто-то заботливо накрыл белой простыней, лежало возле арки в тени разросшегося тополя. Из-под простыни виднелось сиреневое платье убитой, туфли на каблуке были модного фасона. Неподалёку от трупа на газоне лежал покрытый бурыми пятнами нож с пластмассовой рукоятью. Метрах в десяти от убитой женщины стоял чернявый парень в форме сержанта милиции. Болезненного вида старикашка в толстостенных очках что-то энергично говорил сержанту, тот держал под мышкой свою фуражку, всё тщательно записывал в блокнот. Старик говорил отрывисто и громко, размахивал руками и то и дело постукивал по асфальту тростью с пластмассовым набалдашником. Голос у старика был визгливый и неприятный. Настя поморщилась и только сейчас увидела неподалёку мужчину лет сорока пяти. Мужчина сидел на ступеньке у подъезда. Он выглядел отрешённым, что-то еле слышно шептал. На мужчине, прямо поверх майки, был надет свободный синий пиджак; на ногах – лёгкие спортивные туфли; носков под туфлями не было. Рядом с мужчиной стояла женщина в синем поношенном халате, которая, пригнувшись, что-то шептала сидевшему на ступеньках, то и дело кивая.

Увидев приближавшегося Юдина и его свиту, сержант убрал блокнот и, нацепив фуражку, козырнул:

– Здравия желаю, товарищ майор! Провожу первичный опрос свидетеля.

– Это местный участковый, – шепнул Насте на ухо Жарков.

– У вас тут, смотрю, всё по-военному, – тоже шёпотом ответил Костин. – Юдин ваш воевал?

– Артиллерист, – усмехнулся Жарков.

– Теперь всё ясно, сразу видно, что контуженый слегка.

Следователь прикрыл рот, пряча усмешку, Юдин тем временем продолжал:

– Что, Синегубов? Опять на твоём участке труп! Так-так... Ну давай, докладывай, что выяснить успел, – буркнул Юдин, озираясь по сторонам.

– Убитая – гражданка Истомина Юлия Сергеевна! Проживает на Садовой, пятнадцать. Тело обнаружил гражданин Макарычев, –

сержант указал на старикашку с неприятным голосом. – Он же и вызвал милицию.

– Садовая, пятнадцать, я так понимаю, это рядом совсем? – уточнил Юдин.

– Минут десять ходу.

– Ясно, а это кто? – Юдин указал на сидевшего на ступеньке мужчину.

– Муж. Одна из случайных прохожих опознала убитую, побежала к мужу и всё рассказала. Вот он одним из первых и примчался...

– Где был в момент убийства муж?

– Трое соседей по коммуналке подтвердили, что муж был весь вечер дома. Зовут этого товарища в майке Егор Игоревич Истомин, он так-то в обкоме партии работает, в финансово-хозяйственном отделе.

– Не велика, значит, шишка, раз в коммуналке живёт? – тут же отметил Саня Зорин.

– И что, что не велика? – возмутился Юдин. – Всё равно обком – это обком, а ты его тут мурыжишь, да ещё в таком виде?

– Так он сам сюда пришёл, – стал оправдываться участковый, – и не уходит никуда, всё по жене убивается.

– Понятно. Ладно, пусть убивается. Итак... Какие мысли, Синегубов?

– Пока отрабатываем версию с ограблением!

– Правильно! Зарплату же вчера на «железке» дали.

– Гражданка Истомина, как я успел выяснить, на железной дороге не работает. А работает она... – участковый заглянул в блокнот, – в ателье по пошиву женской одежды «Силуэт». Так что зарплату она наверняка не получала.

– Это не исключает убийство с целью ограбления. Может, наш злоумышленник вообще не её поджидал. Что муж говорит, пропало что-нибудь? – Юдин приподнял простыню. – Красивая! Ухоженная, наверняка у такой дамочки была с собой сумочка.

– Всё верно, товарищ майор! По словам мужа убитой, она всегда носила с собой кожаную сумочку, – участковый снова заглянул в блокнот, – из телячьей кожи, коричневую, с тиснением в виде цветка и с тонким ремешком, а на правом запястье носила витой браслет из белого золота. Сумочка и браслет исчезли.

– Молодец, Синегубов, всё записал! Даже то, что к делу и не относится. Да... Рисковая дама, раз с такими богатствами по тёмным подворотням шастает. Ну давай посмотрим! Так... значит, шла она в сторону дома. Преступник притаился где-то... Так... Саня, ты где бы встал, если бы собирался напасть?

– Вот тут, – уверенно ответил Зорин, указав на арку.

Майор приблизился, осмотрелся:

– Тут он её поджидал, а когда увидел, набросился и убил. Анастасия Игоревна, приступайте к своим обязанностям, раз уж взялись.

Настя достала фотоаппарат и принялась делать снимки. Она внимательно осмотрела нож – простой кухонный, ничего особенного. Нужно будет проверить на наличие отпечатков, но этим пусть их Лашманов занимается. Машина скорой помощи, которая констатировала смерть, стояла во дворе. Настя сняла простыню, мельком взглянула на лицо убитой – предсмертной гримасы нет, значит, не испугалась и умерла быстро. Красивая! Кто же её так?

Тем временем Юдин с важным видом продолжал оглядывать местность.

– Анастасия Игоревна, обратите внимание, тут окурки лежат. Четыре окурка, значит, стоял он тут как минимум полчаса, выжидая свою жертву. Что скажете?

– Скажу, что эти папиросы выкурены разными людьми, – сделала предположение Настя.

– С чего вы взяли?

– Мундштуки от папирос смяты по-разному, – Настя достала лупу и принялась разглядывать окурки. – Видите? У этих двух мундштуки смяты «гармошкой», этот окурочек просто слегка сплюснен, а на этом вообще тёмные следы видны.

– И что?

– Нужно проверять, возможно, это след от губной помады!

– Вы с ума сошли? Хотите сказать, что убийца была целая банда, причём одна из них баба? Может, криминалист вы, Анастасия Игоревна, и лучший, но с логикой у вас явно туговато. Тут двоим не спрятаться, к гадалке не ходи. Я думаю, что дело было так: убийца знал, что тут ходят подвыпившие мужики с железной дороги, которые вчера получили зарплату. Он заранее приготовил нож, необязательно

для того, чтобы убить, просто хотел попугать. Тут он видит хорошо одетую женщину, набрасывается на неё, но та подняла крик и оказала сопротивление. Убийца ударил жертву ножом, забрал сумочку и браслет, после чего убрался восвояси. Вас что же, Анастасия Игоревна, не учили в вашей Московской школе милиции, что для того чтобы найти убийцу, нужно думать как убийца. Влезть в его шкуру, так сказать.

– Учили! – ответила Настя холодным голосом. – Но нас также учили, что не нужно останавливаться на одной-единственной версии, дабы не сделать ложные выводы.

– Перестаньте! Всё более-менее очевидно. Осталось только найти убийцу.

Настя посмотрела на Костина, тот лишь пожал плечами.

– А вы выяснили, какую марку сигарет курит муж убитой? – спросила Синегубова Настя.

– Нет! – растерянно ответил участковый и посмотрел на Юдина.

– Голова вы садовая! – крикнул тот. – Зачем нам это? Вы что же, мужа подозреваете? Нечего человека лишний раз дёргать, у него и так горе. Чего вы на меня так смотрите? Ну да... с обкомовскими мне собачиться не с руки! Говорят же вам, что у мужа алиби. Все соседи это подтвердили.

– Я бы на вашем месте ещё раз опросила соседей, – с нажимом заявила Настя.

– Не надо ничего у него спрашивать. Занимался опросом старика, вот и занимайся. А вы, Анастасия Игоревна, лучше своими делами займитесь. Следы преступления ищите, пока дождик не начался, а то смоет всё.

– Я спрошу у этого Истомина про сигареты! – сказал Костин и, не дожидаясь возражения, пошёл к сидевшему на ступеньке мужчине. Вернувшись, он сообщил:

– Он вообще не курит! Спортсмен, кандидат в мастера спорта по лёгкой атлетике.

Юдин пренебрежительно хмыкнул и отошёл в сторону.

– Лучше бы мы вообще с ней не связывались, – шепнул он Зорину. Настя подозвала к себе Костина и тихо приказала:

– Выясни по-тихому всё про мужа, узнай, есть ли более короткий путь отсюда до их дома.

– Понял, – Костин кивнул и двинулся к группе женщин.

На дальнейшие поиски ушло ещё полчаса, потом полил дождь.

– Ладно, сворачиваемся. Всё равно все следы сейчас смоем, – сказал Юдин.

К этому моменту тело уже увезли, большая часть зевак разошлась, и возле седьмого дома остались лишь Юдин и его группа. Когда все засобирались в автобус, Настя вдруг заявила:

– Я предлагаю проверить всё ещё раз.

– Что проверить? – удивился Юдин.

– Проверить ещё одну версию, которую вы почему-то не желаете отрабатывать. Вы уж простите, товарищ майор, но моя версия кажется мне более правдоподобной.

– Вот тебе и раз! И что же вам не нравится?

– А вот смотрите: вы говорили, что преступник стоял в арке и курил там не менее получаса, – Настя разошлась не на шутку. – Но уже сейчас ясно, что эти окурки сюда, скорее всего, подбросили!

– То есть как подбросили?

– Очень просто! Преступник вытащил несколько окурков из урны и бросил их в самом тёмном месте, но он не обратил внимания, что окурки выкурены разными людьми.

– Возможно, потому, что ничего не понимает в окурках, так как сам не курит! – поддержал Настю Костин.

– Опять на мужа намекаете? – поинтересовался Юдин.

– После того, как я попросила Вениамина пообщаться с соседями, говорливые соседки сообщили нам, что у убитой был любовник. Накануне муж убитой узнал о существовании любовника, но никак не отреагировал. Что, если он тут же решил расправиться с женой и придумал некий хитрый план?

– А как же алиби? – уже с некоторой долей озадаченности поинтересовался Юдин.

Видя, как псковские сотрудники стоят друг за друга стеной, майор оглядел своих, будто бы ожидая поддержки. Участковый Синегубов хмурился и отводил взгляд, Саня Зорин преданно смотрел на своего начальника, зато Жарков слушал Настю внимательно.

– Я же сразу сказала, что любое алиби нужно проверять. Пока вы, товарищ майор, так активно отстаивали свою версию, мы выяснили,



что отсюда, через арку, есть другая, более короткая дорога до дома, где живут Истомины.

– И что это доказывает?

– От дома Истоминых до этого места можно через кусты напрямую пройти минут за пять. Спортсмен, кандидат в мастера спорта, менее чем за пять минут сможет обернуться туда и обратно. Одна из соседок, обеспечивавшая Истомину алиби, сказала, что он всё время был дома, но отлучался в душ минут на десять-пятнадцать. Я предполагаю, что Истомин вполне мог запереться в душе, включить посильнее воду, выбраться через окно и по пожарной лестнице спуститься вниз. После этого он отправляется сюда и ждёт жену. Он знал, что жена возвращается домой в одно и то же время, и всё рассчитал. Истомин убивает жену, забирает сумочку и браслет и возвращается в ванную комнату тем же самым путём по пожарной лестнице. Времени для того, чтобы совершить убийство, у него было вполне достаточно.

– Хотите сказать, что Истомин хотел создать видимость, что убийца пробыл тут довольно долго? – встрял в разговор Жарков. – А сумочку и браслет он прихватил, чтобы мы решили, будто женщину убили из-за них?

– Совершенно верно! – довольно отчеканила Настя.

– И куда он мог тогда их деть? – продолжал Жарков. – Я не думаю, что он спрятал их у себя дома. Если бы его план не удался, и в ходе обыска похищенная сумочка и браслет нашлись бы у него дома, это был бы для него приговор.

– Скорее всего, он их просто выбросил.

– Но куда? – спросил Жарков, и все посмотрели на Костина.

Веня только развёл руками:

– Я прошёлся по всему укороченному маршруту до дома Истоминых, а пропавших вещей так и не нашёл. Если Анастасия Игоревна права, то думаю, наш работник обкома оставил их дома. Нужен ордер на обыск!

Настя на мгновение растерялась, и тут вспомнила, как накануне утром одноногий дворник Егорыч рассказывал о том, что довольно ценные предметы частенько оказываются в мусорных баках. Если за преступником погоня, вору или грабителю лучше бросить украденное,

чем быть пойманным с ворованными вещами на руках. А что делает человек, который нашёл пропажу?..

Что с веза упало, то пропало. Кто же понесёт найденную в мусоре вещь в бюро находок? Мысленно поблагодарив Егорыча за подсказку, Настя оживилась.

– По дороге ты видел мусорный бачок? – сухо поинтересовалась Настя.

– Целых два, – с волнением ответил Костин.

– Кто-то обещал мне помощь...

Костин поначалу опешил, но тут же улыбнулся и спросил:

– Вы меня имеете в виду, Анастасия Игоревна?

– Вас в первую очередь! – вполне уверено ответила Настя.

– Ну что, товарищ майор, – спросил Костин майора. – Надеюсь, что ваши сотрудники окажут мне посильную помощь в этом нечистом деле?

– А что? – оживился Жарков. – Всё это лишь версия, но если мы и впрямь найдём пропавшие вещи в мусоре или в доме, этому работнику Обкома будет что предъявить.

Юдин махнул рукой:

– Делайте что хотите!

Через полчаса в одном из двух мусорных контейнеров нашлась коричневая сумочка с тонким ремешком и тиснением в виде розы. Когда спустя несколько часов после тщательного обыска квартиры в комнате Истомина, в тайнике под полом, нашёлся и исчезнувший браслет (убийцу подвела жадность, и он решил не выкидывать дорогую вещь), одна из соседок опознала обе пропажи. Женщина также подтвердила, что утром видела этот браслет на запястье у убитой. Сумка, которую Веня Костин отыскал в мусорном бачке, тоже, по словам соседки, была утром при ней. Также у Истомина нашли плащ, который он надевал после того, как выбрался через окно из душа. На плаще были обнаружены тёмные пятна, напоминающие кровь. Тут уж Жарков проявил себя должным образом. Он надел на «безутешного» мужа и вывалил ему все улики. После этого, работник местного обкома партии не стал дожидаться окончания экспертизы и признался в убийстве жены.

**Часть пятая**  
**Клюквенники**

**Глава первая,**  
***в которой Настя и Веня совершат поездку за город, в результате чего смогут полюбоваться цветами, а мы познакомимся ещё с одним любителем курить трубку***

После «небольшой» услуги, выразившейся в разоблачении убийцы гражданки Истоминой, начальник Печорской милиции наконец-то сменил гнев на милость и пригласил Настю и Веню к себе в кабинет. Когда все уселись, Юдин угостил гостей чаем и закурил. Настя хотела было уже возмутиться тем, что Юдин дымит, не спросив у неё разрешения, Веня тут же показал девушке кулак, и та тактично промолчала. Юдин довольно долго потягивал чай из стакана в мельхиоровом подстаканнике и нервно постукивал пальцами по столу. Настя и Веня тем временем напряжённо молчали.

– Что ж, как говорится, долг платежом красен! – наконец-то выпалил Юдин и подошёл к окну. – Думал я тут на досуге, как решить вашу проблему, и кое-что надумал!

– Спасибо! Будем очень обязаны! – тут же едко заметила Настя, после чего снова увидела Венин кулак. Майор, к их общему удивлению, продолжал довольно сдержанно:

– Я тут поспрашивал у своих... – видя, что Настя снова хочет открыть рот, Костин снова показал ей кулак и более того, повертел пальцем у виска. – Короче, я тут кое-кому позвонил и нам обещали помочь.

– Обещали помочь! – прошептал Насте Веня.

– «Кое-кому»! «Кое-что»! По-моему, наш майор что-то недоговаривает, – недовольно буркнула Настя и продолжила вслух: – Мы будем благодарны за любую помощь!

Веня радостно развёл руками.

– Так вот! Я... мне подсказали, кто может вам помочь и приоткрыть свет на это дело, – Юдин замялся, затянулся папиросой. – У моих людей вы ничего не выведаете, но мне подсказали, кто довольно плотно в своё время занимался этим делом, так сказать,

неофициально. Одним словом, если уж кто и сможет дать вам нужные сведения про вашу икону, так это Андрей Садовод!

Настя снова открыла рот, но Веня потянулся и прямо через стол стукнул девушке по руке пальцем, щёки его яростно раздувались.

\* \* \*

Они ехали по просёлочной дороге, машина то и дело петляла и проваливалась в ухабы и рытвины. Водителя чёрной эмки с помятым правым крылом звали Михалыч. Это был сутулый белёсый мужичок с обвислыми усами и отёкшими злыми глазками.

Михалыч не знал дороги и постоянно матерился вполголоса, кляня на весь белый свет Юдина, который не предупредил его заранее, что придётся ехать в такую даль. Саня Зорин сидел справа от Михалыча и жестами указывал дорогу.

Они ехали уже больше часа. Настя смотрела в окно, и когда ей уж совсем надоело слушать брюзжание Михалыча, чтобы хоть как-то сменить обстановку, она спросила Саню:

– К кому ты хоть нас ведёшь? Что за личность такая – этот ваш Андрей Садовод? Судя по имени – эстонец, а фамилия русская.

– Он и в самом деле эстонец, – ответил Саня. – Садовод это не фамилия, а прозвище.

– Прозвище? – переспросил Костин. – Он что, капусту выращивает?

– Капуста на огороде растёт, – встрял в разговор Михалыч. – А в саду яблоки и груши...

– Цветы он выращивает, оттого и прозвали Садоводом. Как приедем, так сами увидите. Там на его участке всё в этих цветах, ни проехать ни пройти, – пояснил Саня.

– Что эстонец, мы теперь поняли. Поняли, и чем он увлекается, – продолжила расспрос Настя. – А вот что он за фрукт, ты нам так и не ответил.

– Да я и сам толком не знаю, кто он, – пожал плечами Саня. – Был я у него лишь пару раз. С майором вместе ездили. Что за фрукт? Сам не знаю. Смурной он, и малость себе на уме!

– А ты заметил, как наш майор дёргался, когда нас сюда отправлял. Не особо он, видимо, хотел, чтобы мы сюда ехали, – сказал Костин, и молодой опер запнулся:

– Хотел или не хотел, мне до того дела нет. Приказали мне вас к Андресу Яновичу отвезти, вот я и везу. Просто Михалыч наш эту дорогу плохо знает, вот меня Юдин с вами и послал.

Михалыч, объезжая очередной ухаб, громко крикнул и кивнул в сторону Сани:

– Дорогу, в отличие от этого балбеса, я и впрямь не знаю, потому как не ездил к нему ни разу, а вот кто такой этот Садовод, я, кажется, знаю. Как, ты говоришь, его полное имя?

– Андрес Янович, – ответил Саня, – а вот фамилию я и сам не знаю.

– Фамилия у него Лугайс, эстонец он, всё верно. Был он хранителем общака у Кеши Архимеда.

– Это что ещё за тип? – воскликнул Костин.

– Вор! Положенец, присланный ещё до войны сюда ленинградскими ворами.

– Вот тебе и Юдин! Выходит, он нас к бандитам послал, – возмутилась Настя.

– Да нет! – снова резко выкрутив руль, продолжил Михалыч. – Андрес Янович Лугайс никогда не был бандитом, он даже блатным не был. Архимед хоть и авторитетным вором считался, но был к тому времени уже не молод, то и дело болел. Так что, по словам очевидцев, Андрес был у Архимеда правой рукой. Боялись его и слушали воры и русские, и эстонские, хоть он, по их меркам, был простым фраером. Так-то! В сорок первом Кеша умер от болезни лёгких, а Андрес этот ваш на фронт попросился. Вот только вспомнили ему, что он с блатными дружбу водил и, не знаю уж как и под каким предлогом, но попал наш Андрес в штрафную роту. Только и там он не пропал. Говорят, был ранен, переведён в регулярные части, стал командиром отделения, да ещё и орден получил. Вот такая канитель, друзья мои.

– Так вот почему наш Юдин так тушевался, отправляя нас сюда, – принялась рассуждать Настя. – Репутация у нашего Садовода противоречивая! Вроде бы воевал, вроде бы герой, а только по некоторым меркам преступник и бандит. Общение с подобными типами никому ещё пользу не приносило.

– Неважно всё это, был бы толк, – подытожил Костин, и в этот самый момент в поле зрения показалась огороженная высоким забором усадьба.

\* \* \*

Когда подъехали ко двору, было уже далеко за полдень. Дом с верандой и громоздкой трубой из красного кирпича, на который указал Саня Зорин, стоял немного на отшибе, между лесом и узкой речкой с покатыми берегами. Сам домик, обрамлённый увешанным плющом палисадом, казался небольшим, но довольно опрятным, обилие зелени и цветов завораживало с первых же минут. Цветы были повсюду: сам дом, саманная времянка и парник – всё было усеяно яркими красками, которые искрились и радовали глаз, всем своим видом словно бы игнорируя скорое приближение осени.

Саня Зорин, по каким-то там причинам не пожелавший участвовать в предстоящей беседе, сказал, что хочет прогуляться и направился в сторону речки, откуда из-за кустов раздавались голоса и девичий смех, а Михалыч, сославшись на усталость, откинулся на спинку водительского кресла и почти сразу же громко захрапел.

Отворив увешанную плющом калитку, Настя с Веней миновали палисадник, обрамлённый зарослями ярко-жёлтых хризантем и бледно-розовых гибискусов, и поднялись на крыльцо. Дверь дома открылась, и на пороге показалась немолодая, но довольно привлекательная женщина с необычайно прямой спиной и выразительным взглядом.

– Вы, очевидно, от Юдина! Прошу, – женщина указала на стоявшие на веранде стулья. – Я приглашу мужа, он сейчас выйдет. Может быть, чаю?

Настя хотела отказаться, но Веня её опередил:

– Покрепче, если можно, и я бы попробовал местного мёда! Говорят, он у вас здесь очень хорош.

Женщина довольно холодно посмотрела на Веню.

– Мы не занимаемся пчёлами, – она говорила с лёгким акцентом. – Но раз уж вы так просите, я поищу в кладовой, может, что и осталось из прежних запасов.

«Откуда он про мёд уже успел узнать?» – подумала Настя, и присела на одно из плетёных стульев. «Вообще-то мы не чай сюда гонять пришли». Веня, не обращая внимания ни на холодные взгляды хозяйки, ни на некоторую нервозность в поведении Насти, преспокойно пододвинул к столу кресло-качалку, стоявшее до этого у ограждения, и преспокойно уселся в него.

Спустя пять минут женщина появилась с подносом, на котором красовался чайный набор, тарелочка с баранками и небольшая мисочка с немного засахарившимся мёдом. Разлив по чашкам чай, хозяйка молча удалилась. После того как хозяйка ушла, Веня тут же набросился на мёд и сушки. Спустя минуты две, когда Веня наливал себе уже вторую чашку, показался и сам Андрос Янович. Довольно высокий, с жидковатой белёсой шевелюрой и морщинистым лицом, Андрос Садовод был скорее похож на школьного учителя, нежели на «правую руку» опасного рецидивиста. Ему было уже под семьдесят, он носил квадратные очки с толстыми стёклами и кутался в толстый шерстяной шарф. Андрос Янович мельком окинул посетителей, кивнул Насте и лёгким движением человека, который привык, что ему все обязаны беспрекословно подчиняться, велел освободить занятое Веней кресло.

Когда Веня освободил место и уселся ближе к Насте, Андрос Янович раскурил трубку и заговорил, всякий раз растягивая окончания фраз:

– Если я правильно понял, вы, молодые люди, интересуетесь пропавшей из монастыря иконой «Святой из Вифсаида», которая официально считается сгоревшей во время пожара в тысяча девятьсот двадцать пятом году?

– Совершенно верно! – ответил Костин.

– Если я правильно понял, вы не верите в то, что икона сгорела, верно?

– Совершенно верно! Икону видели во время войны, и человек, считающийся экспертом, заявил об этом довольно определённо.

Андрос Янович выпустил очередной клуб дыма, налил себе уже остывшего чая, сделал несколько глотков и продолжил:

– Ну что же, скажу вам, что вы не ошиблись, икона и впрямь не попала в огонь. Когда случился пожар, икона уже была спрятана в



одном из подвалов монастыря, а настоятель официально заявил, что икона сгорела. Я знаю совершенно точно!

– Откуда же, позвольте узнать! – вновь перебил Веня.

– Тогдашний настоятель сам мне это сказал!

– Сам сказал? Вам?

Псково-Печорский монастырь, который в двадцатых годах, как я уже говорил, находился на территории Эстонии, сохранил всё своё имущество, в том числе сохранилась и бесценная икона. В двадцать пятом в независимой Эстонии началась аграрная реформа. В результате этой реформы большая часть земельных владений Псково-Печорского монастыря была конфискована. Времена были беспокойные, и настоятель монастыря, опасаясь, что в Эстонии произойдёт то же, что и в России, и вслед за конфискацией земель последует изъятие других ценностей, решил принять меры для сохранения иконы. Пожар был устроен умышленно! Настоятель сообщил, что икону будут реставрировать, и после этого сам приказал поджечь мастерскую. Когда горела мастерская, иконы, само собой, там уже не было. Вот и получается, что иконы, по официальной версии, больше не существовало. Когда же в сорок первом монастырь ограбили, из тайника пропала и заветная икона. Когда пришла милиция, в списке похищенного икона «Святой из Вифсаида» не значилась, так как официально не существовала. Однако, желая вернуть чудотворную реликвию, архимандрит Феофан, тогдашний настоятель монастыря, пришёл ко мне... к нам... точнее, к моему покровителю.

– Вы хотите сказать, к местному авторитету, точнее вору?

– Зачем же так грубо? Иннокентий Иванович, хоть и был вором, но был при этом человеком верующим...

– Иннокентий Иванович?..

– Здесь все называли его Кеша Архимед! Отец Феофан понимал, что это был единственный шанс вернуть «Святого из Вифсаида» законным владельцам. У Иннокентия Ивановича была хроническая обструктивная болезнь легких, к тому времени он уже почти не вставал с постели, поэтому я занялся этим делом.

– В газетах писали, что украденные вещи найдены, всё за исключением иконы.

– Это так.

– А что же случилось с похитителями, вам о них что-нибудь известно? – задал очередной вопрос Веня.

– Очевидно, вы их нашли, и они после этого исчезли! – встряла в разговор Настя.

Андрес Янович смерил девушку холодным взглядом, Веня исподтишка показал своей напарнице кулак. Андрес Янович неторопливо вытряхнул потухшую трубку, снова забил её табаком и раскурил. Только после этого он снова заговорил:

– Всё верно, в газетах писали о двух преступниках. Этих двоих нашли мёртвыми, и при них были украденные из монастыря вещи. Но на самом деле воров было трое, и среди них была женщина! Если вы больше не будете меня прерывать и делать нелепые выводы, я расскажу, как всё было на самом деле...

## **Глава вторая, в которой Андрес Садовод расскажет историю жизни двух несчастных детишек**

*Граница с Эстонией, 1905 г.*

Она родилась в небольшой деревне южнее Печор в семи верстах от границы. Их мать была уроженкой Гатчины, но Верка так никогда и не узнала, как мать сюда занесло. Когда Верка спрашивала у матери об отце, та отвечала, что он был унтер-офицером императорского флота. Повенчаться они не успели, так как началась война, и отец, сразу же после того как ненароком её обрюхатил, был срочно переведён на Восток, где геройски погиб при Цусиме<sup>[30]</sup>. Планировалась ли у них с отцом свадьба на самом деле или нет, Верка так никогда и не узнала. Люська Карасёва, мать Верки, сызмальства считалась бабой непутёвой, крутила любовь с кем попало, и как частенько говаривала о ней соседка баба Гала: «Верка наша могла народиться от кого угодно – и от морского унтера, и от трактирщика Гришки, и от любого другого пробежавшего мимо Люськиной юбки кобеля».

Илюшу, по словам всё той же бабы Галы, Люське заделал Мишка Цыган, когда они вместе пьянствовали и резвились у них в хате, почитай, неделю. Когда кто-то донёс властям об устроенном на Люськином дворе бесчинстве, к ним на двор нагрянули жандармы. Мишка Цыган промышлял контрабандой и устроил в хате у Люськи схрон. Жандармы учинили обыск и без особого труда отыскали в погребе пять огромных тюков с чаем, крупную партию табака и, кроме всего прочего, какое-то краденое золотишко. Мишка спьяну, когда полиция нашла его барахло, бросился на жандармов с топором. Смутьяна скрутили, как и полагается, дали от души в рыло, и осудили Мишку на пять лет каторги, откуда он уже никогда не вернулся. Люську же тогда ещё долго таскали по судам, но со временем отстали, к тому моменту у неё уже стал показываться живот. В положенное время она разродилась, но в голове после всего этого у Люськи так и не прибавилось. Дети для неё были обузой, она так же гуляла и

веселилась, только, к всеобщему одобрению, детей уж больше не народила.

Люська гуляла и пьянствовала, а Верка с Илюшей остались, хоть и при живой матери, сами по себе. Как-то раз, когда Илюше было девять, он случайно расплескал на штаны очередному материному любовнику горячие щи, та выпорола сына, выгнала его на улицу и заперла в сарае. Верка вступилась за брата и наорала на мать, за что тут же получила несколько затрещин и тоже угодила под замок. Но Верка выбралась через крышу и попыталась поджечь дом. Люськин хахаль, к счастью, не спал, он потушил огонь, а мать, когда бросилась на Верку с кулаками, увидела направленные на неё вилы. Материн сожитель долго матерился и, прихватив свои вещички, ушёл, а мать долго плакала. После этого мать немного притихла.

Верке было двенадцать, когда вспыхнула Гражданская война. В двадцать первом, когда окончательно спившись, мать уже перестала узнавать их с Илюшей, Верка собрала свои пожитки, забрала брата и отправилась в Петроград.

Ещё в поезде их, двух заморышей с одной котомкой на двоих, заметил средних лет господин в сером котелке и дорогом коричневом пальто. Он подсел, сунул голодному Илюше мятную конфету и спросил:

– Сироты?

– Зачем же сироты? У нас мамка имеется. Мы к тётке в Печоры едем... погостить! – уверенно заявила Верка, хотя никакой тётки у них и в помине не было.

Мужчина бегло окинул их драную одежду, усмехнулся.

– А лет-то тебе сколько, красавица?

– Шестнадцать! – снова соврала Верка, уверенно прибавив себе год.

Мужчина достал бумажник и дал Верке пару банкнот. Он крупными буквами написал на клочке бумаги адрес и сунул его Илюше в карман.

– Если не получится с тёткой, – сказал мужчина, – приходи по этому адресу. Помогу с жильём и дам работу.

После этого он пересел на другую полку и всё оставшееся время читал газету. Верка ломала голову, как ей поступить. Идти им было некуда, но мужчина в котелке выглядел уж больно чужим. Верка не

привыкла к таким франтам, поэтому её распирали страх. Когда поезд остановился и вслед за господином в котелке они вышли на перрон, Верка, отбросив последние сомнения, догнала его и дёрнула за рукав.

– А что за работа? – спросила она.

– Про тётку-то наврала, поди? – усмехнулся мужчина.

Верка нахмурилась, но почувствовав, как холодный осенний ветер задувает за воротник и под платок, подумала, что в её положении особо ломаться не стоит.

– Наврала, и что?

– Если хочешь на меня работать, никогда мне больше не ври, – в глазах мужчины впервые за всё время их общения появился недобрый огонёк. – Работа не пыльная. Сначала поживёшь в общем бараке, потом, если хорошо себя покажешь, может, выделю тебе что и получше...

– Только мне, а как же брат? – Верка снова напряглась.

– Если будешь хорошо делать свою работу, сможешь снять для него уголок. Так что, по рукам?

– Вы так и не сказали, что за работа!

Мужчина снова сверкнул глазами, но тут же выдавил из себя улыбку и взял Верку пальцем за подбородок. Она отшатнулась, мужчина покачал головой.

– Если будешь такой дёрганой, не сможешь зарабатывать много. Ты красивая, а красивым всегда есть что продать, пойдём. А то от одного только вида вашей одежды меня пробивает озноб.

Мужчина повернулся и пошёл вдоль перрона. Верка и Илюша переглянулись и пошагали вслед. В тот момент Верка ещё не догадывалась, что ей придётся продавать.

\* \* \*

Довольно быстро освоив тонкости профессии, большеглазая и привлекательная Верка похорошела и стала настоящей красавицей. Начиная как бланковая<sup>[31]</sup>, она довольно быстро поднялась и поселилась в самом известном борделе на Сеченской. Она обучилась манерам, научилась пользоваться пудрой и духами, приделалась по последнему слову моды. Недостатка в клиентах не было, и спустя

некоторое время она сняла комнатку в центре. В целом можно было бы сказать, что её жизнь налаживалась, если бы не Илья.

А вот с Илюшкой, которого она повсюду таскала с собой, сразу всё пошло наперекосяк. Господин Покровский – тот самый благодетель, случайно встретившийся им на пути, поселил их с Илюшкой в барак, где в одном большом помещении уже жили несколько женщин. Трое из них, как и Верка, были с детьми. Когда Верка сумела снять собственный угол, Илюшка, естественно, отправился с ней. Частенько, когда Верка «брала работу на дом», Илюшке приходилось коротать ночи напролёт где-нибудь в подворотнях. В такие дни он частенько наведывался на вокзал, где и познакомился с местными воришками. Ему нашлось место в загородном домике, где был воровской притон, и Илюшка съехал от сестры.

У парня вдруг, откуда ни возьмись, прорезался настоящий талант. Он довольно быстро научился таскать у прохожих разную мелочь, частенько попадались и более-менее ценные вещи. Илюшка заимел авторитет. Однако тут снова начались неприятности. Как-то раз в фойе кинотеатра Илюшка собирался вытащить часы с цепочкой у одного довольно внушительного вида мужчины с подкрученными усами. Здоровяк оказался человеком внимательным, он ловко перехватил Илюшкину руку и вывернул так, что разоблачённый воришка заорал как резаный. Не отпуская руки воришки, мужчина вывел Илюшку из кинотеатра и стал звать милиционеров. Илюшка улучшил момент, двинул усачу коленом в пах и попытался вырваться. Кто же знал, что усатый окажется чемпионом по борьбе. Озлобленный, он с искривлённым болью лицом так крутанул Илюшкину руку, что кости захрустели. От боли неудачливый воришка потерял сознание и очнулся уже в отделении. Был суд, прокурор просил год, судья дал полгода, но отсидел Илья Карасёв в общей сложности почти десятку.

Верка не забывала о брате и регулярно его навещала. Илья вечно просил денег, ныл и жаловался на горькую судьбу. В тюрьме, пристрастившись к игре, Илюшка крупно проигрался. Денег расплатиться не было, и жизнь Илюшки висела на волоске.

– Ну что, Карась? Так понимаю, что денег у тебя нет! – сказал смотрящий по зоне по кличке Захар, подойдя к Илюхе на прогулке.

Илья стоял не жив ни мёртв, трясаясь и путаясь в словах.

– Я отдам! Обязательно отдам, дайте только срок. Сестра должна прислать. Она всегда присылала.

– Закрой рот, сямка, и слушай сюда, – Захар понизил голос до шёпота. – Про свою сестру ты нам трындишь уже вторую неделю, а казны с тех пор у тебя так и не прибавилось.

– Я отдам, гадом буду, отдам.

– Говорю же, вякалку захлопни и слушай сюда! Видишь вон того очкарика? – Захар глазами указал на стоявшего в сторонке долговязого мужика с приоткрытым ртом и обвислыми щеками.

– Вижу, Захар! Что нужно-то?

– Хочешь жизнь сохранить, станешь «торпедой»<sup>[32]</sup>. Усекаешь, Карась, о чём я толкую?

Илюха побледнел ещё больше и замотал головой.

– Его что, убить нужно...

– Тише, чудила, тут уши кругом, а вон тот вертухай только на нас и зырит.

– Так до него же далеко? Не может он нас слышать!

– А вдруг он по губам умеет читать, ты об этом не подумал? – процедил Захар, практически не шевеля губами.

Илюха рефлекторно прикрыл рот ладонью. В этот момент Захар что-то сунул Илюхе в карман. Илья тут же засунул руку и ощутил завёрнутую в тряпку железку.

– Не доставай, – продолжил Захар. – Шило чистое, все отпечатки с него стёрты. На следующей прогулке затеешь с очкариком ссору и на глазах у всех воткнёшь под ребро...

– Но ведь меня тогда... – Илья снов прикрыл рукой рот.

– Выбирай, – ухмыльнулся смотрящий. – Его жизнь, или твоя?

– А за что хоть его?

– Какая тебе разница? Заказ на него с воли пришёл. Помешал он кому-то, так что считай, что деньги, за него плаченные, твой долг с лихвой и погасят. Решай.

На следующей прогулке Илюха, зажав в кармане шило, подошёл к приговорённому и, не придумав ничего лучшего, плюнул ему в лицо. Очкарик поначалу остоленел, а потом схватил Илюху за грудки. В этот же момент он получил в живот стальное шило и рухнул к Илюшкиным ногам. Так Илюха стал убийцей и получил свою десятку.

После второго суда Илюху перевели на другую зону в Великие Луки. Верка, не имея больше возможности навещать брата, писала ему письма, но он не отвечал. Вышел Илюшка из тюрьмы уже бывалым.

Мелкий жулик Фима Шершень, с которым они сдружились в лагере, говорил Илье, что его матушка преставилась, завещав ему домик в Печорах. Пока они отбывали срок, Фима рассказал корешу про бесценную икону, которая хранится в стенах Псково-Печорского монастыря, говорил, что если её продать, можно обеспечить себя на всю жизнь. Кость, сломанная усатым чемпионом, срослась неправильно, и с тех пор Илюшка больше не мог шарить по карманам, а работать он не собирался. Помня про икону, о которой ему столько раз рассказывал Шершень, Илья направился поближе к родным местам. Про сестру, оставшуюся в переименованном за время его отсидки в Ленинград Петрограде, он тогда и не вспоминал.

Приехав в Печоры, Илья отыскал домик Шершня, который вышел ровно за неделю до него.

– Здорово, Карась! Откинулся? – на худощавом лице Фимы промелькнула улыбка. – Рад, очень рад, а к нам на кой ляд припёрся?

– Что ты там про какую-то икону толковал? – вместо ответа на приветствие начал Илья прямо не сходя с порога. Шершень только развёл руками:

– Так не выйдет ничего с иконой! Тю-тю наша мечта, сгорела при пожаре.

Илья выругался, стукнул в стенку кулаком.

– Послушал тебя, пустозвона, припёрся сюда, и что теперь?

– Так ты заходи! Отдохни, я ж тебе рад! Я ж не гоню! Ты ж вроде бы как не хотел в клюквенники<sup>[33]</sup> перекрашиваться.

– Хотел, не хотел! Передумал я, и что теперь?

– Так что ж, на этой иконе свет клином сошёлся? Сейчас по маленькой бахнем, о делах наших скорбных покалякаем, глядишь, и придумаем, как дела наши поправить...

Спустя неделю они с Фимой взломали замок на продовольственной базе и хотели вынести несколько мешков с мукой, но нарвались на сторожа. Получив в голову заряд дроби, Шершень был убит наповал, а Илюха еле унёс ноги.



Не решившись больше идти в дом Шершня, неудачливый воришка собрал последнюю мелочь и отбил телеграмму сестре.

\* \* \*

– Хочешь свалить, плати отступные! – невозмутимо потребовала хозяйка борделя мадам Катрин, когда Верка сообщила, что ей срочно нужно навестить брата.

– Я же не насовсем? – опешила Верка.

– Все вы так говорите! А потом ищи вас свищи. У меня на тебя уже трое клиентов записаны, – продолжала возмущаться пожилая бандерша с родинкой на левой щеке. – Я своей репутацией дорожу. Раз обещала, значит исполню. А если ты свинтишь, кто мне убытки возместит? Нет уж, дорогуша, если хочешь уехать, то прими всех троих, а потом плати тридцать тысяч в качестве залога и езжай хоть к чёрту на рога.

*30 тысяч!!! Это же почти всё, что Верка сумела накопить за эти годы.*

Она судорожно размышляла. С двадцать девятого года отношение власти к жрицам любви резко поменялось. Жрицы любви снова ушли на нелегальное положение. Несколько Веркиных подруг даже угодили в специальные профилактории, созданные властями с целью перевоспитания «падших» женщин. «А пропади оно всё пропадом, – решила Верка, – что-нибудь придумаю!»

– На какой день назначены встречи, про которые вы говорите, мадам Катрин? – спросила Верка, понимая, что истосковалась по брату, единственному родному человеку, оставшемуся у неё на этом свете.

Бандерша достала толстую тетрадь и, нацепив очки, назвала сроки:

– Мишель сегодня, завтра явится Серж, а на четверг ещё какой-то поляк записан.

– Хорошо, – ответила Верка, убедившись, что все трое придут на этой неделе. – Я встречусь со всеми, а потом внесу залог.

Вечером она собрала чемоданы, забрала все свои сбережения и уехала, зная, что теперь в Северную столицу для неё путь закрыт.

Отыскав непутёвого родственничка, Верка сняла им обоим квартирку на окраине Печор и вернулась к своему привычному ремеслу, предлагая себя всем желающим прямо на улицах города.

**Глава третья,**  
***в которой Андрес Садовод расскажет о том,***  
***что случилось с Веркой и её братцем спустя***  
***десять лет после выхода Илюхи из тюрьмы***

*г. Печоры, весна 1941 г.*

В прокуренную пельменную на перекрёстке Бутырской и Мира, где из алкоголя подавали только разбавленное пиво, посетители обычно приходили со своей «беленькой». Сегодня здесь были заняты лишь два столика, за одним из них сидело четверо покрасневшихся мужиков. Они то и дело подливали в пиво «Столичную», жевали остывшие пельмени, прикусывая сухой «чернягой» и довольно бурно о чём-то спорили. Пятый посетитель, худощавый мужчина тридцати с небольшим, сидел за самым дальним столом и нервно курил «Беломор». Бледное лицо, синяк под левым глазом, на запястье наколота змея, обвивающая меч. На столе перед ним помимо солонки, которую он использовал в качестве пепельницы, стояла одна-единственная кружка с местным желтоватым пойлом и выдавшая виды пожелтевшая тарань.

Когда кружка у худощавого опустела, худая трактирщица с ярко накрашенным ртом и растрёпанными волосами подошла к одинокому посетителю и сухо поинтересовалась, не стоит ли повторить. Худощавый помотал головой, загасил окурок, и с жалким видом положил на стол замызганную трёшку. Он, видимо, собирался было уже уходить, но тут дверь заведения отворилась и на пороге показалась светловолосая женщина в шляпке и плаще.

Новая посетительница произвела в пельменной настоящий фурор. Вроде бы и не красавица, но блондинка явно не вписывалась в местный колорит. На вид не больше тридцати, хотя морщинки на руках и шее говорили, что свой настоящий возраст она скрывает лишь благодаря умелому макияжу. Сдвинутые брови и плотно сжатые губы говорили о том, что она крайне чем-то возмущена... или обеспокоена. Увидав подобную красавицу в этой дыре, местные выпивохи, попившие «ерша», тут же замолчали и воспряли духом, но женщина

оглядела зал и уверенно направилась к забившемуся в уголок худощавому мужчине.

Отпустив какую-то, по всей видимости, похабную шутку, мужики громко захохотали, погоготали и, поняв, что им ничего не светит, вернулись к своим незатейливым пьяным беседам.

– Снова проигрался? – строго спросила блондинка, подсев к мужчине со змеёй на руке.

Её вопрос был скорее похож на утверждение. Она слегка морщилась от дыма, поджимала губы и время от времени прижимала к ноздрям надушенный кружевной платок. Худощавый, увидев блондинку, тут же пришёл в себя и расправил плечи:

– Верунчик! Какая неожиданная встреча!

– Хватит скалиться! У... рожа, смотреть на тебя тошно.

Худощавый насупился и заявил приказным тоном:

– Пиво ещё возьми!

Женщина хлопнула по столу и сухо процедила:

– Ты что, даже на пиво себе не оставил? Я же только что тебе дала пять тысяч, где они?

Худощавый глупо хихикнул и развёл руками. Женщина покачала головой, потом достала пачку «Герцеговины Флор» и, закурив, положила её на стол.

– Дайте ещё кружку! – приказала она трактирщице, даже не удостоив её взглядом.

Ноздри у трактирщицы вздулись, она что-то буркнула себе под нос и стала наливать пиво.

Когда кружка оказалась на столе, блондинка в шляпке, поморщившись, подвинула её своему собеседнику.

– Совсем опустился, Илюшенька! Как можно это пить?

– Когда в карманах пусто, сойдёт и это пойло, – бесцеремонно вынув из лежавшей на столе пачки папиросу, худощавый тоже закурил. – Ну что, одолжишь мне ещё денег? И не смотри на меня так! Да... я проигрался, но обязательно отыграюсь и верну тебе всё! Век воли не видать!

Женщина отшатнулась, её и без того огромные глаза округлились, она рассмеялась.

– Не смехи мои тапки, а то подмётки оторвутся! Кто харю начистил? Кредиторы?

– Упал! – худощавый невольно коснулся пальцами синяка. – Лампочка в коридоре перегорела, вот я и ударился о косяк.

– Смотри, как бы этот косяк сам к тебе не пришёл! Карточные долги вещь серьёзная, тебе ли не знать. Не вернёшь долг, могут и на перо посадить.

Худощавый пренебрежительно отмахнулся.

– Не полезут они ко мне. Все знают, что ты под Хмурым ходишь, ну а где я, там и ты. Ну а проигрался я какому-то фраеру с Плющихи, с три короба ему наплёл, заверил, что рассчитаюсь, и свалил, а этот чудила поверил...

– После того как «вывеску» тебе рихтанул, или до того? Может хватит уже вести себя как сопливый пацан? Занялся бы лучше делом, потому что денег я тебе больше не дам!

– Ой ли! Сколько раз мы уже это слышали.

– Не дам! – блондинка понизила голос. – Не дам, потому что сама теперь на мели.

Худощавый насторожился, но тут же сально улыбнулся и откинулся назад.

– Неужели твой печатный станок, Верочка, так поизносился, что на твои прелести спрос упал? – худощавый гыкнул и отхлебнул пива. – Не пугай меня, ты у нас ещё в самом соку, а значит, и денежки у нас будут, не сегодня, так на днях. Тут у меня один фраерок тобой интересовался, спрашивал, что да как...

– Не заткнёшься, я тебе сама под второй глаз фонарь нарисую, – сквозь зубы процедила блондинка. – А по поводу станка, всё!.. ушла я от Хмурого. Надоело за гроши ноги раздвигать, хочу по-крупному сыграть, так чтобы раз – и в дамки.

Мужчина чуть не упал со стула.

– С ума сошла? Хмурый тебя просто так не отпустит! Ножичком по горлу и в канаву. Ой, – заскулил он визгливо. – Он же и меня кончит, после того как тебя порешит. Я ведь и у него одалживался...

– Что? – блондинка схватила мужчину за рукав. – Совсем рехнулся, сучонок? Ну и дела. Когда Хмурому долг вернуть обещал?

– Так в пятницу...

– В пятницу это хорошо... – женщина пригнулась. – Значит, до пятницы нужно дело сделать, а потом в бега...

– Вера! Верочка моя... Верунчик, – худощавый повысил голос, он едва не плакал. – Ты что ж такое удумала у меня? Да как же так...

– Уймись, – процедила блондинка, – на нас уже косятся. – Сидевшие за соседним столом, услышав завывания худощавого, и впрямь стали на них коситься. – Слушай меня, друг мой разлюбезный! Слушай и не перебивай, если жизнь дорога. Появился у меня клиент... – женщина усмехнулась, – не совсем обычный. Поведал он мне одну историю по большому секрету. Поведал не просто так, а потому что влюбился в меня по уши, дуралей. Влюбился до умопомрачения, и теперь на такое готов... Ладно, допивай своё пиво, и пошли отсюда. Покажу тебе этого влюблённого, только, увидав его, сознания не теряй. Пошли.

Блондинка встала, бросила на стойку банкноту и двинулась к выходу. Мужчина с наколкой змеи на руке поплёлся следом.

\* \* \*

О своей уютной квартирке в Ленинграде Верка давно уже и не вспоминала. Здесь всё было скромно, но за порядком она следила. Илюшка же, лишь только вошёл, тут же затоптал пол в коридоре. Верка промолчала и включила свет.

– Вспомни, зачем ты сюда приехал! – довольно резко приказала она.

В чёрном подряснике и помятой суконной скуфье он сидел на краю кровати, и тут же поднялся, как только Карась и Верка вошли в комнату. Лет двадцати двух или двадцати трёх, среднего роста, глазастый. Чёрная реденькая кудель покрывает подбородок и щёки.

– Это и есть твой клиент, тот, о котором ты говорила в пельменной? – Карась отпрянул, всё ещё не веря своим глазам.

Верка ткнула брата в бок и сказала гневным голосом:

– Это не клиент! Это Савелий, он мой наречённый!

– Чего? – Илюшка так и прыснул со смеху.

– Не веди себя как идиот! Так ты вспомнил, зачем сюда приехал? – повторила свой вопрос Верка.

– Куда сюда? – не понял Карась.

– В Печоры, чёрт тебя раздери! Куда же ещё? Зачем ты попёрся в эту глухомань, когда мог бы поехать ко мне в Ленинград? Ну же...

Карась словно очнулся и уставился на сестру.

– Я поехал к Шершню, потому что он сказал...

– Он рассказывал об иконе, которую можно продать за огромные деньги! Так?

– Так, но... Икона ведь сгорела. Так Шершень сказал...

– Икона не сгорела, – тихим, но довольно уверенным голосом заявил монах.

Илюха поморщился.

– Откуда знаешь? Где ты вообще откопала этого козлобородого? Гони его к чёрту, пока я ему шею не свернул.

– Заткнись! – Верка отвесила брату увесистую оплеуху.

– Кончай граблями размахивать! Ещё раз прикоснёшься ко мне... – Заорал Илюшка, надув щёки.

– И что? Что ты мне сделаешь? – в глазах женщины просматривалось презрение.

– Уйду! Вот что.

– Никуда ты не уйдёшь, потому что некуда тебе идти! Поэтому садись и слушай, что мы будем делать. Савелий, рассказывай!

Монашек сладенько улыбнулся Верке и заговорил...

\* \* \*

Андрес Янович на некоторое время замолчал, набил очередную трубку, но не стал раскуривать, а положил на стол. Он выглядел таким величественным, что ни Настя, ни Веня не решались больше его перебивать. Андрес Янович пожевал мундштук своей трубки и как бы нехотя продолжил:

– Я не стану останавливаться на том, как Верка познакомилась с молодым монахом, и тот влюбился в неё и потерял голову. Савелий был одним из многих, кто, помимо архимандрита Феофана, знал про то, что икона не сгорела, и рассказал о ней Верке. Та, продажная красотка, лучшее время которой уже давно прошло, сразу же вспомнила о плане Фимы Шершня.

Утомлённая выходками своего бесшабашного брата, который последние годы так и сидел у неё на шее, она решила одним разом всё изменить. Теперь, когда одурманенный Веркиными чарами Савелий готов был пойти на святотатство и бежать с ней из обители, выкрасть икону, по мнению Верки, было плёвым делом. Она оказалась права, и у них всё получилось. Не особо доверяя криминальным способностям Карася, Верка сама продумала все детали. Они собирались вывезти икону через границу, но Верка не учла одного. Она не рассчитывала, что архимандрит Феофан обратится за помощью к самому Архимеду.

Иннокентий Иванович был болен, стар и мечтал только об одном – отойти от дел и обрести покой. Перед смертью, измученный недугами, он обратился к Богу, и не смог отказать удручённому горькой утратой архимандриту.

Архимед собрал сходняк. Верка и беглый монах Савелий не относились к «порядочным» ворам. Они не вносили долю в общак, и были по всем понятиям обычными фраерами.

– Такими же, как и вы? – не удержавшись, впервые за весь рассказ вмешался Веня.

Садовод ухмыльнулся, на мгновение задумался и с деланной уверенностью ответил:

– Да! Такими же, как я! Что же касается Карася... его отсидка тоже не давала ему особых прав. К тому же, как вы, возможно, знаете, клюквенники считаются самой презренной кастой среди воров. Архимед что-то там говорил о почтении к родителям, говоря, что красть у Бога всё равно что красть у собственного отца. Одним словом, применив всё своё красноречие, старик сумел убедить воров, и сходняк порешил, что икону нужно вернуть.

Всю троицу вычислили быстро, но Верка, монах и Карась, узнав, что их ищут, тут же затаились. Отдавать икону они, разумеется, не захотели, понимая, что сильно при этом рискуют.

Ну а теперь, пожалуй, пришло время рассказать вам о двух приятелях Жиле и Мартыне. Эти двое когда-то входили в банду легендарного Мухи. После того как Белку и большинство его людей порешили питерские энкавэдэшники, Мартыну и Жиле удалось спасти свои шкуры, и они заявили в Печоры. Бывшие налётчики пришли к Архимеду, и тот любезно дал им пристанище и покровительство. После того как был ограблен монастырь, именно эти двое стали



главными участниками всей этой безумной круговерти событий, связанных с поисками этой злосчастной иконы.

Несмотря на то что пришлые Жила и Мартын были его земляками, Архимед, когда-то сам слывший высококлассным медвежатником, не особо почитал мокрушников. Банда Мухи в своё время стреляла без разбору, поэтому наши органы правопорядка расправились с ней по-свойски. Только трое из девяти бандитов, попавших в облаву, выжили после того, как их накрыли питерские милиционеры. Мартыну и Жиле повезло, в день облавы их не было в городе. У питерских в своё время были мысли, что именно эти двое и навели на Муху ментов... Ой, простите, – поправился Андрес Янович, – милиционеров! Ходили слухи, что Муха якобы обделил Мартына при дележе добычи, и тот затаил обиду. Репутация у обоих была слегка подмочена, но прямых улик не было, поэтому печорские приняли Мартына с Жилой как подобает. Им дали возможность реабилитироваться, и дали шанс, но вот распорядились они им не совсем правильно.

\* \* \*

Выйдя на улицу, он огляделся. Прохожих было немного, и Карась, кутаясь в мохеровый шарф, направился вдоль набережной. Путь до гастронома лежал через арку, и лишь миновав её, мужчина почувствовал некоторое облегчение. Верка строго-настрого запретила им с Савелием выходить из дома, но после вчерашней попойки «трубы» горели так, что Карась всё-таки решил нарушить этот запрет. Буркнув «Я скоро!», Карась спустился по лестнице и вышел во двор. На самых подступах к гастроному он впервые почувствовал неладное. Достав руку из кармана и утерев сухие губы, Карась увидел, как дрожат его пальцы. «Это всё из-за похмелья», – убеждал он сам себя. Ещё раз оглядевшись, Карась отругал себя за чрезмерную суетливость и зашёл в магазин.

Посетителей в магазине было не так уж и много. Помимо самого Карася в очереди стояли несколько скрюченных забулдыг, тощая старушенция с клюшкой и полноватый мужик в шляпе. С тонкими

усиками, с приоткрытым ртом, он забавно вытягивал шею и водил по прилавкам пальцем.

Карась попросил две бутылки «Столичной», сырок и каталку ливерной колбасы. Бросив на прилавок две пожеванных купюры, Карась собирался было уже уходить, но тут через стекло витрины вдруг увидел прогуливающегося у гастронома высокого мужчину в чёрном пальто. Капля пота холодной дорожкой прокатилась между лопаток. Подозрительный мужчина держал руки в карманах и не спеша прохаживался перед самым выходом. Карась замер у дверей, и в этот момент почувствовал, как кто-то тихонько толкнул его в спину.

– Выходи! Не задерживай страждущих, – раздалось за спиной.

Карась сглотнул и через плечо увидел возле себя того самого толстячка в шляпе.

– Это вы мне? – выдавив из себя улыбку, спросил Карась.

– Тебе, тебе! Топай и не загораживай проход, – у толстяка был довольно визгливый голосок, он часто-часто моргал и постоянно выдвигал вперёд челюсть.

– Пожалуйста, проходите, – процедил Карась. – Я только вспомнил, что забыл купить курево.

Карась хотел было отойти в сторону, но тут что-то твёрдое упёрлось ему в бок.

– Выходи на свежий воздух! Не заставляй меня всё повторять дважды.

Карась от волнения икнул.

– Это пистолет?

– Наган – лучшее оружие нашей эпохи! Моя любимая игрушка! – делано заявил толстяк. – Пошевеливайся, фраер, есть у нас с приятелем к тебе один разговор.

Карась посмотрел в окно. Мужчина в пальто всё так же держал руки в карманах, только теперь уже не делал вид, что просто гуляет. Взгляд незнакомца не сулил ничего хорошего. Скуластый, широкоплечий, он нервно покусывал губы и то и дело сплёвывал на тротуар.

– Я не фраер! У меня два срока за плечами, – изо всех сил сдерживая дрожь в голосе, заявил Карась.

Толстяк оскалился и хмыкнул:

– А мне до фонаря все твои ходки, фраер. Шагай на выход, не то дырку проделаю.

Карась огляделся и, убедившись, что и продавщица, и остальные покупатели заняты своими делами и даже не смотрят в их сторону, покорно поплёлся на выход.

Они вышли, и Толстяк приказал своему долговязому приятелю поймать пролётку. Они проехали не меньше получаса, пока не подъехали к старому двухэтажному барaku, очевидно ещё эстонской постройки, и вошли на верхний этаж. Войдя в одну из комнат, толстяк указал Карасю на табурет и уселся напротив. Долговязый, которого толстяк постоянно называл Жилой, занял место у входа и положил на тумбочку девятимиллиметровый «Люгер».

– Ты Карась, и тебя ищут местные воры, так? – вполне любезным тоном проворковал толстяк.

– Возможно, – процедил пленник, косясь на пистолет.

– Жила, убери ствол! Не видишь, что наш гость и без того нервничает.

Долговязый убрал пистолет в карман, но Карасю легче от этого не стало.

– Вы люди Архимеда? – спросил Карась.

Толстяк закурил, протянул пачку пленнику, но Карась, не желая, чтобы собеседник увидел его трясущиеся пальцы, отказался. Толстяк сел и продолжил:

– Я Мартын. Мы с Жилой работали на Муху.

– Муху и его людей порешили менты, – проявил осведомлённость Карась.

– Не всех, – уточнил толстяк. – Мы живы и на свободе, как видишь, и недавно присоединились к местным, и не особо этим довольны. Мы из питерских, и не особо расположены к тому, чтобы прогибаться под какими-то провинциальными, никому не известными каторжанами. Поэтому, если мы договоримся, возможно, я не отдам тебя Архимеду.

Карась оживился и с жадностью уставился на пачку, которую толстяк бросил на стол.

– Кури, – усмехнулся толстяк.

Карась протянул руку, схватил папиросы и чиркнул спичкой.

– Мы знаем, что ты и твои дружки украли в монастыре не только безделушки, о которых монахи сообщили мусорам, – продолжал толстяк. – У меня есть связи с контрабандистами, я знаю, как переправить икону за рубеж и смогу найти для неё достойного покупателя. Сейчас ты нам скажешь, где икона, и мы с приятелем получаем свою долю добычи.

– Нас трое, вы вдвоём – всего пятеро. Если я скажу, где икона, то каждый получает пятую долю, так?

– Подумай, Карась, как тебе повезло, что я тебя нашёл, а не кто-нибудь из других людей Архимеда. Попадись ты им, тебе пришлось бы вернуть икону в монастырь, а со мной ты получишь полную долю после того, как икона будет продана. Это очень хорошее предложение, так что решайся быстрее.

– Я должен посоветоваться со своими корешами, – немного освоившись, заявил Карась.

– Кого ты называешь корешами, фраерок? Свою шлюху-сестру и её приятеля в рясе? – толстяк рассмеялся и тут же изменился в лице: его глаза сузились, щёки начали лосниться и краснеть.

– Боюсь, что не могу тебе этого позволить, фраер! – услышав, как изменился тон толстяка, долговязый снова достал из кармана «Люгер» и положил его на колени. – Я сделал тебе предложение! Ты либо его примешь, либо...

– Вы не станете отдавать меня Архимеду, если я не приму ваших условий? Я правильно вас понял? Вы меня убьёте?

Толстяк щёлкнул пальцами, и Жила, убрав ствол, достал из голенища сапога узкий финский нож армейского образца.

– Однажды, еще в самом начале тридцатых, мы с Жилой прижали одного нэпмана, – как бы между прочим заявил толстяк. – Он припрятал кое-какое добро и не желал в этом признаваться, хотя мы прекрасно знали, что фраер гонит нам пургу. Жила начал его резать и содрал кожу с лица. Нэпман тут же рассказал всё. Мы нашли рыжью и камешки, которые он припрятал, а фраер остался без щеки и половины носа.

Толстяк визгливо захихикал, Карась почувствовал резь в животе и вытер вспотевший лоб.

– Я всё понял и согласен на ваши условия. Я покажу вам, где мы храним икону, и мы всё поделим поровну.

**Глава четвёртая,**  
***в которой Андрес Янович завершит свой***  
***рассказ и познакомит псковских оперативников***  
***ещё с одним участником трагических событий***

Придя домой и узнав, что Илья пропал, она весь вечер не находила себе места, много курила и ругала брата сквозь стиснутые зубы.

– Кто там? – спросила Верка, когда в дверь постучали.

– Это я! Открой!

Услышав знакомый голос, Верка вздохнула с облегчением, но лишь только рука, собиравшаяся отворить задвижку, коснулась холодного металла, Верка застыла в дурном предчувствии.

– Ты один?

– Один! Открывай, я жрать хочу.

Когда вслед за Карасём в комнату ввалились толстяк в шляпе и верзила с каменным лицом, Верка процедила сквозь зубы:

– Я вижу, ты привёл гостей! Боюсь, что их визит стал для меня сюрпризом. Мне определённо нечем их угощать.

Данная реакция Верки рассмешила толстяка.

– О, не стоит беспокоиться! – елейно заявил бандит и замахал руками. – Мы сыты и не станем вас объедать. Предлагать выпить стаканчик нам тоже не нужно.

– Если вам это не нужно, то мне уж точно не мешает. – Карась с покрасневшимся лицом прошёл на кухню. Он достал из принесённой авоськи бутылку, налил себе полный стакан и опрокинул его, не закусывая. Он закурил и процедил слегка осипшим голосом:

– Они всё знают! Про икону, про всех нас, и, возможно, это нам кстати.

– Что? – воскликнула Верка.

– Это люди Архимеда! Они вычислили меня, и теперь мы должны взять их в долю.

– Взять в долю? С какой это стати?

– Вы не совсем врубаетесь в ситуацию, сударыня! – всё ещё слащавым голоском продолжал толстяк. – Вы в полном дерьме. Вас ищет не только милиция, но и мой приятель Архимед. Шансов выбраться из города с иконой без посторонней помощи у вас нет. Я же, за долю в добыче, готов вам эту помощь предоставить.

– Эти люди могут помочь нам вывезти икону за границу и помочь с её реализацией, – Карась загасил папиросу, махнул ещё полстакана и, отрезав кусок колбасы, набросился на неё.

Савелий, стоя в сторонке, спокойно наблюдал за происходящим.

– И сколько же я должна им отвалить за их так называемую помощь? – спросила Верка.

– Делим куш на пятерых. Каждому равная доля. Согласись, это лучше, чем потерять всё.

Верка рассмеялась:

– Ты идиот! Эти двое переколят нас как гусят, как только я скажу им, где икона.

– Неужели икона не в этой квартире? – как бы между прочим спросил толстяк. – Не думаю, что вы стали бы класть её в тайник. Судя по всему, вы ещё до нашего визита знали, что вас ищут люди Кеши Архимеда, а значит, любое шастанье по городу для вас чревато последствиями. Икона здесь! В этой квартире, и я желаю её видеть!

Толстяк щёлкнул пальцем дважды и достал наган. Долговязый, как дрессированный пудель, по щелчку тоже достал свой пистолет и приставил его к виску всё ещё смирно сидящего Савелия.

– Верка! – закричал Карась, едва не поперхнувшись колбасой. – Ты с ума сошла? Не нужно злить этих людей, лучше довериться им, тогда мы хоть что-то получим, а это лучше чем ничего.

– Да подавитесь же вы все! Вам нужна икона, получайте! – женщина рванулась к шкафу, распахнула её и достала обёрнутый сукном и перевязанный верёвкой свёрток.

Когда Верка бросила свёрток на постель, толстяк рванулся к кровати, сунул за пояс наган и руками разорвал бечевку. Он не успел увидеть икону, потому что как только он попытался сорвать с иконы сукно, в руках Верки словно по волшебству сверкнула сталь. Грохнул выстрел, затем второй...

Первая пуля угодила долговязому в грудь, вторая же попала прямо в лоб. Следующий выстрел предназначался толстяку, но тот, несмотря

на видимую неуклюжесть, проявил чудеса проворства. Он прикрылся иконой, Верка замешкалась, и очередная пуля, просвистев у самого виска толстяка, угодила в стену. Верка шагнула вперёд, но толстяк уже выхватил наган и тоже начал стрельбу. Взвывший от страха Карась забился в угол и орал что есть мочи. Толстяк навёл наган на Верку и в очередной раз нажал на спусковой крючок. Он наверняка бы попал, но в самый последний момент Савелий, излучавший на протяжении всего вечера чудеса невозмутимости, рванулся вперёд и толкнул толстяка плечом. Когда грохнул следующий выстрел, забившийся в уголке Карась завизжал и начал биться в судорогах. Толстяк упал, зацепившись ногой за кровать. Воспользовавшись тем, что толстяк упал, Верка бросилась к нему и в упор расстреляла в бандита все оставшиеся в её пистолете патроны.

О том, что их ищут воры, Верке поведал заведующий производством местной мебельной фабрики «Берёзка» Сима Гольдберг. Именно этот человек, этот пухлощёкий носастый старикашка, с которым Верка частенько проводила время и от которого получала стабильный доход, помог женщине найти снятое ею накануне ограбления жилище. Так как Верка ублажала Гольдберга не только физически, но и морально, старый еврей испытывал к женщине самую искреннюю симпатию. Гольдберг регулярно жаловался Верке на свою сварливую жёнушку, которая не давала бедолаге покоя, пилила его за всякую ерунду и всё время требовала денег. Несмотря на то что Верка удовлетворяла естество похотливого старикана по полной, Гольдберг частенько называл Верку доченькой, временами же, уткнувшись лицом, рыдал у неё на груди как малый капризный ребёнок.

После того как они сделали дело и завладели иконой, Верка решила, несмотря на то что обещала Савелию завязать, срубить напоследок деньжат. Как ни парадоксально, именно это их и спасло. Заявившись к Гольдбергу и выслушав очередную тираду о том, как ему достаётся от жены, Верка узнала неприятную для себя новость. Совершенно случайно она услышала от старого еврея, что воров, ограбивших Псково-Печорский монастырь, ищут люди Кеши Архимеда. Верка ужаснулась.

Подробности узнавать от Гольдберга Верка не решилась. Когда Верка вернулась к своим поделщикам, она сообщила обоим ужасную

весть и запретила Савелию и Карасю выходить на улицу. После этого она взяла все свои оставшиеся сбережения и через другого своего приятеля приобрела карманный браунинг и коробку патронов для него.

Когда с толстяком было покончено, Верка подбежала к брату, опустилась на колени и попыталась сжать рану рукой. Пуля угодила в живот. Карась дрожал, на улице раздавались крики и женский визг. Савелий подошёл к окну и слегка отодвинул шторы.

– Скоро здесь будет милиция. Если мы хотим, чтобы нас не поймали, нужно уходить сейчас, – сказал монах.

– Я его не брошу! – сквозь яростное рыдание процедила Верка.

Карась попытался встать, но не смог, Савелий протянул Верке полотенце.

– Зажми этим рану, это остановит кровь. Больше ты ему уже ничем не поможешь. Скоро здесь будут медики и милиция. Мы должны уходить, а за него мы вместе помолимся.

– К чёрту твои молитвы!

Карась приподнял голову и, наверное, впервые в своей жизни поступил по-мужски.

– Пистолет, – прошептал он.

– Что пистолет?

– Дай мне свой пистолет.

Савелий тут же поднял Веркин браунинг, протёр его полотенцем и всунул Карасю в руку. После этого монах прижал рану и поднялся.

– Пойдём, – Савелий поднял с пола икону и потянул Верку за руку.

– Нет! Так нельзя! Нельзя же...

– Мы помолимся за него потом, а сейчас нужно уходить.

И Верка, сглатывая слёзы, вслед за Савелием двинулась к выходу.

\* \* \*

Андрес Янович снова прервал рассказ и попросил жену сделать ему чая. Он пил долго, всё время молчал и о чём-то думал. Настя и Веня тихонько сидели и ждали, что будет дальше. Наконец Веня не выдержал.

– Это вся история?



– Почти, – ответил Андрес Янович.

– Хорошо, но напрашивается вопрос: откуда вы всё это узнали?

– Через два дня тело Верки нашли на пустыре в Борисовичах. Кто-то задушил её, и эту смерть никак не связали с ограблением монастыря. Милиция посчитала, что убийца – один из Веркиных клиентов, его так и не нашли. Так как Карася, Жилу и Мартына нашли совсем в другом месте, и именно при них нашли украденные в монастыре ценности, в ограблении монастыря обвинили именно их троих. Был суд, Карась признался в краже из монастыря и получил новый срок. Уже в камере, когда ему сообщили, что Верка мертва, Карась рассказал свою историю одному из своих сокамерников. Это был человек Архимеда, поэтому, когда он вышел из тюрьмы, то поведал эту историю мне.

– Получается, Савелий убил Верку и забрал икону себе? – спросила Настя.

– Савелий был влюблён в Верку, если он и убил её, то сделал он это явно не из-за иконы.

– Почему вы так думаете?

Андрей Янович поднялся, спустился в свой сад и, уже стоя среди гибискусов, спросил:

– Вы ведь приехали сюда на машине? Не желаете немного прокатиться?

– Если это нужно для дела, то разумеется: поедем, куда скажете, – сказала Настя.

Уже смеркалось, но доехали быстро. Саня Зорин задремал на переднем сиденье, Михалыч на этот раз тоже молчал и лишь изредка поглядывал на Садовода в заднее зеркало. Когда показались башни кремля, Саня тут же проснулся.

Белокаменные стены, высокие башни и маковки церквей – монастырь был больше похож на крепость, нежели на место обитания смиренных иноков. Они проехали к проездным воротам и остановились. Садовод подошёл к воротам и громко постучал. Двери отворились лишь спустя полчаса, как объяснил Андрес Янович, придётся подождать окончания вечерней службы.

Архимандрит Феофан оказался крепким чернобородым мужчиной лет пятидесяти. Он был широкоплеч, но не грузен. В его волосах местами пробивалась седина, его лицо казалось немного отрешённым

и чем-то походило на маску. Андрес Янович поклонился священнику и поцеловал ему руку.

– Вы, скорее всего, не причисляете себя к людям верующим, но я исповедую православие, – пояснил Садовод Насте и обратился, на этот раз уже к настоятелю. – Ваше преподобие, мои друзья интересуются судьбой пропавшей иконы и хотят видеть последнего, кто держал её в руках.

Настоятель подошёл к двери, позвал кого-то рукой и что-то прошептал. Он вернулся к гостям и ровным голосом изрёк:

– Чем же вызван ваш интерес, дети мои, к нашей бесценной святыне?

– Наш новый друг рассказал нам историю, согласно которой икону похитил один из ваших монахов, – сказала Настя. – Мы хотели бы знать, куда он мог её подевать.

– Икона утрачена, дети мои, и я боюсь, что на этот раз уже навсегда. А вот и тот, о ком вы говорили. – Дверь распахнулась, и в комнату вошёл скрюченный мужчина в монашеском одеянии. – Савелий, подойди! Не бойся, эти люди не причинят тебе вреда.

Покорно покачивая головой, вошедший приблизился на пару шагов и остановился. Его глаза казались опустошёнными и смотрели куда-то в сторону. Рот был приоткрыт, по куцей совершенно седой бородёнке скатывалась слюна.

– Это Савелий! Он не сможет рассказать вам о пропавшей иконе, потому что уже давно не говорит ни слова. Новые люди его пугают, поэтому, если вы не против, я хотел бы отправить его обратно, в его келью.

– Вы увидели его, – вмешался Андрес Янович. – Теперь пусть идёт. Не гоже терзать убогого. – Настоятель подошёл к монаху, что-то прошептал ему на ухо и, приобняв за плечи, вывел за дверь. После этого отец Феофан перекрестился на стоящую в уголке иконку и вернулся к гостям. – Савелий вернулся в монастырь спустя три дня после того, как милиция нашла задушенную Верку, – продолжил Андрес Янович. – Ни отец Феофан, ни я не смогли вытянуть из него даже слова. Мы так и не знаем, что же случилось с Савелием и Веркой после того, как они, забрав украденную икону, сбежали из своего жилища.

– Может, мы сможем что-то выяснить, если вы расскажете нам, отчего вы вдруг начали поиски иконы, – сказал настоятель. – Неужели она где-то проявила себя?

Обменявшись с Веней взглядом, Настя рассказала:

– Икону видели! Она каким-то образом попала к нацистам, которые в годы войны занимались массовой казнью людей. Если ваш Савелий не прикарманил икону, то как она попала к немцам? У вас есть на этот счёт какие-нибудь предположения?

Отец Феофан изменился в лице и уточнил:

– Вы говорите про Кресты?

До сей поры бесстрастное лицо священнослужителя озарилось гневом.

– Икону видели у Дитриха Фишера! – продолжала Настя. – Его ещё называли Крестовским душегубом, этот человек отправлял людей в газовые камеры, кроме этого он ещё и...

– Убивал людей голыми руками! – закончил за Настю отец Феофан.

– Откуда вы это знаете? – изумился Веня.

– Сюда приходят разные люди. Многие являются, чтобы рассказать о своих грехах, а кто-то просто делится своею болью. Какой бы эта боль не была. Ко мне приезжала женщина, она часто рассказывала о Крестах и о том, что там творилось.

– Ваша знакомая побывала в Крестах? – воскликнула Настя.

– Она одна из немногих, кто сумел там выжить!

– Вы можете сказать, где нам её искать? Она жива?

Настоятель вопросительно посмотрел на Садовода, тот кивнул.

– Я напишу вам её адрес, – ответил настоятель.

**Часть шестая**

**Тень**

## **Глава первая,** *в которой Зверева одолевают дурные предчувствия*

День выдался пасмурным, но Зверев перед выходом из дома и не подумал поглядеть в окно. Пока он ехал в трамвае, начался дождь, и Зверев, не прихвативший зонт, промок до нитки, пока бегом бежал от остановки. Войдя в здание Управления, он остановился возле дежурной части, чтобы перевести дух.

– Что, Павел Васильевич, промок? Заходи ко мне, у меня как раз чаёк заваривается, согреешься, – предложил Гриня Голобородько, выглядывая через маленькое окошко.

– У себя согреюсь, – сказал Зверев, стряхивая с рукава воду. – Сначала переодеться надо, а уж потом и чаи гонять.

– Ну, как знаешь! Что-то ты сегодня раненко. Обычно ближе к полудню являешься. Я уж и не чаял тебя сегодня застать, а ты вон чего, ни свет ни заря явился.

– Так уж вышло, – отмахнулся Зверев, но Голобородько не отставал:

– И бледный ты у нас какой-то сегодня, синяки под глазами. Не выспался, что ли? Небось, опять всю ночь с какой-нибудь цыпочкой амуры крутил, – Голобородько погрозил Звереву пальцем.

Тот тут же вспомнил про больную спину, ощутил настоящее удовольствие от того, что сейчас она не беспокоила. Карен говорил, что он нерв застудил... или что-то там такое? В любом случае, лучше переодеться и поберечь себя.

– Если бы крутил, не пришёл бы так рано. Не спалось, вот и не выспался, – пояснил Зверев. – Сам же видишь, что у нас в последнее время творится. Несколько смертей в Управлении – это тебе не шутка. Война-то кончилась, а у нас небоевые потери. Поэтому вы уж тут поглядывайте, кто входит, кто выходит.

– Так я ж сменяюсь через час! А глядеть сегодня у нас сам Леонид Павлович будет, так что спуску никому не даст, – рассмеялся Голобородько.

– Свисток? Сам на дежурство заступает? С чего это?

– У нас Степан Мельников заболел, а Прохору Ильину вчера аппендикс вырезали. Так что хошь не хошь, а придётся нашему драгоценному начальнику самому службу тащить. Пусть поработает, – Гриня понизил голос до шёпота, – а то засиделся у себя в кабинете.

Зверев кивнул:

– Ну раз уж сам начальник дежурной части в карауле, значит, будет наша граница на замке. Так он здесь уже?

– А то, он у нас птаха ранняя!

– Тогда пойду я, а то увидит меня, начнёт опять свои сказки сказывать.

– Погодь чуток! Запомню совсем, вот, – Голобородько сунул Звереву клочок бумаги.

– Что это?

– Потапова тебе передать просила. Сказала, что отчёт о поездке она написала и положила в папку на твоём столе. А тебе на словах велела передать, что с утра задержится, там они с Венькой нашим какую-то новую свидетельницу по вашему делу отыскали. Так вот она аккурат неподалёку от Настиного дома живёт. Так что сказала, что с утра прямо к этой свидетельнице и пойдёт. Чтобы время зря не тратить. Как опросит её, так на работу и явится.

– Всё! Спасибо, я всё понял!

Увидев выходящего из собственного кабинета Свистунова, в портупее, с кобурой и с повязкой на руке, Зверев поспешил убраться. «Если меня увидит, опять заведёт какую-нибудь беседу, – подумал Зверев. – Тогда я точно простужусь и слягу уже надолго».

Пройдя по коридору, Зверев открыл дверь своим ключом, бросил листок с адресом свидетельницы на стол, быстренько снял пиджак и рубашку и достал из шкафа свитер. Колючая шерсть приятно щекотала кожу. Налив в стакан воды и засунув в него кипяtilьник, Зверев вышел из кабинета и открыл соседнюю дверь. После отравления Боголепова Корнев приказал сменить в подсобке замок, ключ хранить у дежурного и выдавать его только уборщице тёте Вале. Ещё один экземпляр ключей Зверев забрал себе. Теперь он каждый раз, придя на работу, проверял стену. Дырку в стене замазали цементом, картинка с Ритой Хейворд теперь висела на противоположной стороне.

Убедившись, что всё в порядке, Зверев вернулся к себе и заварил чаю. Совсем уже согревшись, он закурил. В этот момент он впервые

увидел на тумбочке рамку с фотографией. Кто-то поставил её совсем недавно Зверев насторожился.

*Странно, вчера ведь он уходил последним.*

Он взял фотографию и начал её рассматривать. Фотография с праздника. Снимал Боренька Штыря. Нет, он всё-таки молодец. Выбрал удачный ракурс, и все вышли неплохо.

В самом центре стоял Корнев, при медалях, как всегда, суров и красив. Рядом не менее величественно возвышался начмед со своей неизменной помощницей. Софочка сняла очки и от этого немного щурилась. Шувалов, с его вечно недовольной миной, смотрелся убого, а вот Славин держался молодцом, слегка приобняв за талию архивариуса Эмилию Эдуардовну. Та тоже приятно улыбалась. Голобородько надулся как индюк, Веня и Юля Кравченко прижались друг к другу головами точно голубки, а вот они с Настей выглядели слегка напряжёнными. Рассматривая Настю, Зверев почему-то ощутил волнение. Вопреки ожиданиям, в тот день они прекрасно провели время, хотя расстались довольно холодно, и в этом была его вина. В тот день Настя вела себя не как обычно, и это вызывало у Зверева смущение.

В кабинет вошёл Шувалов, Зверев тут же поставил фотографию на место.

Вместо рукопожатия он что-то буркнул и, сев за свой стол, уткнулся в какие-то бумаги. Увидев документы у Шувалова, Зверев вспомнил о том, что ему говорил Голобородько. Отчёт о командировке! Настя положила его в папку. Достав несколько листов, исписанных мелким ровным почерком, Зверев уселся за стол и начал читать отчёт.

Настя описывала всё подробно. «Женщины! – думал Зверев. – К чему столько писанины. Чем сидеть до поздней ночи, лучше бы пришла пораньше и всё рассказала сама». Прочитав о Садовом, Карасе, Верке и беглом монахе, Зверев дошёл до печальной участи Мартына и Жилы и решил прерваться.

– Витя, ты случайно не знаешь, кто поставил сюда это фото? – спросил он Шувалова.

Тот поднял голову, бегло оглядел фото.

– Не знаю! Впервые вижу эту фотографию.

– Не хочешь на себя, любимого, поглядеть? – с ухмылочкой поинтересовался Зверев.

– Не хочу! Я на фото всегда плохо получаюсь, – ответил Шувалов и снова уткнулся в бумаги.

«Вот именно, – подумал Зверев, глядя на фото, – точно лимон проглотил, причём целиком». В этот момент позвонил телефон, Свистунов сказал, что его срочно вызывает Корнев.

Поднявшись на третий этаж, Зверев зашёл к начальнику и выслушал очередную порцию недовольных высказываний.

– Ну что скажешь? Воз и ныне там? – Корнев тоже выглядел уставшим.

– Вроде бы отыскалась ещё одна узница Крестов. Сейчас её опрашивают.

– Что значит «вроде бы»? Так есть свидетельница или нет? – Корнев вошёл в раж и начал повышать голос.

– Вроде бы – это значит, что информация ещё не точная! Из-за того, что ты меня без конца дёргаешь, я не могу сосредоточиться.

– Ладно, не кипятись, – сказал примирительно Корнев. – А кто поехал к новой свидетельнице?

– Настя поехала!

– Чего? С ума сошёл? Одну девчонку отправил, а вдруг опять...

Тут Зверев уже заорал по-настоящему:

– Не отправлял я её! Она сама так решила! Вчера приехала из Печор, весь вечер отчёт писала, вместо того чтобы в двух словах всё рассказать, а теперь отправилась к свидетельнице. Живёт она, видишь ли, рядом с её домом. Замутузил ты, Стёпа, тут всех. Не оперативники, а писцы да книгочеи! Привыкли только бумаги строчить, а дело при этом стоит. Отстань от меня, толку больше будет.

Не спрашивая разрешения, Зверев вышел, хлопнув дверью.

Вернувшись в кабинет, он встретил там Славина и Костина. Они рассматривали стоявшую в рамочке фотографию.

– Здравия желаю, Павел Васильевич! – задорно выкрикнул Веня, когда Зверев ворвался в кабинет.

– И тебе не хворать, – буркнул Зверев.

– Прибыли мы без происшествий.

– Сам вижу, что прибыли, говори, что нарыли!

– Так Настя должна была отчёт написать...

– И этот туда же. Видел я ваш отчёт, читаю вот, – Зверев уселся, посмотрел на опустевший стол Шувалова и спросил: – А этот куда



делся?

– Виктор Матвеевич сказал, что у него жена заболела. Скорую вызвали, так он домой поехал. Извинился и сказал, что к концу дня постарается вернуться, – сказал Славин.

– Пусть не торопится, а то у меня от его кислой рожи, по-моему, уже изжога началась.

– Мне, кстати, тоже нужно уехать, – заявил Славин. – По работе! Это насчёт нашего Ромашко...

– Сдался тебе этот Ромашко! Говорил же, что он не имеет отношения к Фишеру!

– Корнев приказал все версии проверять, а тут новые факты вскрылись. Могу детально доложить...

– Не интересует меня твой Ромашко, – огрызнулся Зверев. – Проваливай. Толку от вас никакого. Скажи только, ты не знаешь, кто эту фотографию принёс?

– Не я, может, Веня?

– Я тоже не приносил! – сказал Костин. – Это наверняка Настя поставила, говорят, она здесь чуть ли не до ночи писала.

– А почему вас это так интересует, Павел Васильевич? – спросил Славин. – Позвольте полюбопытствоваться.

– Потому что я должен быть уверен, что в этот кабинет никто из посторонних не ходит! Вот почему! Хватит уже на мою шею убитых свидетелей! Ты почему Настю одну к свидетельнице отпустил?

– Так она же вроде бы...

– Живёт близко, – съязвил Зверев. – А тебе лень свою задницу от стула отрывать. Может, зря я тебя из дежурки забрал? Назад ещё не просишься?

– Зря вы так, Павел Васильевич, – обиженно пробубнил Веня. – Просто Настя сама так решила, а она же у нас старшая, а я кто? Стажёр...

– Так вот иди, стажёр, и охраняй Настю, и свидетельницу охраняй! Отвечаешь мне за неё головой. Думаю, с этим ты справишься, моряк, герой-черноморец? Как ты там говорил? Полосатый десант?

– Говорил!.. Разрешите идти, товарищ начальник?

– Вали!

– А куда ехать-то?

– Вот те раз! Он не знает, куда ехать. Это же твоя информация! Вы ж эту свидетельницу нашли, а ты теперь у меня её адрес спрашиваешь? – Зверев схватил листок, переписал данные себе в блокнот и сунул бумажку Вене.

– «Алевтина Тихоновна Артюхова, Полтавская, 21»! – вслух прочёл Веня. – Уже бегу.

– Езжай уже, и чтобы ни один волосок...

Веня вышел за дверь вслед за Славиным, и Зверев остался в одиночестве. «Опять со всеми разлаялся, ну и чёрт с ними!» – Зверев стукнул по столу кулаком и погрузился в чтение.

Едва осилив ещё одну страницу, он начал клевать носом, не успев дочитать буквально несколько строк. Надо же было всё это написать!

Телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Зверев взял трубку и прохрипел:

– Алло!

– Павел Васильевич? Вы? Что у вас с голосом? Не узнала, богатым будете!

Услышав Настин голос, Зверев тряхнул головой, взъерошил волосы. У него словно гора свалилась с плеч. После ухода Костина прошло не меньше получаса, значит, Веня уже должен быть на Полтавской.

– Настя! Куда ты подевалась? Что ещё за самодеятельность? Почему одна пошла к свидетельнице? Хоть бы Веню взяла, я вообще-то волнуюсь!

– Да что вы говорите? Кстати, Павел Васильевич, мы с вами, кажется, договорились, что фамильярное общение оставим для внеслужебного времени, а на работе будем соблюдать официальный тон!

– Настя, перестань. Чувствую возбуждение, неужели что-то выяснила?

Даже через телефонную трубку было видно, как девушка возбуждена.

– Нашла! Нашла! Ты читал мой отчёт?

– Не до конца. Узнал много интересного о печорских бандитах и вырубился прямо за столом.

– Бессонная ночь? – в голосе Насти мелькнула тревога.

– Так и есть! Всю ночь не мог уснуть. Пожалел, что вас вдвоём отпустил. Веня хоть и бравый морячок, но опыта у него пока ещё маловато. Веня сказал, что местный начальник не хотел вам помогать.

– Так и есть.

– Но помог, потому что ты помогла им за пару часов раскрыть какое-то убийство? Ты молодец! Но вот в одиночку на допросы больше не ходи.

– Подумаешь! Что тут такого?

– Ты, кстати, откуда звонишь?

– Из квартиры Алевтины Тихоновны с Полтавской, она просто прелесть. Такая бойкая и симпатичная тётчка. Угостила меня замечательным чаем, а теперь намывает посуду.

– Я там к тебе Веньку отправил, он уже должен быть где-то рядом. Прошу, будь осторожна.

– Как же вы за своих свидетелей волнуетесь, товарищ капитан!

– В первую очередь я волнуюсь о тебе!

В трубке послышалось довольное урчание, Зверев начал злиться.

– Угомонитесь, Павел Васильевич. Ничего со мной не случится. Слушайте же, что я узнала. Это просто бомба! – Настя говорила быстро, через трубку было слышно, как кто-то гремит посудой. – Когда я стала спрашивать Алевтину Тихоновну про Кресты, она сразу стала говорить про Фишера! Его там знали многие, и поэтому первое, что я сделала, – это показала свидетельнице фото Ромашко.

– И ты туда же! Мы же уже, кажется, выяснили, что Ромашко не Фишер.

– Всё так и есть, но попытаться-то стоило? Тем более в итоге узнала такое...

– Рассказывай же...

– Когда я доставала из своей папки фото Ромашко, у меня на стол выпала ещё одна фотография, та самая, с праздника. Помните, когда Боренька Штыря нас сфотографировал?

– Помню! Говори же, не томи.

– Увидев это фото, Алевтина Тихоновна поведала следующее. Оказывается, у Фишера была Тень.

– Что ещё за тень? – Зверев насторожился и уселся поудобнее.

## **Глава вторая,** ***в которой мы расскажем о том, что довелось пережить Алевтине Артюховой в годы войны***

*д. Ротово, Печорский район, июль 1941 г.*

– Ой, мамоньки! Едут!

Услышав доносившиеся со двора крики, она бросилась к окну.

Поначалу всё стихло, и Алевтина вышла на крыльцо. Тут она уже отчётливо услышала глухое урчание моторов – колонна шла с эстонской стороны. С соседней улицы послышался яростный лай. Раздались выстрелы, лай тут же прекратился. Мимо хаты Алевтины пробежала запыхавшаяся соседка Лидка Храмова.

– Алька, с ума сошла? Прячься, глупая! – Лидка остановилась, оперлась на поленницу отдышаться. – Они Бушуя с Найдой подстрелили.

– Насмерть? – ойкнула Алевтина.

– Бушуй им прямо под колёса мотоцикла выбежал, чуть руку водителю не прокусил, так тот, что сзади сидел, тут же очередь выпустил, потом вторую. Бушую прямо в голову пуля попала, а Найда ещё скулила, когда этот ирод проклятуций третий раз пальнул. Я как поняла, что деется, так за сараем укрылась. А как стрельба началась, так уж рванула, что было мочи, чуть сердце не выскочило, как я бежала. Иди и ты, Алевтина, ступай в хату и не высовывайся. Может, если не тревожить их, оно и обойдётся, вот только чует моё сердце, что скоро и до нас очередь дойдёт.

Бушуй и Найда, две здоровенные лайки из одного помёта, принадлежали местному охотнику Яшке Солодовникову. Обе собаки, хоть и были натасканы на крупного зверя, были, в сущности, довольно безобидными, хотя облаять могли любого. Именно они, Бушуй и Найда, стали первыми, кто пал от руки оккупантов в тот страшный день.

Когда по деревне пошли слухи, что немцы скоро зайдут в Ротово, Яшка Солодовников привёл Лидке Храмовой своих псов. Он попросил приглядеть за собаками, а сам, забрав двустволку, ушёл в сторону

Лавровского леса вместе с председателем сельсовета Григорием Ильичом Скобелиным и ещё несколькими ротовскими мужиками.

Они вместе с немногими отбившимися от своих частей бойцами сколотили небольшой отряд и партизанили в здешних лесах почти до самой весны. В конце мая отряд попал в засаду, Яшка и Скобелин попали в плен и были повешены прямо напротив здания сельсовета.

Но всё это Алевтина узнала уже после войны. Сейчас же она наблюдала, как в Ротово входят немцы.

Предположения Лидки сбылись. Спустя примерно полчаса голова колонны остановилась возле дома председателя. Из грузовиков высыпали солдаты в мышинной форме и в касках. Они рассыпались по деревне, точно горох, стали выгонять людей из домов и сгонять их к дому председателя.

Всех собрали в общую кучу, и начался отбор.

Сначала в сторонку отвели всех детей моложе пятнадцати лет. Глашка Солдатова, которая не хотела отпускать от себя пятилетнего сына Мишку, попробовала возразить. Когда солдат схватил мальчика за руку и попытался вырвать у матери, та набросилась на него с кулаками. Немец побагровел и ударил женщину прикладом. Удар пришёлся точно в висок. Глашка рухнула и затряслась, возле её головы тут же образовалась красная лужица. Вскоре женщина застыла уже навсегда. Мишку потащили к остальным детям, он весь трясся и не мог произнести ни звука. После случившегося немцам уже не перечили.

Вслед за детьми в сторону отвели стариков.

Остальных, и женщин, и мужчин, стали подводить к высокому офицеру по одному. Немец осматривал пленных, что-то говорил по-немецки своему помощнику, тощему ефрейтору, тот спрашивал на ломаном русском:

– Тфой группа крофи?

Васька Фролов, немного понимающий по-немецки, шепнул Алевтине на ухо:

– Кровь им нужна для переливания. Раненых у них много, вот они и отбирают тех, кто покрепче.

Алевтина, как и большинство других жителей Ротово, не имела понятия о номере своей группы крови. Когда женщину подвели к высокому офицеру, тот ухватил её за подбородок, попросил знаками

открыть рот, посмотрел зубы и одобрительно кивнул. Всего отобрали двадцать три человека и, построив в колонну, погнали в сторону Желябино, где располагалась железнодорожная станция. Там их загнали в вагоны-теплушки, и поезд двинулся в сторону Пскова.

Они ехали почти сутки. Каждые полчаса поезд останавливался и подолгу стоял. Где-то вдаль раздавался грохот, то и дело рвались снаряды, над головой, гудя, точно гигантский пчелиный рой, летели самолёты с крестами на крыльях и фюзеляже.

Красная армия отступала, немцы вот-вот должны были занять Псков.

Когда они прибыли на место, их выгнали на перрон и повезли в поле. Там за передовой и находился полевой госпиталь, в который их везли.

Забор крови был поставлен на поток. У каждого откачивали не меньше литра за раз, после чего сгоняли под наспех сооруженный навес. Кормили их один раз в день похлёбкой, сваренной из картофельных очисток, брюквы и рыбьих голов. От одного только запаха этого варева многих тошнило. Тех, кто отказывался есть, били и кормили силой.

Алевтине с её четвёртой группой повезло. Не особо распространенная кровь четвёртой группы требовалась редко. Тех же, у кого была первая группа, водили в приёмник гораздо чаще. Бывало, что у пленных брали кровь два, а то и три раза в день. Многие после недели такой донорской деятельности не могли самостоятельно выйти из накопителя. Кто-то умирал сам, кого-то уводили в овраг и расстреливали.

Поначалу раненых было не много, но потом их стало всё больше и больше. Стали привозить тяжёлых, многие из них умирали прямо на операционных столах. Немцы, которые поначалу воспринимали эту войну как увеселительную прогулку, на своей шкуре почувствовали, что русских так просто не возьмёшь.

Алевтина понимала, что её жизнь висит на волоске, но решила бороться до конца. Она ела всё, что давали, тогда ещё даже не представляя, что эта баланда станет на долгое время её привычной едой. Всякий раз, когда носатая медсестра-немка вгоняла ей в вену иглу и откачивала кровь, выйдя из приёмника, Алевтина шла в свою палатку под навес и тут же ложилась. Она лежала долго (это не

запрещалось) и старалась двигаться как можно меньше, чтобы хоть как-то восстановиться. Она съедала всё, что им давали, не торопясь, тщательно прожёвывая и без того жидкую пищу. Она продержалась дольше других. Когда немцы заняли Псков, появилось много пленных, способных стать поставщиками крови. Госпиталь переехал, а Алевтину вместе с немногими выжившими снова отправили на станцию. Там Алевтину и её товарищей по несчастью уже ждали другие узники. Именно тут она и услышала новое вроде бы обычное слово, ставшее для неё кошмаром.

*Кресты...*

\* \* \*

На этот раз они приехали довольно быстро. Прижавшись к стене вагона, чтобы хоть как-то отвлечься и не потерять сознание, она пела про себя, всё время тёрла до красноты истыканные иглами руки. Голова кружилась, её то и дело подташнивало.

Когда поезд остановился и дал протяжный гудок, солдат в серых кителях и касках сменили люди в чёрной униформе с зелёными воротниками и обшлагами рукавов – вновь прибывших принял под охрану эстонский батальон охраны. Эти, в отличие от надменных, но в большинстве своём улыбчивых немцев, скорее походили на мраморные статуи. Крепкие, рослые, голубоглазые – получив приказ, они тут же принялись за дело. Заключённых били ногами и тыкали в спины прикладами – началась выгрузка живого груза.

Из теплушек вышли не все. В каждом вагоне после высадки остались умирающие и те, кто был ещё жив, но уже не мог двигаться самостоятельно. Конвоиры в чёрном запрыгивали в вагоны и добивали умирающих штыками. Мертвецов цепляли крючьями и сваливали на подводы и увозили к лесу. Глядя на это зрелище, многие узники сгибались пополам, захлёбываясь от рвотных масс. Таким доставалось больше, чем прочим, их тыкали штыками, били прикладами по головам.

До лагеря они шли пешком по разбитой гусеницами танков дороге, прошли не меньше десяти километров. По дороге ещё с полсотни узников нашли свою смерть. Потом показался лагерь,

конвоиры стали подгонять пленников, солнце к этому времени уже начало опускаться. Наконец-то они вошли в огромные ворота. В этот момент полил дождь, Алевтина от упавшей на её тело прохлады ощутила подъём.

*Сдаваться не нужно! Нужно бороться! Нужно жить!*

Охрана активизировалась. Протяжная эстонская речь смешалась с грубой и резкой немецкой. Собаки захлёбывались от лая. Началась сортировка пленных. Старых, измождённых и ослабленных ставили к стене барака; тех, кто всё ещё мог передвигаться, бегом отводили в другую сторону. После этого их наконец-то загнали в помещения.

Впервые оказавшись в лагерном бараке, Алевтина ещё острее почувствовала страшную вонь. Отхожие места были переполнены. Так называемые «шайзерай» – заключённые, ответственные за чистку нужников, не успевали выполнять свои обязанности. В каждом бараке вплотную друг к другу стояли трёхъярусные нары, сделанные из неоструганных досок. Стены были не оштукатурены, от земляного пола разило гнилью.

В бараке, куда угодила Алевтина, жили не меньше пятисот человек. Ей досталось место на третьем ярусе. Слева от Алевтины устроилась костлявая девица с посеревшим лицом и перекошенным ртом. Эта, когда Алевтина улеглась на доски, тут же молча отвернулась, зато соседка справа оказалась куда более общительной.

– *Адкуль такая* (Откуда такая)? – спросила женщина. – *Кали што, мяне Алесяй кличуць* (Если что, меня Алесей зовут).

Так же, как все здешние, она была худой и с чёрными кругами под глазами. На вид той было под все пятьдесят, хотя Алевтина понимала, что ей гораздо меньше.

– Аля... Алевтина! Я из Ротова сама. Не слышали?

– *Не, не чула* (Не слыхала), – ответила женщина. – *Ци не мясцовая я, з Вицебска* (Не здешняя я, с Витебска). *Ты на Людку нашу не глядзи* (Ты на Людку нашу не смотри), – указав на отвернувшуюся соседку, сказала Алеся. – *Яна у нас пад бамбёжки тыдзень таму трапила – кантужаны* (Она у нас под бомбёжку неделю назад попала – контуженная). *Ни бельмеса не чуе* (Ни бельмеса не слышит).

Алевтина повернулась и почувствовала сильный зуд в волосах. Она почесала голову.

– Тётянька, а помывки тут бывают?



– Якая ж я табе цётка? Мне сорак адзін нядаўна споўнілася. Хіба не на шмат я цябе і старэй (Какая ж я тебе тётенька? Мне сорок один недавно исполнилось. Не на много я тебя и старше). А пра лазню нават не мары. Душавых таксама тут няма, так што вошы для нас справа звычайная (А о бане даже не мечтай. Душевых тоже здесь нет, так что вши для нас дело обычное).

– А как же тогда?..

– Дожджык пойдзе, калі наглядчыца дазволіць, то да двое-трое на вуліцу выбягаем. Скідваеш з сябе ўсё і моешся пад дожджыкам. Бруд і попел – замест мыла

(Дождик пойдёт, если надзирательница разрешит, то до двое-трое на улицу выбегаем. Скидываешь с себя всё и моешься под дождем. Грязь и зола – вместо мыла).

Откинувшись назад, Алевтина застонала, сглотнула непрошеную слезу и закусила губы.

– Добра, хопіць балбатаць. Спаць пара – уздымы тут раннія (Ладно, хватит трепаться. Спать пора – подъёмы здесь ранние).

\* \* \*

Утром двери барачных распахнулись, и две женщины, одетые в относительно приличные одежды, начали громко кричать, торопя остальных. Две местные надзирательницы – капо<sup>[34]</sup> не жалели голоса. У обеих были зелёные повязки на рукавах, каждая имела при себе длинную, не меньше метра, резиновую палку. Одна из женщин-узниц, сильно прихрамывающая, замешкалась и тут же получила удар палкой по спине. Ещё одну капо ударила ногой по щиколотке, та закусила губу, сдержав крик боли. Алевтина и обе её соседки бегом бросились к выходу. Когда Алевтина вырвалась вперёд, Алеся удержала её за руку.

– Тых, хто дрэнна перасоўваецца (Тех, кто плохо передвигается), – сказала она, – утылізуюць! Але і спяшацца, асабліва не раю. Калі зразумеюць, што ты здаровая і моцная, то адправяць у лабараторыю доктара Зиверса (утилизируют! Но и спешить особо не советую. Если поймут, что ты здоровая и крепкая, то отправят в лабораторию доктора Зиверса)!

– Доктора Зиверса? Кто это? – поинтересовалась Алевтина.

– *Доктар Зиверс начальник зондеркоманды СС 11-д. Ён займаецца тым, што праводзіць досведы на людзях. Зараз ён адчувае нейкую новую вакцыну, і яму вельмі спатрэбяцца такія дужыя экспанаты як ты!* (Доктор Зиверс начальник зондеркоманды СС 11-д. Он занимается тем, что проводит опыты на людях. Сейчас он испытывает какую-то новую вакцину, и ему очень пригодятся такие крепкие экспонаты, как ты!) – беззлобно процедила Алеся.

Их построили по секторам по обеим сторонам плаца, и надзирательницы принялись пересчитывать узников. После этого началась переключка. Потом все застыли, потому что на площадке появились два немецких офицера в сопровождении нескольких охранников в форме полицаев.

Оберштурмбаннфюрер СС Пауль Зиверс оказался довольно щуплым мужчиной средних лет. Он носил круглые очки и ходил, опираясь на трость. Второй офицер был гораздо моложе и в отличие от своего спутника определённо отличался отменным здоровьем и физической силой.

– А это кто? – спросила Алевтина.

Алеся поёжилась и процедила с дрожью:

– *Гэта Дзитрых Фишэр! Трымайся ад яго далей і старайся не трапляцца на вочы, таму што гэта жудасны чалавек* (Это Дитрих Фишер! Держись от него подальше и старайся не попадаться на глаза, потому что это ужасный человек).

Так Алевтина Артюхова впервые увидела человека, получившего в дальнейшем прозвище Крестовский душегуб.

\* \* \*

– Мужчинам обычно приходилось работать на улице, – продолжила Настя свой рассказ. – Они разбирали завалы, строили здания и трудились на песчаном карьере. Женщин же обычно отправляли на производство. Алевтина Тихоновна попала на фабрику, где занимались пошивкой сапог для нужд Рейха. Со временем её новая знакомая Алеся, которая работала на пищеблоке, замолвила перед кем-то словечко, и перетащила Алевтину Тихоновну к себе. Все узники Крестов умирали от голода, а Алевтина Тихоновна сумела выжить и

дождалась того момента, когда наши войска взяли Псков и освободили всех выживших.

Настя говорила с задором, очевидно наслаждаясь тем, как ей удаётся держать интригу. Устав от такого обилия информации, Зверев, который уже начал немного злиться из-за того, что Настя устроила весь этот спектакль, остановил рассказчицу вопросом:

– А что стало с той женщиной – Алесей? Она выжила?

– Нет! С ней случилось то, чего она больше всего боялась! Её забрали в лабораторию доктора Зиверта, а оттуда никто уже никогда не возвращался живым. Так вот, по словам Алевтины Тихоновны, именно Тень посоветовал Фишеру направить её подругу в лабораторию для опытов.

– Наконец-то! – Зверев зарычал. – Может, хотя бы теперь ты мне расскажешь, кто же такая эта твоя Тень?

– Не такая, а такой! – уточнила Настя. – Этот человек был правой рукой и помощником Фишера. Он появился спустя полгода после того, как Алевтина Тихоновна угодила в Кресты. Кто он такой и откуда, точно никто не знал. Говорили, что он тоже был узником и был приговорён к умерщвлению в газовой камере, но как-то сумел избежать смерти. Он носил чистую одежду, питался вместе с конвоирами и мог в любое время свободно передвигаться по лагерю. Это был русский, настоящего имени которого никто не знал. Крестовского душегуба в лагере знали все, а вот его помощник не любил привлекать к себе внимания. Он передвигался совершенно бесшумно и обычно стоял где-нибудь в сторонке, будто бы отсиживался в тени. Поэтому в Крестах его и стали называть Тенью! Алевтина Тихоновна сказала, что этот человек жил неподалёку от пищеблока, и, пожалуй, она одна из всех сейчас сможет опознать этого человека, потому что остальные не выжили.

– И ты хочешь сказать, что на той фотографии с праздника был этот самый человек? Тень?

– Совершенно верно! – отчеканила Настя. – Она так и сказала: «Это он – Тень, можете даже не сомневаться!»...

– Всё ясно! Может, хотя бы сейчас ты мне скажешь, на кого же указала твоя новая знакомая?

Настя рассмеялась:

– А ты разве сам ещё не догадался?.. – В этот момент в трубке послышались посторонние звуки. – Кто-то стучится в дверь! Наверное, это Веня, я попрошу, чтобы Алевтина Тихоновна егопустила!

Зверев услышал, как девушка бросила трубку на стол.

– Подожди!!! Постой... – воскликнул Зверев, но Настя его уже не слышала.

«Веня! Это ведь ты?» – Зверев сжал трубку так, что пальцы его побелели. Какое-то время было тихо, потом послышались голоса.

*После этого раздался женский крик.*

Что-то грохнуло, словно упало что-то тяжёлое. Послышался звон разбитой посуды, Зверев закричал в трубку:

– Настя, да возьми же трубку!!!

Ответом ему была тишина. Зверев почувствовал дрожь, и спустя пару мгновений кто-то все же поднял трубку. Зверев услышал слегка учащённое дыхание.

– Настя? – Зверев застонал от отчаяния. – Веня?.. Вениамин, твою ж мать!!! Это ты?

– Mein Name ist nicht Venya, du Idiot! Beruhige dich und suche dein Mädchen nicht mehr, weil sie gestorben ist<sup>[35]</sup>, – на чистом немецком ответил голос, после чего в трубке раздались короткие гудки.

\* \* \*

– Павел Васильевич! – в отчаянии выкрикивал Костин. – Да не вру я вам, ей-богу! Я здесь, на Полтавской. Только что разговаривал с тутошной хозяйкой. Зовут её Галина Петровна Зотова, с мужем этой Зотовой разговаривал, она никакую Алевтину Тихоновну Артюхову не знают. Они оба молодые, лет по тридцать, и сынишка у них семи лет, Игорьком зовут. И Насти здесь тоже нет! Нет и не было! И телефона у них тоже нет, поэтому я как убедился, что не туда попал, так сразу бросился телефонную будку искать. Еле нашёл. Что теперь делать-то?

Зверев застонал, несколько раз стукнул трубкой по столу и тут его осенило.

– Где листок с адресом, который я тебе дал?

– Тут у меня! – ответил Веня.

– Посмотри на него внимательно! Ничего странного не видишь?

– Не вижу.

– На цифры смотри! Почерк, цвет чернил... Ну...

– По подчеркикам я не спец! А вот чернила... Вроде единица немного светлее!

– Всё, возвращайся в Управление и жди моего звонка, – сухо процедил Зверев и повесил трубку.

Когда спустя тридцать минут дежурный автомобиль Управления со скрипом остановился возле дома номер два по улице Полтавской, там уже собралась толпа. Возле самой калитки дома номер два стояла карета скорой помощи, а санитары выносили из дома накрытое простынёй тело. Зверев подбежал, оттолкнул кого-то и сорвал простыню с лица убитой женщины.

– Подвиньтесь! Милиция! – крикнул он с надрывом.

На носилках лежала женщина лет сорока пяти, довольно крепкая на вид. Лицо жертвы уже начало синеть, на нём застыла гримаса не столько страха, сколько удивления.

– Девушка! Здесь должна была быть девушка, – в отчаянии воскликнул Зверев.

– Это Алевтина, хозяйка дома! – пояснила одна из стоявших неподалёку женщин. – А девчонку уже увезли! Такая молодая, и на тебе, сердечко подвело. Что за напасть? Всё понимаю, но чтобы сразу у двоих вот так...

Зверев уже не слышал рассуждения соседки Алевтины Артюховой. Он сел на лавку, согнулся и, стиснув голову руками, негромко застонал.

## **Глава третья, в которой Зверев высказывает свои соображения по поводу главных подозреваемых**

Проводить Настю в последний путь пришло едва ли не всё Управление. Моросил дождь, все прятались под зонтами, венки приходилось придерживать, чтобы их не унесло ветром. С последним словом выступили Корнев и Игнатов, начальник криминалистического отдела. Выступал Боря Штыря от лица коллег. Все хвалили Настю, называли настоящим мастером своего дела. Юлия Кравченко и Эмилия Эдуардовна вытирали платочками слёзы.

Во время похорон Зверев держался обособленно. Стоял чуть в стороне и за всё время ни разу не закурил. Он смотрел то на Шувалова, то на Славина, прокручивал в голове последние слова Насти, услышанные им по телефону. Когда Костин подошёл к Звереву и попытался что-то сказать, то тут же услышал довольно грубое: «отстань!» и отошёл в сторону.

На поминки Зверев тоже не пошёл.

Когда оркестр заиграл похоронный марш, Зверев отвернулся и пошёл меж могил в сторону ворот. Он не прихватил с собой зонт, и промок насквозь, пока шёл на трамвайную остановку.

Всю дорогу он был сдержан, но придя домой, дал себе волю.

Утерев ладонью повлажневшие глаза, Зверев поставил перед собой бутылку «Столичной». Пил он не закусывая, много курил и то и дело тёр виски. Время от времени он вскакивал, метался из стороны в сторону, выкрикивал ругательства и бил себя кулаком по лбу. Он думал о том, что случилось в доме Алевтины Артюховой. Вписанная в адрес цифра, Веня, явившийся совершенно не туда, куда было нужно, и голос убийцы в телефонной трубке. Картина преступления вырисовывалась сама собой. Когда Зверев достал из шифоньера вторую бутылку, в дверь постучали.

– Вообще-то я тебя не ждал! – увидев на пороге Корнева, Зверев поморщился.

– А напрасно! Я кроме прочего ещё и твой друг, а не только начальник. Я бы сразу с тобой ушёл, но это было бы неправильно, –

Корнев вошёл на кухню, увидел пустую бутылку под столом и спросил: – Есть чем закусить?

– Там хлеб, сало, немного картошки и что-то ещё, не стесняйся, – Зверев уселся за стол и прикурил очередную папиросу.

– Надымил-то как. У тебя соседи, наверное, уже в противогазах сидят, – подполковник принёс в тарелке еду, налил себе в стакан, на два пальца плеснул Звереву. – Ну, давай ещё раз помянем!

Они выпили, Корнев нарезал сало.

– Я вижу, смерть Насти совсем тебя выбила из строя, – продолжил разговор Корнев.

– Я во всём виноват, – Зверев поёжился. – Не уберёг девчонку.

– Не девчонка она! Взрослая женщина и опытный сотрудник! На кой ляд она без твоего ведома на рожон полезла? Ты же в группе старший! Только ты можешь решать: что, когда и о чём нужно спрашивать...

– Стёпка, прекрати! – Зверев заскрежетал зубами.

– Да, дружище! Я думал, что у тебя с Потаповой контры, а ты...

Глаза у Зверева сверкнули, он сжал кулаки.

– Стёпка, закрой рот, а то я не посмотрю, что ты мой друг!

– Я ещё и твой начальник, между прочим.

– А вот это уж точно меня бы не остановило!

– Знаю. Давай тему сменим, вижу, что к Насте у тебя не просто жалость. Понимаю – хорошая девушка. Была!

Зверев процедил:

– Обещал же тему сменить, так меняй!

– Я тебе ещё не рассказывал, меня утром вызывали в Главк. Целую комиссию собрали. Выслушал я много, ничего не скажешь, – Корнев плеснул себе ещё полстакана и махнул залпом. – Требуют объяснения, что да как. Были такие, кто предлагал меня от должности пока отстранить, а то как же, двух сотрудников за месяц потерял, плюс Комельков с Боголеповым прямо в Управлении представились. Они там тоже не дураки, смекнули что да как, что не просто так все от разрыва сердца умирают. Пришлось мне всё рассказать...

– Всё рассказать, – встрепенулся Зверев, – про Фишера?

– И про Фишера, и про икону!

– Ну и дурак ты, Стёпка!

– Ну знаешь! – Корнев насупился, но тут же в отчаянии махнул рукой.

– Ты хоть понимаешь, что теперь будет? Начальник всё доложит в госбезопасность, те возьмут дело в свои руки...

– У них и без наших Фишеров дел полно. Они сейчас только о «лесных братьях» и думают, а до прочего им и дела нет. У них свои начальники, те тоже на них давят.

– За Фишера они ухватятся, вот увидишь. Раз уж решили сами его ловить, нужно было до конца идти.

– Какое тут до конца. У нас с тобой гора трупов, а толку шиш! Будь что будет! Я ведь на тебя так надеялся... – Корнев только махнул рукой. – Не справился ты с задачей, Паша, а раз так, – Корнев налил себе полстакана и выпил, – то пусть теперь МГБ Фишера ловит. Уж лучше они его найдут, чем никто.

Зверев сжал кулаки:

– А если не найдут? Эх, Стёпа! МГБ! Они ведь такого нагородить могут. А что, если Фишер затаится, или назад рванёт? А ведь я был уже так близок к разгадке...

– Что? – Корнев насторожился. – Близок к разгадке?

Зверев потёр подбородок и процедил:

– Наливай!

Когда Зверев пересказал начальнику обо всём, что произошло в день убийства Насти, и передал слово в слово свой последний диалог с ней, вторая бутылка уже подходила к концу.

– И что из этого следует? – подполковник скептически покачал головой.

Зверев подошёл к серванту и выложил на стол групповую фотографию с праздника.

– Вот! Один из этих человек – Тень! Мы искали одного убийцу, а их двое. По словам Алевтины Артюховой, один из заключённых как-то сумел втереться в доверие к Фишеру. Не побоюсь предположить, что он привязался к этому человеку...

– С трудом в такое верится! – хмыкнул Корнев.

– Напрасно! Фишер садист, а такие, как он, как правило, очень одиноки. Думаешь, зачем он таскал к себе смертников, кормил их и ублажал, прежде чем убить?



– Думаешь, он делал это от скуки?

– Именно! Ты хотел бы общаться с таким как Фишер?

– Разумеется, нет!

– Вот и другие не хотели! Поэтому Фишер, пользуясь своим положением, покупал человеческое общение, кормя и ублажая обречённых на смерть узников!

– Откармливал их, как жертвенного агнца перед закланием?

– Обычно да, но не в этом случае! Этот заключённый чем-то заинтересовал Фишера, очаровал или что-то в этом роде. Более того, я просто уверен, что они стали чуть ли не друзьями.

– Друзья? У Фишера? Ты шутишь?

– Не шучу! Они сблизились так, что Фишер совершил невообразимое, он открыл своему «приятелю» тайну своего смертельного удара!

Корнев оживился:

– Это уже интересно! С чего ты это взял?

– Я думаю, что наше предположение о том, что Фишер работает в Управлении, мягко говоря, ошибочное! В нашем здании появляется Тень. Именно он и убил Лёньку Кольщика и конвойного. Он же отравил и нашего антиквара!

– Подожди! Ведь Кольщик перед смертью сказал...

– Он не сказал, что узнал Фишера! Он сказал, что узнал убийцу! Очевидно, Алевтина Артюхова всё-таки была не единственной, кто знал Тень в лицо. Лёнька узнал Тень, и тот с ним разобрался.

Корнев поднялся и стал ходить по комнате.

– Хорошо! – сказал Корнев. – Тогда кто же убил Настю и свидетельницу?

– Их убил Фишер! Когда Тень узнал про то, что Настя пошла к Артюховой, он запаниковал. Он позвонил Фишеру и сообщил ему адрес Артюховой. Чтобы выиграть время, на адресе, написанном Настей, Тень приписал единицу. Костин, которого я отправил к Насте, вместо того чтобы придти на Полтавскую, два, явился в двадцать первый дом.

– А ты понимаешь, что твой Костин теперь у нас основной подозреваемый? – строго спросил Корнев. – Он ведь есть на фото. А что? Он поехал на Полтавскую, убил Настю и свидетельницу, потом сам дописал цифру в адресе, чтобы снять с себя подозрение.

– Давай не будем спешить с выводами. Смотри, – Зверев достал карандаш и стал тыкать им в фото. – На снимке одиннадцать человек. Настя сказала: «Он был очень близок с Фишером, ходил за ним как собачонка...». «Он» – не «она»! Это означает, что Тень – мужчина. Исключаем всех женщин, – Зверев безжалостно зачеркнул Настю, архивариуса Эмилию Эдуардовну, Софочку и Юлю Кравченко. – Теперь убираем нас с тобой. Кто остаётся?

Корнев взял в руку фото и принялся его разглядывать.

– Остаётся Славин, Шувалов, Карен Робертович, Голобородько и твой Костин! – воскликнул подполковник.

– Правильно! А теперь давай подумаем: кто из этих пяти имел возможность дописать цифру на листке?

Зверев достал ещё одну бутылку.

– Тот, кто его тебе дал! – сказал Корнев и махнул ещё полстакана.

– Правильно! Листок с адресом мне передал Гриня, – Зверев обвёл лицо Голобородько кружком. – Получив от Грини листок с адресом, я не заглянул в него, поэтому мы не знаем, когда было сделано исправление. После того как я пришёл к себе в кабинет, я положил листок на стол. Когда ты вызвал меня к себе, в кабинете остался Витя Шувалов. Он вполне мог сделать исправление, – Зверев обвёл лицо Шувалова кружком.

– А тебе не кажется, что ты просто сводишь с ним счёты? Я ведь знаю про ваши отношения.

– Не говори ерунды! – вспыхнул Зверев. – Я просто стараюсь быть объективным. Продолжаем: когда я вернулся, в кабинете уже были Костин и Славин. Любой из них мог дописать цифру, – Зверев обвёл обоих кружками. – Позже я узнал, что начмед к нам тоже заходил, а значит, и он мог дописать цифру.

– И что? Никого из пяти нельзя исключить?

– Никого. В том-то и вся загвоздка, – подвёл итог Зверев.

– И что ты собираешься предпринять? – спросил Корнев.

– У меня есть одна задумка...

– Прекрати! Ты уже пьян! – прорычал Корнев, он видел, что язык у его приятеля уже начал заплетаться. – Ложись в кровать, Пашка! По-моему, ты уже слегка подустал.

– Подустал, – промямлил Зверев.

Он подошёл к кровати, рухнул на неё и тут же уснул.

Его разбудил телефонный звонок. Поднявшись с кровати, Зверев с трудом расправил затёкшую спину, огляделся. В висках стучало, он с трудом открыл глаза. Такого, как вчера вечером, он не позволял себе давно. В комнате был идеальный порядок, Зверев усмехнулся. Перед тем как уйти, Корнев вымыл посуду и только потом ушёл, захлопнув дверь на защёлку. Телефон не умолкал. Зверев мысленно поблагодарил начальника за такую заботу о его скромной персоне и только потом поднял трубку.

– Зверев! Кто говорит?

– Павел Васильевич, дежурный по Управлению говорит! Доброе утро, а точнее добрый день, – Зверев узнал голос Голобородько. – Вы ещё дома? Тут такое дело...

– Где ж мне ещё быть, если ты мне домой звонишь? – Зверев поглядел на часы, они показывали половину одиннадцатого. – Ого... Я же на восемь заводил! Похоже, я его выключил. О, чёрт, как же голова болит!

– Павел Васильевич, не время теперь болеть! Вам срочно нужно на работу, вас ожидают, – настойчиво повторил Голобородько. – Капитан из МГБ! Он по поводу смерти Потаповой, ну и прочее...

– Час от часу не легче! Началось! Понял тебя! Скоро буду, – Зверев повесил трубку.

Он зашёл в ванну, включил воду, но тут телефон снова зазвонил. Зверев выругался, отбросил полотенце в сторону и, схватив трубку, рявкнул:

– Гриня, твою мать, сказал же, что выезжаю!

– У тебя на всё про всё минут двадцать, не больше! – Зверев узнал голос Корнева. – Я за тобой машину прислал, не заставляй меня ждать!

– Тебя или чекиста?

– Мы оба тебя ждём! – пояснил Корнев тактично.

Очевидно, подполковник звонил из своего кабинета, и тот, о ком они говорили, был рядом.

– Ну и подождёте! Небось, не впервой.

Корнев хмыкнул и продолжал, явно сдерживая себя:

– Прибыл капитан из государственной безопасности! Он уже побеседовал с некоторыми нашими сотрудниками, теперь он хочет

опросить тебя. Поспешу, Павел Васильевич, пожалуйста.

Последнюю фразу подполковник сказал с нажимом, после чего повесил трубку. Зверев хмыкнул и снова отправился в ванную. Когда спустя сорок минут Зверев вошёл в здание Управления, у порога его встретил всё тот же Голобородько.

– А вот и ты, Паша! Ну наконец-то. Корнев у себя, капитан тоже, – вполголоса пояснил майор. – Опрашивает всех из вашей группы: Славина, Шувалова, ждёт тебя...

– А тебя вызывал?

Голобородько опешил:

– Так я же к вашему расследованию дела не имею.

«Зато ты есть на групповом фото», – мысленно произнёс Зверев, внимательно изучая реакцию Грини. Тот поёжился, сдвинул фуражку на затылок.

– Имеешь ты дело к расследованию или не имеешь, это не важно. Ты же дежурил, когда Настю Потапову убили!

– Так я же к тому времени уже сменился!

«Знает он про то, что адрес исправлен или нет? Нервничает, оно и не мудрено, но вот отчего нервничает, пока не ясно».

– Ты особо не расслабляйся. Уверен, что и тебя допрашивать станут, – добавил Зверев уже вслух. – Теперь они с нас со всех не слезут.

Зверев прошёл было мимо, но Голобородько увязался за ним:

– А что там за дело? Значит, всё это из-за Насти? Да? Мы же тут в дежурной части не в курсе, чем вы там последнее время занимались. А это неправильно! От нас же доклада требуют, а мы ни сном ни духом. Я уже и начальника своего спрашивал, так он тоже не в курсе дел. Разве ж это правильно?

– Узнаете всё, когда время придёт! – довольно грубо ответил Зверев. – Займись своими делами, майор, а в мою кухню свой нос не суй! Целее будет!

Голобородько отпрянул, поморщился и покачал головой.

– Зачем ты так, Василич? Я же помочь хочу!

– И чем же ты мне поможешь?

– Я тебе про Костина хотел сказать, но раз ты так...

Зверев тут же ухватил Голобородько за руку.

– А что с Костиным?

Майор огляделся, прошептал Звереву в самое ухо:

– Этот капитан из МГБ уже со всеми успел поболтать. Многое узнал, и больше всего от самого Корнева. Все уже знают, что у нас в Управлении «крот» завёлся!

– Короче, Гриня! Что про Костина сказать хочешь?

Голобородько аккуратно высвободил локоть, сам подхватил Зверева под руку и отвёл в сторонку.

– На работу наш Веня сегодня не вышел. Всех тех, с кем вы в последнее время работали, допрашивают уже. А Костин пропал. Слышал, что именно он теперь главный подозреваемый.

– Подозреваемый? И в чём его подозревают?

– Откуда ж мне знать? Ты же ничего не говоришь! Что-то говорят про Настю и какое-то фото, больше ничего не знаю. Мы тут все, как слепые, вошкаемся. Хоть бы намекнул, что вы за дело ведёте! За кем охотитесь! Глядишь, и я бы тебе чем помог! Твоих-то всех скоро сцапают. Госбезопасность с вами сюськаться не станет. Если вы в чём провинились, так они под руки и в кутузку, а там у них сам знаешь, какие методы. Все, кто и не при делах, сознаются.

– Ничего, нам не впервой! – сказал Зверев. – Как-нибудь выкрутимся. А ты сам-то про Костина что думаешь? Может, загулял?

Голобородько поправил фуражку, застегнул верхнюю пуговицу.

– Не думаю я, что он загулял! А если и загулял, то тебе это лучше моего известно. С тех пор, как ты его у нас из «дежурки» забрал, он тебе одному и докладывает, а с нами и знаться не желает.

Ладно! Пойду я работать. От тебя всё равно ничего не узнаешь, – обиженный Голобородько коротко кивнул и отправился к себе на пост, оставив Зверева наедине с его догадками.

## **Глава четвёртая,** *в которой Зверев общается с представителем госбезопасности, и чем всё это заканчивается*

Резник – капитан госбезопасности, прибывший для расследования, – оказался довольно ещё молодым поджарым блондином с квадратной челюстью и ямочкой на подбородке. Для допросов ему выделили отдельный кабинет, Корнев даже распорядился насчёт чаю. Когда Зверев вошёл в кабинет, и Корнев представил его капитану, тот учтиво кивнул и заявил:

– Итак, Павел Васильевич, поскольку ваш руководитель мне всё уже рассказал, – заявил с порога Резник, глядя на часы, – не стану вас мучить расспросами. К тому же я немного спешу.

Резник надел фуражку, пожал Корневу руку и, захватив свой планшет и оставив нетронутым стакан с чаем, удалился. Зверев вопросительно посмотрел на Корнева.

– И что это было?

– Что ты имеешь в виду? – пожал плечами Корнев.

– Этот хлыщ даже не посмотрел на меня!

– А что тут удивляться? Я довёл до него всю информацию по делу Фишера, кроме того, он побеседовал со Славиным и Шуваловым...

– Стёпка, только не говори мне, что он и впрямь куда-то спешил! Я руковожу делом! У меня вся информация, а он не задал мне ни одного вопроса! Ты хоть понимаешь, что это неспроста? – воскликнул Зверев, шаря по карманам в поисках папирос.

Корнев подошёл к столу, взял стакан с чаем и зачем-то понюхал его.

– Нормальный же чай! Чего он пить-то не стал?

– Не нравится мне всё это! – Зверев смял пальцами папиросу и сунул её в рот.

– Тебе не угодить! Всё нормально же. Теперь они подключат своих людей и выяснят, кто же «крот». А ты уверен, что это один из тех пяти на фотографии?

– Теперь я уже ни в чём не уверен! – Зверев вынул папиросу изо рта, так и не раскурив её, смял её в кулаке и вышел за дверь.

Выйдя из кабинета, Зверев направился в дежурную часть. Он не стал обращаться к Голобородько, а сразу же пришёл к начальнику и потребовал у Свистунова служебную документацию. Свисток, пользуясь случаем, тут же начал поучительную беседу о том, как важно правильное ведение документации. Он сообщил, что регулярно проводит инструктажи со своими подчинёнными, поэтому у него в отделе «не подкопаешься» ни к чему. Зверев на этот раз не стал перебивать говорливого майора, он энергично листал бумаги и то и дело кивал. Когда Зверев выяснил то, что хотел, он вышел на улицу.

Светило солнце, лёгкий ветерок обдувал лицо, ничто не напоминало о скором приходе холодов. Почувствовав запах жареных пирожков, Зверев уже полез было за бумажником, но передумал. Всю последнюю неделю он питался на ходу. Так и язву можно заработать. Одарив улыбкой толстую тётку, бойко торгующую пирогами, Павел Васильевич решительным шагом направился к столовой авторемонтного завода.

\* \* \*

Сегодня здесь было немногочисленно. Взяв тарелку борща, гречку с котлетой и компот, Зверев забился в самый дальний угол и набросился на еду. Поест спокойно ему не удалось.

– Павел Васильевич, здравствуйте! Позвольте к вам?

Зверев оторвался от борща и увидел хорошенькое личико Леночки Спицыной, секретарши Корнева. Девушка стояла с подносом и приветливо улыбалась. Зверев оглядел зал и замялся: мест вокруг было множество, но девушка почему-то решила подсесть именно к нему.

– Садись, конечно, – придя в себя, сказал Зверев и немного погодя добавил: – Я же просил обращаться ко мне на «ты». Когда такие красавицы зовут меня по отчеству, я чувствую себя крайне неудобно.

Леночка уселась за стол, поправив блузу на груди и оправив плиссированную юбку.

– Ну слава богу! Вы снова со мной кокетничаете, а я уж было подумала, что со мной что-то случилось, – со смехом сказала девушка. – Вы уже больше недели не замечаете меня, и даже здороваетесь через раз.

Зверев чуть не поперхнулся:

– Помнится, в последний раз в ответ на мои знаки внимания ты огрела меня линейкой! – Зверев сделал кислую мину. – Синяки до сих пор не сошли, кстати, именно с тех самых пор у меня болит спина. Это вы искалечили меня до такой степени, что мне пришлось обращаться в санчасть.

Леночка рассмеялась.

– Не говорите глупости! Вы, как всегда, всё врёте! А если и не врёте, то сами виноваты. Я же приличная девушка, а вы ко мне всё время пристаёте, подкрадываетесь, за руки хватаете, а у меня, между прочим, жених имеется. Офицер! Лётчик!

– Неужели я настолько стар и безобразен, что мои ухаживания тебя так раздражают?

Леночка взяла вилку, откусила кусочек хлеба и, только прожевав его полностью, продолжила:

– Нисколько не раздражают! Вы интересный мужчина, а я, как всякая нормальная женщина, получаю удовольствие, когда на меня обращают внимание. Другое дело, что никаких шансов завоевать моё сердце у вас нет и быть не может...

– Жених... лётчик... герой! О, ты меня просто убила! – Зверев снова сгримасничал и в очередной раз накиннулся на борщ.

Леночка тоже принялась за еду. Какое-то время они молчали, и только покончив с капустным салатом, девушка заговорила вновь:

– Вы, наверное, решили, что я к вам подседа для того, чтобы поиздеваться, но это не так! Я ведь знаю, отчего вы так резко изменились. Причина ведь вовсе не в синяках?

Зверев отодвинул тарелку.

– Продолжай!

– Я всё поняла! Вы влюбились, Павел Васильевич! Да-да! На этот раз по-настоящему влюбились. А теперь страдаете, потому что ваша любовь вас покинула навсегда!

– В кого же это я, по-твоему, влюбился?

– В Настю Потапову! Вы в кои-то веки нашли женщину своей мечты, и теперь, когда она умерла, испытываете настоящую боль.

Зверев почувствовал раздражение. Глупая девчонка, да что она понимает...



– Настю мне жаль, я виню себя в её гибели, но любовь тут ни при чём.

– Как это ни при чём? Вы, известный сердцеед, от одного вашего взгляда женщины сходят порой с ума. Не все, конечно.

– Это ты себя, что ли, имеешь в виду?

– Не важно! И пожалуйста, не злитесь! Ещё раз повторяю, я подседа к вам не для того, чтобы посмеяться! Я вам и впрямь очень сочувствую.

– Не нужны мне твои сочувствия! – Зверев распалился не на шутку. – И перестань нести весь этот бред...

– Это не бред! Я видела, как вы в тот день танцевали, видела, как Настя на вас смотрела. Вы пошли её провожать, наверняка на этом всё не закончилось...

Зверев хлопнул ладошкой по столу так, что со стола едва не упали тарелки.

– Ты в своём уме? – увидев, что на них смотрят, Зверев ссутулился и заговорил тише. – Между мной и Настей ничего не было.

– Если вы про постель, то, возможно, и не было. Я вам верю! Но чувства, их ведь не скроешь. И не нужно на меня так смотреть. Я вижу, вы и сами боитесь себе признаться, что влюбились. Когда я это поняла, я так порадовалась за вас обоих, а теперь...

– Да перестань же...

– То, что вы себя не контролируете и орёте, лишь подтверждает мои догадки. Уж поверьте, мы, женщины, в таких вещах разбираемся.

Зверев снова надул щёки, но вдруг плечи его опустились. Он с грустью в голосе сказал:

– Настя всё время огрызалась...

– Когда вы в свойственной вам манере над ней подшучивали, ну, примерно так, как со мной, Настя злилась! Злилась, потому что ей были нужны не шуточные, а самые настоящие знаки внимания.

Зверев почувствовал, что вспотел.

– Да нет же! Ей было на меня плевать! Она даже лицо закрыла, когда Боренька Штыря нас сфотографировал!

– Лицо она могла закрыть отчего угодно, – настырно продолжала Леночка. – Может, оттого, что была не покрашена или не успела поправить причёску. А может, оттого, что боялась, что на фото вы увидите в её глазах проявление настоящих чувств.

– Да каких ещё чувств?

– Любви!!! Вот каких! Если вы говорите, что Настя не хотела, чтобы Боренька вас фотографировал, то, возможно, так оно и есть. Однако мне доподлинно известно, что Настя просила Штырю распечатать для неё этот снимок.

Зверев вздрогнул, в спину снова кольнуло.

– А откуда ты знаешь, что она просила сделать ей это фото?

– Боренька мне сам про это сказал. Он ещё бурчал, что у него и без этого дел полно. Я уверена, что Настя всё-таки заставила Штырю сделать это фото и хранила его у себя!

– Зачем Насте фото, где не видно её лица?

– Затем, чтобы любоваться на другое лицо!

– Чьё?

– На ваше, чудак вы, ей-богу!

Зверев снова почувствовал боль. Он сжал зубы и, чтобы хоть как-то отвлечься, набросился на второе. Леночка, видя, как Зверев морщится, с чувством собственного превосходства допивала свой несладкий чай. Из столовой он вышел один, так как Леночка, закончив обед, направилась в уборную.

Дорога до Управления заняла не меньше десяти минут. Он шёл не спеша и то и дело опускал голову, обдумывая услышанное. Он не заметил Леночку, которая догнала его и подхватила под руку.

– Не кажется ли вам, товарищ Спицына, что теперь вы ко мне клеитесь! – снова перейдя на шуточный тон, заявил Зверев. – А что, если ваш жених-лётчик про это узнает?

– Не узнает! Он в командировке и будет только в пятницу. К тому же я вовсе вас не клею (какое гаденькое словцо!). Просто я хочу быть уверена, что мы с вами не поссорились, и вы не держите на меня обиды.

Зверев притворно зарычал, Леночка улыбнулась. Когда они вышли из сквера, девушка с силой дёрнула Зверева за рукав.

– Павел Васильевич, что это?

Они остановились, Леночка указывала пальцем на здание.

У парадной Управления стоял серый автобус и две чёрных эмки. У входа стояли двое автоматчиков. В курилке, где обычно кто-нибудь сидел, не было ни души.

Зверев отступил за угол ближайшего дома и потянул Леночку за собой.

– Похоже, у нас гости, – сказал он вполголоса. – Подождём здесь.

– Кто это? – взволнованно прошептала Леночка и вцепилась в руку Зверева так, что ему пришлось применить усилие, чтобы высвободиться, не причиняя при этом девушке боль.

– Это наши коллеги из МГБ!

– И зачем они здесь?

– Хотел бы я думать, что просто заехали в гости.

Дверь здания открылась, и из неё вышел Резник. Не останавливаясь ни на миг, он двинулся к первой машине и сел справа от водителя. Солдаты, стоявшие у входа, взяли на караул. Сразу же после этого из здания вышел Шувалов. Его сопровождал ещё один автоматчик. Без лишних слов слегка опешившего следователя завели в автобус. Вслед за Шуваловым вывели Славина, начальника медсанчасти Карена Робертовича Оганесяна и перепуганного насмерть Голобородько. Их тоже посадили в автобус.

– Павел Васильевич, что это? Что происходит? – захныкала Леночка, всё ещё не отпуская руки Зверева. – Их что, арестовывают? Павел Васильевич! Товарищ капитан, мне страшно.

– Успокойся и помолчи, – сказал Зверев, высвобождая руку.

– Их арестовали! Что же это такое?

– Ну же, – не отрывая глаз от входа в здание, процедил Зверев себе под нос, – заводитесь и уматывайте отсюда!

То, что произошло дальше, заставило Леночку вскрикнуть. Зверев застонал, потому что, когда автобус и обе эмки завелись, из здания вышел Корнев, спустился по ступеням и тоже направился к автобусу в сопровождении конвойного.

\* \* \*

Он стоял под подъездным козырьком, прячась от начинавшего накрапывать дождя. Солнце уже закатилось, ветер усилился, но Зверев не покидал своего поста и не отводил взгляда от завешенного шторкой окошка на третьем этаже. Две немолодые женщины вошли в соседний подъезд, о чём-то оживлённо болтая. Какая-то мамаша ругала сына так

громко, что её крики доносились аж до соседнего подъезда. На втором этаже кто-то включил патефон.

Рыжий кот с разодранной мордой и покоцанным хвостом устроился неподалёку. С видом полноправного хозяина здешних мест он довольно бесцеремонно разглядывал съёжившегося от холода чужака, вилял хвостом и шевелил усами, демонстрируя явное неудовольствие. Вполглаза поглядывая на заветное окно, Зверев присел, попытался погладить кота, но тот не оценил дружеского жеста: фыркнул, стремительно отскочил и рванул в подворотню. Снова оставшись в одиночестве, Зверев закурил. В этот самый момент шторка шелохнулась. Зверев выругался. Ну вот и всё, здесь больше нечего делать.

Загасив о стену только что зажжённую папиросу, Зверев поднял повыше воротник и двинулся в сторону арки, быстрым шагом покинув собственный двор. Если в его квартире засада, значит, нужно искать себе убежище. Мысли напряжённо работали, дождик усилился, и Зверев ускорил шаг. Пройдя с полквартиры, он изрядно промок и наконец-то сумел отыскать телефонную будку. Найдя хоть какую-то крышу, он, не закрывая двери, выкурил сигарету, после чего закрылся, снял трубку и набрал домашний телефон Леночки Спицыной.

– Привет, не спишь? – услышав в трубке встревоженный голос, поинтересовался Зверев.

– Павел Васильевич! Вы? Слава богу, а я уж вся извелась, куда ж вы подевались. Вы же сказали, что позвоните после семи, а сейчас уже без четверти одиннадцать.

– Без четверти одиннадцать – это и есть после семи, – поучительно заявил Зверев. – Ну что, ты всё узнала, что я просил? Хотя подожди...

Зверев сунул руку в карман, ощутив пальцами холодную рукоять пистолета. Мимо проехала грузовая машина, из соседнего подъезда вышли двое парней и направились к соседнему дому. Когда парни исчезли, Зверев вынул руку из кармана, достал платок, вытер стекающую с волос воду.

– Можешь говорить, – сказал Зверев.

– Я всё узнала, как вы и велели! – затараторила Леночка. – Резник и его люди прибыли как раз тогда, когда мы с вами встретились в столовой. Всё произошло буквально за минуты. Арестовали всех

ваших, Карена Робертовича и Голобородько. Забрали Корнева и увезли. Я говорила со Свистуновым, он сказал, что Корнев отстранён от руководства, сказал, что это согласовано с начальником Главка. Есть постановление, согласно которому теперь должность начальника милиции исполняет Дорохов.

– Дорохов? Первый зам?

– Когда я зашла к нему, после того, как всё это случилось, он сидел у себя в кабинете ни жив ни мёртв. Когда я спросила, не нужно ли ему чего, он только замахал руками и отправил меня в приёмную. Сказал, что вызовет меня потом.

– Что ещё сказал Свистунов?

– Сказал, что Резник ищет вас и Костина! Интересовался, не знаю ли я, куда вы подевались. А куда вы и вправду подевались? Я звонила вам на домашний, но никто не брал трубку.

– Больше туда не звони! – сказал Зверев с нажимом. – У меня в квартире засада, в ближайшее время я там не появлюсь.

– А куда ж вы тогда, в такую-то погоду? Знаете что, – в голосе Леночки появились властные нотки. – Если же вам негде ночевать, приезжайте ко мне! У меня, правда, не особо просторно...

Зверев рассмеялся:

– А как же твой лётчик, Леночка? Представляешь, что будет, если он узнает, что у тебя ночевал посторонний мужчина.

В трубке послышалось учащённое дыхание, потом Леночка тихо сказала:

– Вы всё шутите! Ах, перестаньте... Да нет у меня никакого лётчика, придумала я всё, – Леночка шмыгнула носом.

*Вот тебе и раз! И эта туда же...*

– Товарищ Спицына, прекратите разводиться сырость. – Зверев прокашлялся. – Сейчас не лучшие времена, чтобы лить слёзы!

– Павел Васильевич, приходите! Вон вы уже кашлять начали. А про спину это вы ввали, или нет? Вон что на улице творится! Заболеете, простудитесь. Кому это надо. А я вас чаем напою, а если чаю не хотите, то у меня коньяк есть.

– Так, – Зверев не сразу нашёл, что ответить, – Ленка, а ну не дури! Не могу я к тебе придти. Они, возможно, за твоей квартирой тоже наблюдение организовали.

– Вы думаете?

– Приду к тебе, и сдапают меня! – Зверев снова закашлялся, теперь уже от смущения. – Так что я уж как-нибудь сам. Тебе за заботу спасибо, конечно.

– Да полно вам, Павел Васильевич! – голосок Леночки дрожал. – Вы же знаете, что я для вас...

– Отставить!

– Ну вот, вы прямо как Корнев со мной, тот тоже, чуть что, сразу по уставу. Я же как лучше хотела.

– Если хотела как лучше, тогда слушай меня внимательно! Меня ищут, но попадаться госбезопасности мне сейчас не с руки. Для того, чтобы вызволить Корнева и остальных наших, нужно поймать убийцу. Если ты готова помочь...

– Готова! Конечно, готова, говорите, я всё для вас сделаю.

– Не для меня, а для товарища Корнева!

– И для Корнева тоже! Но прежде всего для вас!

Зверев снова достал платок, но на этот раз по его лицу уже текла не вода, а пот.

– Хорошо, я позвоню! Жди! – и Зверев повесил трубку.

**Часть седьмая**  
**Фишер**

**Глава первая,**  
***в которой Зверев навестит старых знакомых, а потом горько пожалеет о том, что не сумел без сожалений расстаться с пачкой папирос***

Попав в трудную ситуацию, он решил отбросить лишние сантименты и заявился к Ковальским. Когда дверь открыл хозяин дома, он был, безусловно, удивлён. Со свойственной ему бесцеремонностью Зверев сказал с порога:

– Мне нужно переночевать. Я решил остановиться здесь! – После этого он вошёл в дверь, снял ботинки и пиджак, прошёл в комнату и огляделся. – Мне нужна какая-нибудь одежда, пока мои вещи будут сушиться.

Ошалевший от подобной бесцеремонности, Болеслав Янович начал заикаться.

– Вы что, п-п-пьяны?

– Ещё нет, но от спиртного не откажусь, замёрз как собака.

На шум вышла Рита и тоже остолбенела.

– Паша?

– У меня неприятности! Мне некуда идти, поэтому найди мне какую-нибудь одежду и просуши мои вещи!

– Ну з-знаете ли! – воскликнул Болеслав Янович звонким фальцетом, но жена одарила его таким взглядом, что он тут же замолчал.

Порывшись в шкафу, Рита подала Звереву махровый халат, который был ему изрядно велик, но это было даже кстати, и отправилась на кухню. Через пять минут Зверев уже сидел за столом, перед ним стояла непочатая бутылка «Столичной», сковородка, на которой шкварчала яичница из трёх яиц, на столе лежал нарезанный хлеб и ломтики сала. Болеслав Янович ушёл в спальню и больше не появлялся до утра.

Пока незваный гость ел, на кухню зашла маленькая Роза. Зверев впервые немного смутился.

– Привет, – сказал он.



– Здравствуйте! Я вас помню, – сказала девочка серьёзным тоном. – Вы человек, которому мы все очень обязаны. Так мама говорит.

– Мама что же, обо мне иногда вспоминает?

– Очень часто. Она говорит, что вы мой спаситель.

Он оторвался от еды, вытер губы салфеткой и пожал плечами:

– Ты уж прости меня, злые люди пришли в мой дом и я вынужден прятаться от них.

– Вы же милиционер! У вас и пистолет, наверное, есть, почему же вы не убьёте всех тех людей, из-за которых вам пришлось покинуть дом?

Зверев смутился ещё больше.

– Видишь ли, Роза, эти люди не настолько плохи, чтобы я их убивал. Они не заслуживают смерти, просто они думают, что я плохой, а это не так...

– Вы не плохой! Плохими были те люди, которые держали меня взаперти. Вот их следовало убить, это точно.

В комнату вошла Рита и строго сказала:

– Ступай спать! Уже поздно!

– Ну, мама, можно я ещё посижу? Я не буду приставать к дяде, просто посмотрю на него. Тогда я была испугана и не успела как следует его рассмотреть. А я хочу его запомнить.

Зверев почувствовал себя неуютно, повреждённый на его лице нерв начал подёргиваться.

– Ступай! Для того чтобы наш гость победил своих врагов, ему нужен покой, а ты ему будешь мешать, – Рита обняла дочь, потом поцеловала в щёку и вывела за дверь. После этого она вернулась и встала у стены.

Зверев поднялся:

– Ты уж прости, что я вот так. Мне и впрямь некуда было идти.

– Перестань! – сказала Рита усталым голосом. – Даже если ты будешь приходить каждый день, я всё равно буду чувствовать себя обязанной. Ты спас самое дорогое для меня существо. Знаешь, налейка ты и мне.

Зверев налил водку в рюмки, они выпили. Осушив стопку, Рита немного ожила, её щёки начали розоветь. Он спросил, очевидно, потому что не мог не спросить:

– Я вижу, у вас всё хорошо?

– Болеслав снова играет в театре! Пока что ему не дают главных ролей, но он выступает регулярно, приносит зарплату, уделяет Розе время. Это так здорово! Ты не поверишь, как это здорово. Не пьёт! Вообще не пьёт! – Рита осеклась, прижав ладонь ко рту, видимо почувствовав, что сказала это громче, чем хотелось. – У нас теперь снова семья! У нас всё хорошо.

– Я знаю, что не должен был приходить! Когда всё кончится, я обещаю, что ты обо мне больше не услышишь!

Рита снова прижала ладонь ко рту, сглотнула и улыбнулась.

– Спасибо тебе. Спасибо за всё.

– Перестань! Я рад, что у тебя всё наладилось!

Рита отвернулась, кивнула и поправила лежавший на её плечах платок.

– Я постелила тебе в детской. Роза ляжет со мной. Не беспокойся, места для всех хватит.

– А муж? – смущённо спросил Зверев.

Рита резко обернулась и притворно сурово добавила:

– Найдётся место и ему! – После этого оба рассмеялись.

\* \* \*

Поезд должен был прийти в девять сорок, Зверев пришёл на вокзал раньше на целых полчаса и уже ругал себя за это. Сейчас, когда его разыскивает госбезопасность, он старался избегать людных мест, рискуя быть узнанным.

Дождь, который накрапывал всю ночь, так и не утих, но это было на руку Звереву. В солнечную погоду спрятаться было бы гораздо сложнее. Он кутался в воротник, но не столько от дождя, сколько желая скрыть от окружающих своё лицо.

*Он нуждался во времени и должен был во что бы то ни стало выиграть время! Одни сутки... Даже чуть меньше суток!!!*

Народу на перроне, несмотря на дождь, было много. Зверев с лёгкостью смешался с толпой. Сегодня на нём были шляпа с широкими полями, болоньевый плащ и кашемировый шарф, которым он обмотал лицо так, что над ним виднелись лишь глаза. Этим

одежьем Зверева надела Рита, позаимствовав его из старого гардероба Болеслава Яновича. Муж Риты был несколько крупнее Зверева, поэтому в этой одежде он чувствовал себя очень неудобно. Помимо всего, ему очень хотелось курить.

Зверев посмотрел на висевшие над перроном огромные вокзальные часы. До прибытия оставалось ещё несколько минут, и оглядевшись по сторонам и не увидев вокруг себя ни одного человека в форме, он наконец-то решился. Он сорвал с себя уже изрядно бесивший его шарф, раскурил папиросу и почувствовал некоторое облегчение.

Диспетчер гнусавым голосом сообщила, что с первого пути через две минуты отбывает московский поезд. Большинство пассажиров тут же ускорили шаг, провожающие отступили, и перрон несколько опустел. В этот момент из здания вокзала показались ещё двое. Плотного немолодого мужчину в шляпе и пиджаке в полоску сопровождала невысокая женщина в чёрной шляпке с огромным бантом. В руках у мужчины был небольшой чемодан, женщина шла налегке. Укрывшись одним огромным зонтом и рассекая как тараном толпу, эта парочка величаво направилась к пятому вагону.

Зверев тут же признал Зиночку и её влиятельного мужа. Загасив папиросу пальцами, Зверев отбросил её в сторону и поспешил намотать на себя свой злосчастный шарф. В этот момент его задел какой-то незнакомый парень.

– Эй, дядя, чё за дела?

Чуть больше двадцати, наколки на руках; парень всю дорогу скалился, словно нарочно стремился продемонстрировать окружающим две стальные коронки на передних зубах. Незнакомец подхватил выброшенный окурок и помахал им перед самым носом Зверева.

– Жируешь, фраерок, а люди в наше время голодают, когда ты такие козырные чинарики коцаешь. Нехорошо! – парень снова оскалился. – Ежели такой богатый, так может, угостишь нормальной папироской?

Зверев стиснул зубы и протянул парню пачку «Казбека». Тот, вместо того чтобы взять одну папироску, бесцеремонно вырвал у Зверева всю пачку и сунул её в карман.

– Эта намокла, – парень бросил под ноги только что подобранную им папиросу, а пачку, протянутую Зверевым, сунул в карман. – Так что покурим эти.

Парень резко подался вперёд, выдвинув нижнюю челюсть, гыкнул и собирался было уйти, но не успел. Зверев шагнул вперёд и ударил незнакомца носком ботинка по голени. Глаза парня округлились, рот приоткрылся, Зверев же в этот момент ухватил кисть противника и вывернул её так, что парень надул щёки.

– Стоять, фиксатый<sup>[36]</sup>! – процедил Зверев, крепко держа кисть противника и прижимая его к себе. – А ты ничего не забыл?

Парень заскулил:

– Чего забыл-то?

– Поблагодарить за папиросы – вот чего!

– Да пошёл ты! – Зверев ещё сильнее вывернул запястье. – Пусти! Пусти руку, сука, а то я тебя на шнурки порежу!

– Угрозы? Да неужели?

Зверев ударил ботинком по второй ноге фиксатого. Тот заскулил, его лицо стало похоже на перезревший помидор. Зверев слегка ослабил хватку и вывернул её снова со словами:

– А вот за суку я тебе могу и обе руки сломать!

– Всё! Всё! Я всё понял!

– Не слышу слов благодарности.

– Благодарствуйте. Спасибо за папироски.

– За папиросы поблагодарил, а теперь извинись за сказанное, – продолжал поучать хулигана Зверев, всё ещё держа его руку.

– Простите!.. Простите, пожалуйста! Я больше так не буду, мамой клянусь! Век воли не видать!

Зверев оттолкнул парня со словами:

– Топай, босота! И больше не смей к приличным людям приставать, а то закрою на всю катушку!

Парень тут же отскочил, испуганно огляделся по сторонам.

– Так ты что, мент?

– Вали, гадёныш, а то сейчас ещё и за мента ответишь!

– Если ты ме... в смысле из органов, то чего же ты шкеришься как мышь?

– А вот это не твоё дело. Проваливай, пока я снова не рассердился.

Фиксатый хмыкнул и протянул Звереву его «Казбек».

– Себе заberi, – сказал Зверев и направился вдоль перрона.

В этот момент раздалось шипение, и московский поезд тронулся с места. Не успел Зверев пройти и полсотни шагов, как его уже окликнули:

– Одну минуточку, гражданин! Предъявите документы! – Рядом со Зверевым откуда ни возьмись появился крепкого вида милицейский старшина с густыми усами.

*Вот и нарвались!!!*

– А в чём, собственно, дело? – поинтересовался Зверев, инстинктивно втягивая шею в плечи.

– Я видел, как вы только что ударили вон того парня! Предъявите документы, по-хорошему прошу.

Зверев начал шарить по карманам, судорожно соображая. Предъявить своё удостоверение он не мог. Если МГБ занялось им всерьёз, на него наверняка уже разосланы ориентировки по всем отделениям. Слава богу, что этот старшина был из районного отделения и вряд ли знает его в лицо. Провозившись не меньше минуты, Зверев пожал плечами и сделал возмущённое лицо:

– О чёрт! Похоже, этот щенок вытащил у меня бумажник!

Зверев продолжал стучать себя по карманам, наблюдая хвост уходящего поезда, идущего на Москву. Часы над головой показывали девять тридцать девять.

– Что вы говорите? – делано изумился старшина. – Документы он у тебя тоже вытащил?

– Что? Документы? – Зверев снова полез в карман. – Точно... и документы вытащил! Ты только подумай, старшина! Вот же дрянь какая!

Милиционер подошёл ближе.

– В таком случае вы должны пройти со мной в отделение, чтобы написать заявление.

– Зачем? Не нужно никакого заявления. Это же Лёха, племянник мой! Это он шутит так. Вечером приду домой и уши ему, стервецу, надеру! Будет знать, как чужие вещи брать.

– Лёха?... Племянник? Да что ты говоришь? Старшина крутанул ус и покачал головой. – Шутит он у тебя так...

– Шутит, шутит, – поддакнул Зверев.

– А ты ему за это уши надерёшь?

– Надеру! Непременно надеру!

– Видел я, как ты ему уши давеча крутил! Как только руку не сломал. Да-да, видел я всё, что ты тут вытворял. Парень-то после общения с тобой еле ушёл. Хромал, точно ему вагоном ноги переехало.

Наконец-то диспетчер объявил о прибытии. Зверев снова посмотрел на часы, поезд показался сквозь дождевую пелену.

– Ладно! Шутки кончились! – Старшина снова огладил усы, и лицо его вмиг стало суровым. – Гражданин, опустите шарф! Я хочу видеть ваше лицо!

Зверев нехотя стянул с себя шарф и глупо оскалился.

– Паша? Вот так встреча! А я смотрю, ты или не ты! А ты что здесь делаешь?

Зверев оглянулся, в нескольких шагах от него стояла Зиночка.

– Ты же вроде бы с мужем была? – сказал Зверев, чтобы сказать хоть что-то и выиграть время.

– А мой Герочка уехал! Да-да... уехал в командировку, в Москву. Так что до выходных я совершенно свободна, – Зиночка многозначительно улыбнулась и словно бы только сейчас заметила старшину и одарила его надменным взглядом. – Что вам нужно, товарищ? Какие у вас вопросы к Паше?

– К Паше? Значит, его зовут Паша! Очень хорошо, ну а фамилию вашу, гражданин, мы в отделении выясним, – пробасил старшина. – Пройдёмте! Поскольку у вас нет документов, вы задержаны для выяснения личности.

Глаза Зиночки округлились.

– Что вы такое несёте, милейший?

– А вы бы не вмешивались, гражданочка! – старшина козырнул и нахмурился ещё сильнее.

– Кого это вы тут собрались арестовывать? – Зиночка распалилась не на шутку. – Да вы хоть знаете, кто это?

– Я пока что никого не арестовываю. Этот гражданин задержан мной и проследует в отделение для выяснения личности.

Зиночка была чуть ли не на две головы ниже своего собеседника, но со стороны было трудно сказать, кто из этих двух одерживает верх. Зиночка держала в руках зонт и не замечала, как капли с него стекают старшине на фуражку.

– А чего тут выяснять? Это Зверев! Он милиционер, такой же как вы, только он старший... Я не знаю! Он начальник чего-то там... Зверев, ты совсем язык проглотил. Объясни же ему, кто ты такой.

Зверев тем временем напряжённо заглядывал в окна идущего мимо него поезда. Счёт шёл на минуты. Поезд уже сбавил ход. Увидев седьмой вагон, Зверев шагнул к нему. Старшина тут же ухватил Зверева за рукав и положил руку на кобуру.

«И зачем я только связался с этим фиксатом, – подумал себя Зверев. – Отдал бы ему пачку и всё, а он, видишь ли, не удержался...»

Всё, что произошло потом, заняло не более полминуты.

Зверев ударил милиционера в солнечное сплетение, тот крикнул и согнулся вперёд. Фуражка с его головы упала в лужу. Зверев налетел, и его кулак обрушился на бритый затылок. Старшина рухнул на перрон. Зиночка закричала, народ шарахнулся в сторону, вдалеке раздался свист. Метрах в полста от Зверева появились ещё двое в форме. Увидев, что старшина стоит на коленях, держась за голову, ещё два милиционера бросились к Звереву, расталкивая прохожих и выхватывая на ходу оружие. Зиночка продолжала визжать. Зверев вытянул шею. Наконец-то он увидел того, кого так долго ждал. Зверев схватил Зиночку за плечи и легонько потряхнул:

– Видишь парня в надвинутой на глаза кепке?

Зиночка вся тряслась и мотала головой. Зверев силой повернул женщину и указал на одного из пассажиров, только что покинувших седьмой вагон.

– Ступай к нему и передай, что через час я буду ждать его в том самом месте, где прятали Розу!

– Паша, прекрати! Прекрати сейчас же! Какую ещё розу? – верещала насмерть перепуганная Зиночка. – Я ничего не понимаю!

Зверев поднял голову, двое в форме приближались, времени объяснять что-то ещё у него уже не было. Зверев оттолкнул Зиночку и бросился по перрону. За его спиной, не умолкая, верещала трель милицейского свистка.

**Глава вторая,**  
***в начале которой Зверев усиленно борется со сном, а в конце грозит взорвать несуществующую гранату***

Уже под самое утро на город опустился густой туман. В тусклом свете фонаря всё казалось неподвижным, и лишь обрывок сорванной кем-то театральной афиши, свисая со столба, одиноко мелькал на осеннем ветру. Залаяла собака; подвыпившая компания с криками ввалилась в арку соседнего дома и будто бы растворилась в темени двора; громко звякнув, по кольцевой в очередной раз прогремыхал ночной трамвай, и снова всё стихло.

Возле поворота на Свердлова у дома номер три, как раз напротив здания Управления милиции, словно притаившись в зелени рябин, стояла серая машина, в которой сидели три человека. Майор Душков, начальник ОББ Центрального района – тот самый, что помогал Звереву при освобождении Розы Ковальской, сидел за рулём шестьдесят первого ГАЗа и клевал носом. На заднем сиденье, приоткрыв рот и откинувшись на спинку, тихо посапывал Веня Костин, время от времени что-то бурчал сквозь сон и причмокивал губами.

Зверев сидел справа от Душкова и напряжённо вглядывался в туман.

Несколько раз он доставал из кармана «Казбек», папиросу, мял её, нюхал и после этого снова засовывал в пачку. Всякий раз, когда его веки начинали опускаться, он кусал губы, тёр ладонями уши или же, намочив водой из фляжки носовой платок, протирали им лицо и шею. Услышав вдалеке гул проехавшего авто, Зверев в очередной раз насторожился. Когда гул стих, он расправил затёкшую спину, повернулся и ткнул сопящего Костина кулаком в живот.

– Смени меня, а то уже мочи нет, – пробормотал Зверев вполголоса.

Веня дёрнулся, протёр глаза и подался вперёд.

– Сколько времени? – спросил он, зевая.

– Начало четвёртого.



– Всё ещё верите, что они явятся? Что-то я в этом сильно сомневаюсь.

– А ты не сомневайся! В оба смотри и не засни, если проспешь... Ну да ты сам знаешь, что тебе тогда будет.

– Ой, напугали! – хмыкнул Веня.

– Чего? – Зверев повернулся и застонал, когда позвоночник его издал неприятный хруст.

– Да успокойтесь вы, Павел Васильевич! – воскликнул Веня, откидываясь назад. – Здоровье лучше поберегите, а то вон... скрипите уже, как столетний диван.

– Ротик закрой, салага! Это мы ещё посмотрим, кто из нас громче скрипит.

– Я не салага – я матрос бывалый! – с гордостью уточнил Костин. – Спите же уже, а я подежурю. Да не бойтесь, не просплю.

Зверев откинулся на сиденье, немного помял пальцем шею и тут же заснул.

\* \* \*

Он проснулся мгновенно, почувствовав, что кто-то трясёт его за плечо.

– Просыпайтесь, товарищ капитан, дождались!

Зверев едва не ударился носом о лобовое стекло:

– Сколько я спал?

– Да минут тридцать, не больше! – ответил Веня и начал трясти Душкова.

– Что, приехали? – поинтересовался майор.

– Приехали! Наша это машина, номеров не видно, но я её и без номеров узнаю.

Чёрная эмка неспешно остановилась у крыльца Управления, и из неё вышли двое, оба в форме, и взошли на крыльцо. Сквозь густую пелену тумана Зверев не сумел как следует рассмотреть ночных визитёров. Первый из прибывших, среднего роста и довольно плотный, немного суетился, второй, тот, который был немного выше, по всей видимости, чувствовал себя вполне уверенно. Первый нажал на кнопку у входной двери, примерно через минуту открылось

маленькое окошко. Первый что-то сказал охраннику, и массивная железная дверь тут же растворилась. Посетители вошли внутрь.

– Ну что, когда двинем? – подёргивая ногой, спросил Костин.

– Не спеши! Брать их нужно на выходе, – поражаясь собственному спокойствию, ответил Зверев.

– Паша, а ты уверен, что моя помощь не понадобится? – поинтересовался Душков.

– Оставайся здесь, ты чужой, тебя могут и не пустить, – ответил Зверев.

– А нас самих-то пустят? – усмехнулся Костин. – Мы ведь теперь оба в розыске.

– Я позаботился о допуске в здание, надеюсь, что мой план сработает!

Веня фыркнул, его нога задёргалась сильнее:

– А если не сработает?

– Если бы у бабушки была борода... Всё, хватит болтать! Пошли!

Зверев распахнул дверцу машины и решительно рванул к зданию. Веня, придерживая рукой карман, в котором у него лежал пистолет, бросился следом. Зверев взбежал по крыльцу и позвонил.

Когда в окошке появилось лицо охранника, Зверев, не дав никому опомниться, рявкнул:

– Дежурного позови! Быстро!

– Дежурного? Товарищ капитан, так вы же... Вас же ищут все!

– Бегом! Дело государственной важности! Чего ты стоишь, как пень? Бегом! Бегом!

Испуганный сержантик, дежурный по КПП, захлопнул окошко. В этот момент Зверева покинула его уверенность. Если что-нибудь не сработает... Зверев посмотрел на стоявшего рядом Костина, тот глядел на своего начальника с видом преданного пса.

*Сработает! Должно сработать...*

Примерно через пару минут окошко отворилось. В окне появилось лицо дежурного.

«Пшеничный, – вспомнив фамилию дежурного, процедил про себя Зверев, – тот ещё зануда! Этот может и не пустить...»

– Открывай немедленно! – сказал Зверев, стараясь сохранять спокойствие.

Пшеничный, полноватый старлей с круглым лицом и залысиной до темечка, покачал головой.

– Вообще-то согласно инструкции...

– Знаешь, где я видел твои инструкции! – рявкнул Зверев. – Тебе что, не передали приказ начальника?

Пшеничный хихикнул и склонил голову набок.

– От какого начальника?

– От Корнева, твою мать!

– Корнев вообще-то арестован, а вас и этого, – Пшеничный указал на Костина, который стоял за спиной Зверева и переминался с ноги на ногу, – разыскивает МГБ.

Зверев прокашлялся и прижался лицом к окошку.

– Слушай меня, старлей! Ты знаешь Корнева, ты знаешь меня, если ты сейчас же не откроешь мне эту чёртову дверь, я завтра же вышибу тебе пару зубов...

– Ладно-ладно! В конце концов, я получил приказ, и передан он был из надёжного источника, – пролепетал Пшеничный, и дверь тут же открылась.

Зверев ворвался в здание, оттолкнул Пшеничного и стоявшего за его спиной сотрудника охраны и словно волк, ворвавшийся в овчарню, огляделся по сторонам.

– Сюда только что вошли двое, где они?

– Взяли ключи от подвала и ушли, – робко вмешался охранник.

– Прекрасно! – воскликнул Зверев. – Веня, за мной.

Они прошли по коридору и свернули за угол. Для того чтобы попасть в подвал, нужно было спуститься на цокольный этаж. Зверев сбежал по лестнице и тихо окликнул Костина:

– Старайся не шуметь, встанешь справа от входа и сразу же бери на мушку того, кто выйдет первым. Не вздумай подпускать их к себе... обоих.

– А если попытаются подойти, – уточнил Веня.

– Стреляй!

– Стрелять? Ого... всё понял, товарищ капитан, – Веня занял своё место, достал пистолет и гулко выдохнул.

Они миновали галерею, прошли через цокольный этаж и увидели вход в подвал. Железная дверь, стоявшая в углублении, была прикрыта, но не закрыта на замок. Зверев на цыпочках подошёл к

двери и прислушался. Где-то вдалеке слышалось шуршание и скрежет. Зверев отошёл, поднялся по лестнице и спрятался в небольшой нише за косяком.

В полуподвальном помещении было темно. Стены местами пожелтели, где-то потрескалась штукатурка, дежурное освещение светило тускло. Над лампочкой с плафоном зелёного цвета порхал огромный мотылёк.

Прошло не меньше десяти минут, прежде чем Веня задал очередной вопрос:

– А о каком доступе вы недавно говорили?

– Чего? – не понял Зверев.

– Вы говорили, что позаботились о том, чтобы мы получили доступ в помещение. Нас разыскивают, каждый сотрудник должен принять меры и обеспечить наше задержание, а тут такое... нас не только не попытались задержать, но и пустили в здание.

– Сегодня вечером, часов примерно в двенадцать, по моей просьбе дежурному по Управлению позвонила Леночка Спицына!

– Леночка? Секретарь Корнева?

– Именно она! Должна была позвонить. Леночка должна была передать приказ Корнева на словах. Приказ был такой: обеспечить нам с тобой немедленный доступ в здание по первому его требованию.

– Но Корнев же отстранен! Вы же сами сказали, что обязанности начальника Управления исполняет Дорохов.

– Корнев отстранён, а Леночка нет! Леночка сказала дежурному, что всех нас отпустили, Корнев восстановлен в должности и завтра придёт на службу.

– Но это же... ложь?

Зверев скорчил гримасу.

– Леночка правая рука Корнева, разве она может врать?

– Да уж! Слово секретаря начальника так же священно, как и слово начальника, – рассмеялся Веня. – Это нам ещё Свистунов вдалбливал.

– А я что говорю!

– Постойте, а если бы Пшеничный позвонил Дорохову?

– Не позвонил бы!

– Но почему?

– Потому, что Леночка сказала ему, что нас всех отпустили, а Дорохова арестовали.

– Дорохова арестовали?

– Так сказала Леночка!

– Но за что?

– Веня, да какая разница? На самом деле никто его не арестовывал! Всё это блеф, дружище! Ты же картёжник! Мне ли тебя этому учить?

Веня закинул на затылок кепку, почесал подбородок пистолетом и покачал головой:

– Ловко вы всё обставили! А как же вам удалось убедить Леночку нам помочь? Она хотя бы понимает, чем рискует?

Зверев нахмурился и тоже вынул пистолет.

– Наверное, она это сделала ради Корнева, или нет?

Зверев почувствовал себя неловко.

– Не знаю! Она сама вызвалась помочь. Я её не принуждал.

Они какое-то время молчали.

– Я знаю, что вы вините себя за смерть Насти. Но вы делаете это напрасно, – вдруг словно бы ни с того ни с сего сказал Веня.

Зверев стиснул зубы – боль в спине снова напомнила о себе.

– Не напрасно! Я послал её в Печоры, и вышло всё так, как вышло! Я виноват и должен искупить вину!

– Вы послали с Настей меня! – воскликнул Веня. – Я должен был её охранять, а я не справился. Если кто и виноват в её смерти, то это я!

– Теперь не важно, кто виноват! Ты... я... кто-то ещё!

– Как не важно? А что же тогда важно?

– Важно лишь одно: мы знаем, что её убийца здесь, за этой стеной, и если мы с тобой не в силах вернуть Настю, то мы, по крайней мере, способны покарать того, кто лишил её жизни!

Зверев не смотрел на Веню, а пристально вглядывался вглубь коридора, рассматривая заветную дверь. Ну же, выходите, сволочи. Давайте, я знаю, что вы здесь. Оба здесь. От волнения на лбу выступил пот, боль в спине, которая донимала его последние дни, куда-то ушла. Несмотря на то что он ждал этого, появление человека в форме заставило Зверева вздрогнуть.

Из глубины тёмного коридора Зверев сумел хорошо рассмотреть «капитана».

Мужчина был плечист и хорошо сложен. Его кожа даже в свете мерцающего фонаря казалась бледной и, несмотря на уже довольно зрелый возраст – около сорока, не имела ни единой морщинки, очевидно оттого, что этот человек наверняка очень редко хмурился и улыбался. Серые глаза под тяжёлыми тёмными бровями казались пустыми и бесстрастными. Фуражка на ночном визитёре была слегка заломлена на бок, на кителе виднелись тёмные пятна от пота, на сапогах просматривался толстый слой пыли. В руках мужчина нёс сверток, завернутый в холстину и перевязанный бечёвкой.

Лишь только «капитан» миновал середину лестничного пролёта, Веня вышел из своего укрытия и громко крикнул:

– Стоять! Руки вверх... – и после этого уже немного тише зачем-то добавил: – Хэнде хох!

Ни один мускул на лице «капитана» не дрогнул, он даже и не подумал сбавить ход.

– Ты кто такой? – спросил «капитан».

Очевидно озадаченный таким спокойствием «капитана», Веня попятился назад и упёрся в стену. Пистолет, который Веня держал двумя руками, ходил ходуном.

– Стоять! Стоять, кому говорю? – в голосе Вени послышались совсем уже тревожные нотки. Он вопросительно посмотрел на нишу, в которой укрылся Зверев. – Стоять, не то буду стрелять!

Когда между ними осталось не больше пяти шагов, «капитан» вдруг резко швырнул в Веню свёрток. Веня снова шарахнулся назад и выстрелил. Пуля ударилась в бетонную стену, а «капитан» ухватил парня за рукав. В этот момент Зверев, который наблюдал всё это из тёмной ниши, нажал на спусковой крючок.

Грохот выстрела отразился от стен, «капитана» швырнуло в сторону. Всё ещё держа Костина за рукав, он сполз к нему под ноги, едва не утянув за собой. Только сейчас, немного придя в себя, Веня выдернул руку и отступил. Вдали раздались крики, послышался топот сапог. Зверев рванулся вперёд, присел возле упавшего на бетонный пол «капитана» и коснулся рукой его шеи.

– Ну вот и всё, – сказал он, не ощущая биения пульса, – отбежался.

Во всех коридорах зажёгся свет. Зверев достал носовой платок, через него, чтобы не оставлять отпечатков, достал у капитана из кобуры пистолет и вложил его в руку мертвеца.

– Чтобы не было лишних вопросов.

Пшеничный в сопровождении двоих сотрудников охраны показался на этаже. Зверев замахал рукой, приказывая укрыться.

– Ну Зверев... ну ты и гад, я тебя, значит, пустил, а ты... Что это? О чёрт? Ты что же, пристрелил капитана из МГБ? – застонал Пшеничный.

– Это не капитан, а оберштурмфюрер СС! – пояснил Зверев. – Если перестанешь скулить, в рапорте укажу, что ты проявил героизм при задержании нацистского преступника.

– Нацист? Откуда здесь нацисты?

– Откуда-откуда, из Германии, по всей видимости. А теперь закрой рот, нужно взять второго. Эй ты, твой приятель мёртв! – крикнул Зверев. – Если не хочешь последовать за ним, брось на лестницу оружие и выходи с поднятыми руками.

Из-за приоткрытой двери, ведущей в подвал, не было слышно ни звука.

– А может наш Фишер его того? Забрал икону и... – Веня чиркнул ногтем по горлу.

– Не стал бы он его убивать, а иначе как бы он отсюда вышел? – сказал Зверев вполголоса и снова повысил голос: – Выходи, Тень, или как тебя там? Всё кончено! Выходи, не то гранату брошу.

Зверев подмигнул всё ещё слегка ошалевшему Вене, за дверью послышалась возня.

– А ну!!! – рявкнул Зверев что было сил.

– Не надо гранату! Я выхожу, – послышалось из-за двери.

Дверь приоткрылась, на лестницу упал табельный наган и через приоткрывшуюся щель все увидели полноватое лицо майора Свистунова.

## **Глава третья,** *в которой преступник делает признание*

Корнев устроился за столом. Он восседал, прямой как жердь, положив руки перед собой, его пальцы были напряжены и сцеплены в замок. Шувалов и Славин сидели у стены, а Веня Костин устроился на излюбленном зверевском диванчике из красного дерева. Часы на стене громко тикали.

Резник сидел в уголке на стуле и сурово поглядывал на присутствующих. По его лицу казалось, что ему было скучно. Он то и дело прикрывал рот рукой, будто бы зевая, хотя периодически подёргивающая щека и сцепленные в замок пальцы говорили о том, что Резнику далеко не безразлично всё, что происходило в кабинете.

На отдельном постаменте, на специально привезённой подставке в углу под портретом Ленина стоял тот самый «Святой из Вифсаида». Апостол Андрей, апостол «рыбак», наречённый Первозванным за то, что был первым из тех, кого призвал за собой Христос. Выполненная сотни лет назад на специальной доске, особенными красками мастером своего дела икона казалась живой. Пусть краски немного потускнели, основа дала небольшие трещинки, но икона, по словам специально приглашённого эксперта, всё ещё обладала величием и чудотворной силой. Будущий святой был изображён в округлой лодке с веслом в руке. Он грёб и вглядывался вдаль. Согнутая спина, усталое лицо, глаза, наполненные сомнением и грустью. Зверев смотрел на изображение святого, и словно сквозь пелену тумана перед ним пролетало всё то, что было с ним связано.

Зверев морщился от боли, снова ужасно ныла застуженная спина, и нервно курил. То и дело прокручивая в голове события последних дней, он никак не мог поверить, что не уберёт Настю. Он вспоминал их последнюю встречу, ту, на празднике, когда после одного-единственного танца их отношения переменились. В тот день она стала совсем другой, и Зверев понимал, что и в нём что-то изменилось. В тот вечер он провожал её домой, и вопреки своим обычным принципам не сделал попыток напроситься на чай или ещё что-либо в



подобном духе. Зверев незаметно достал из кармана фотографию, на которой были они и человек, повинный в смерти Насти.

*Теперь Насти нет, а этот ублюдок – вот он, сидит прямо перед ним. Живёт, ровно дышит и даже время от времени улыбается.*

Свистунов сидел спиной к двери, слегка откинувшись на спинку стула, и ждал, когда всё начнётся. Он казался абсолютно спокойным и смотрел на оперативников без злобы, временами поглядывал в окно, думая о чём-то о своём. Свистунов был спокоен, но внутри Зверева закипала ярость.

– Ну что, Леонид Павлович, сам всё расскажешь, или тебе помочь? – начал допрос Шувалов, почувствовав, что молчание затянулось.

– А вы спрашивайте, что вас интересует, может, и отвечу, – ответил Свистунов с лёгкой иронией в голосе.

«Он ещё и скалится, сволочь, – отметил про себя Зверев. – Ну погоди, скоро ты запоёшь по-другому». Шувалов продолжил:

– Тебя с поличным взяли, отпираться бесполезно.

– Так я и говорю, спрашивайте, чего уж там.

– Тебе вменяется убийство Леонида Комелькова, конвойного Лычкина, антиквара Боголепова, а также нашего криминалиста Анастасии Потаповой...

– Я не убивал Настю! – воскликнул Свистунов.

– Настю и Алевтину Тихоновну убил Фишер, – сказал Зверев.

– А Верку Карасёву ты тоже не убивал? – строго спросил Корнев.

– Проститутку? Тогда в сорок первом? Нет, не я!

– Кто же тогда?

Свистунов глубоко вздохнул, выдохнул воздух, надув при этом щёки, и в этот момент словно вновь обрёл свою прежнюю, так всем привычную, словоохотливость.

– Верка была красивой бабой и умела доставлять мужчинам удовольствие. Тогда я служил участковым в Печорах, это было ещё до войны. Мы называли её Мотылёк, она была красива и пользовалась спросом. За то, чтобы она работала на моём участке, я не брал с неё деньги, но со мной она расплачивалась сполна, – Свистунов облизнул губы, мечтательно отвёл взор. – Когда она заявила ко мне среди ночи вместе с этим козлобороды сопляком, я был сильно удивлён. Обычно мы общались у неё на квартире, а тут ко мне домой... Она выглядела

возбуждённой, вопреки обычному была не покрашена и казалась от этого старше.

– Это случилось в тот день, когда Верка убила Мартына с Жилой? – уточнил Шувалов, по ходу рассказа он всё записывал в большой блокнот.

– Тогда я ещё ничего не знал ни про ограбление монастыря, ни про смерть людей Архимеда. Верка пришла с этим Савелием и попросила пристанища. Она сказала, что попала в беду и ей больше не к кому обратиться.

– Судя по всему, ваши отношения были довольно близкие, раз она обратилась именно к вам, – продолжал допрос Шувалов.

Свистунов оскалился:

– Со всеми своими мужчинами у Верки были отношения ближе некуда. Она пришла ко мне, потому что я мент, я мог дать ей больше, чем кто бы то ни было!

– Ты пустил их к себе в дом?

– Ещё чего? Я послал их к чёрту, и тогда она рассказала про икону. У неё не было выбора, поэтому она рассказала всё и пообещала мне треть от вырученного. Тогда я не особо поверил, что икона имеет такую ценность, но согласился им помочь. Я поселил их в одном из старых домов на Коммунальной. Это было как раз на вверенном мне участке. Хозяйка дома, одинокая старуха, не так давно скончалась, а родственники не спешили объявляться. Я проводил их в Борисовичи и велел не высовывать носа из хаты. Я сам носил им еду и сообщал последние новости. Наведя справки, я понял, что Верка не врала. Икону и впрямь можно было продать за огромные деньги, но для этого её нужно было вывезти из страны. Я искал способы, но обстановка на границе была беспокойной. Был май сорок первого, сами помните, что тогда творилось на границе.

– Спутник Верки тоже жил с ней в том доме, про который ты говоришь?

Свистунов поёжился, скривил лицо и процедил:

– Мне никогда не нравился этот сопляк. Когда я навещал Верку, я пару раз просил у неё аванс, пока мы не продали икону. Я предлагал ей расплатиться, но она заявляла, что завязала со своей прежней работой и теперь собирается замуж. Вы только подумайте! За кого? За этого хилака монаха! Как-то раз, когда мне было особенно не по себе, я

явился к ним, посмотреть, что да как. Я отпер дверь своим ключом, у них был врезной замок, а задвижки не было. Верка и Савелий спали в одной постели.

Лицо Свистунова вдруг стало жёстким.

– Ты был пьян? – поинтересовался Шувалов.

– Да, я был пьян! Что в этом такого? – Свистунов почесал подбородок, ухмыльнулся. – Верка была красивой бабой, и до этого она мне никогда не отказывала. Я растолкал Верку и потащил её в другую комнату, – Свистунов хмыкнул. – Она какое-то время упиралась, но потом уступила. Она так возбудилась, что начала стонать. Это-то и разбудило этого полоумного монаха. Он набросился на меня как дикая кошка. Не столько пытался бить, сколько царапался и визжал своим противным голоском. Я ударил его. Не сильно, но он упал и, ударившись об косяк, вырубился. Верка тут же бросилась к нему, стала обнимать, кричала, что я негодяй, что я его убил. Всё желание продолжать начатое у меня враз пропало. Этот щенок расцарапал мне лицо, я промыл рану водкой, махнул рукой и вышел из дома. Потом я где-то бродил, много пил прямо из горла и не помню, как вернулся домой.

В Борисовичи я в очередной раз явился лишь спустя несколько дней. Дверь была не заперта, войдя в дом, я обнаружил там Верку. Этот ублюдок удушил её и сбежал.

– А что случилось с иконой? – задал очередной вопрос Шувалов.

– Сначала я и не вспомнил про неё. Если бы в доме нашли труп, следы всяко привели бы ко мне, так как многие знали, что у меня был ключ, и видели меня в Борисовичах. Поэтому я ближайшей ночью раздобыл повозку и, закатав тело Верки в старый ковёр, вывез её подальше на пустырь. Только после этого я вспомнил про икону. Поначалу я не хотел туда идти, но потом решился. Я считал, что Савелий, убив Верку, забрал икону с собой, но когда я пришёл туда в очередной раз, то нашёл её в подвале под мешками с картошкой. Я перепрятал икону и до поры до времени больше её не трогал. Когда тело Верки нашли, я очень боялся, что где-то просчитался, и это убийство припишут мне, но мне повезло.

– Началась война, немцы стремительно наступали, и всем было уже не до смерти какой-то там распутной девицы, – подытожил Зверев.

– Что случилось потом? Как икона попала к Фишеру? – спросил Шувалов.

– В июле сорок первого в Печоры вошли немцы. Я был призван, но повоевать практически не успел. Мы попали в окружение, потом – плен, и я угодил в Кресты. Там-то я и познакомился с Фишером.

Свистунов нервно поёжился и обратился к Звереву:

– Васильевич, дай, что ль, закурить!

– Ты же у нас не куришь! – процедил Зверев. – Сам же всем говорил то и дело, что курить вредно.

– Дай, Паша, не в моём положении теперь молиться о здоровье. Суд, приговор, а потом стенка?

Было отчётливо видно, как подрагивают его пухлые щёки.

– Будь моя воля, я бы тебя, суку, прямо сейчас кончил... – Зверев демонстративно убрал лежавшую возле него пачку в карман и отвернулся.

Корнев махнул рукой, и Славин тут же встал и протянул Свистунову портсигар и спички. Когда тот закурил, он продолжил рассказ:

– Страх, Паша! Никто ещё не придумал от него противоядия. Многие спасаются водкой, кто-то курит, мечтая успокоить нервы, наверное, есть ещё что-то... Я не знаю. Немцы уж больно хорошо всё это как-то объясняют, но сейчас не об этом. Итак, я угодил в Кресты. Шансов выжить в этом жутком месте у меня практически не было.

Коммунист! Сотрудник НКВД!

Заметьте! Я сказал – «практически»! Но я выжил.

Вы спросите, как? Я отвечаю: я просто хотел жить.

Увидев, как Зверев скомкал в кулак ещё не погасшую папиросу, Свистунов стал говорить быстрее и громче. Теперь он уже не казался таким невозмутимым и бесстрашным, как это было в начале допроса.

– Мой тёзка Лёнька Комельков рассказал вам про «милость Фишера», про это знали все заключённые. Об этом говорилось, обсуждалось, но никто не агитировал и никто не призывал от неё отказаться. Когда нас выгнали на плац, и Фишер вальяжной походкой и со своей едкой ухмылочкой вышел к нам покрасоваться, я огляделся по сторонам. Евреи, бывшие офицеры, не способные к работам старики и старухи – одним словом, расходный материал. Я всё понял. Когда Фишер начал говорить, а по-русски он говорил без акцента, я, услышав

о лёгкой смерти, выскочил и прокричал: «Хочу! Готов на всё, чтобы умереть мгновенно!» Я помню его улыбку и его торжество.

Он спросил, кто я. Я ответил всё без утайки. Он спросил что-то еще, и я начал отвечать на вопросы. Как я понимаю, большинство из тех, кому суждено было познать «милость Фишера», были немногословны, они тряслись от страха и были скованны. Я же, несмотря на то что сердце моё уже давным-давно ушло в пятки, вёл себя раскованно и много говорил. Фишер был жестоким человеком, он был настоящим садистом, а у таких людей обычно не бывает друзей. Они очень одиноки, поэтому Фишеру постоянно был нужен собеседник. Знаете, говорят, что приятным собеседником является не тот, кто умеет красиво говорить, а тот, кто умеет слушать. Фишер был чертовски «приятным» собеседником! Я же стал для него настоящей находкой.

Я знаю, вы все подшучивали надо мной, считая, что я много болтаю и могу поддержать разговор и рассуждать на любую тему. Смейтесь же, но знайте... В тот момент моё умение спасло мне жизнь. Фишер скучал. Бесконечные опыты над людьми, издевательства над поверженным врагом... всё это было от элементарной скуки. Именно скука и заставляла его искать новые и новые развлечения. Когда вечером меня привели к нему в кабинет, он дал мне еды и самогона, очевидно, для того, чтобы развязать язык, но я не стал пить. А язык у меня всегда и без водки был хорошо подвешен. Сейчас я уже не помню, о чём мы говорили с ним, но он меня слушал. Я говорил и видел в его глазах интерес. Когда он задавал вопрос, я всегда давал ответ. Ну а когда он стал хвастаться своими познаниями в искусстве и завёл речь о своей коллекции, я вдруг вспомнил о припрятанной иконе. Я рассказал об её создателе. О том, как многократно икону пытались похитить, какую чудотворную силу она имела. И он меня слушал! Этот изошрённый убийца и садист забыл обо всём. Он спросил, что стало с этой иконой, а я ответил: «Я готов вручить её вам, херр Фишер, за небольшую плату». – «Какую же плату ты хочешь?» – спросил он. – «Безделицу для вас, но очень ценную для меня вещь – мою жизнь!»

Свистунов сунул папиросу в зубы, затянулся. Он даже не заметил, как она погасла. Снова чиркнув спичкой, он втянул дым, закашлялся и со слезами на глазах продолжил с надрывом:

– Этот мерзавец остудил мою праведную ярость холодным смехом. Он, если захочет, то я и так отдам ему икону. У него имеются тысяча и один способ заставить меня говорить, и он может получить икону без каких бы то ни было условий! И тут я совершил, пожалуй, самый храбрый поступок за всю свою жизнь. Я сказал: «Я отдам вам икону лишь в обмен на обещание сохранить мне жизнь!» Он задумался и велел конвою меня увести.

Меня отправили в барак. До конца ночи я трясся, как заяц, не зная, сумел ли я тронуть душу этого изувера, и наутро, когда нас всех вывели на плац, меня вытащили перед строем. Все, включая меня, знали, что сейчас будет. Когда Фишер подошёл, я был уверен, что сейчас он ударит, и моё сердце остановится. Все застыли от ожидания, и он прошептал так, чтобы лишь я один его услышал: «Когда я коснусь твоей груди, ты почувствуешь боль. Упади замертво. Никто не должен понять, что ты победил». Я был в замешательстве. В этот момент он ударил! Я инстинктивно рухнул к его ногам, застыл и лишь спустя минуту или две понял, что я жив. Меня утащили за ноги и бросили в пустой барак, а вечером меня снова привели к нему. На следующий день мы выехали в город, и я отдал ему икону. Потом мы с ним часто беседовали по душам. Говорили о творчестве, о живописи, о религии. Он поручал мне какие-то дела, давал книги, читал их сам, и мы обсуждали прочитанное. Я всегда прятал своё лицо, боясь видеть осуждение своих бывших товарищей по несчастью, так я стал Тенью. Потом мне было разрешено самостоятельно ходить по территории лагеря. Потом... – Свистунов запнулся.

– Потом он рассказал тебе секрет своего удара! – процедил Зверев. Свистунов вздрогнул, его руки задрожали.

– На тренировку ушли годы. Я не мог тренироваться на людях, и отрабатывал удар лишь на манекене. Специальном манекене, который Фишер приказал изготовить специально для меня. Однажды в порыве щедрости он велел мне отработать удар на живом человеке! Я не смог. Когда я ударил, заключённый, который был выбран в роли жертвы, упал, захрипел, но остался жив. Фишер отругал меня, назвал никчёмной русской свиньёй и не общался со мной целый месяц.

– Потом пришли наши, и твой Фишер с позором покидал эти места, – продолжил Зверев. – Он спрятал икону в подвале этого здания и после войны решил, что сумеет её забрать. Он сразу же пришёл к

тебе после того, как вернулся в Псков, или после того, как его опознал старик Дудукин на площади Жертв Революции?

– Фишер приехал сюда, не зная, жив я или нет. Мы потеряли друг друга в момент наступления Красной армии. Фишер раздобыл удостоверение сотрудника милиции, где-то заимел форму и пришёл всё разведать. Тут-то его и узнал этот ваш старик. Фишер убил его, не задумываясь. В тот день он увидел меня возле здания и проследил за мной. Он явился ночью и сказал, что я должен помочь ему попасть в здание Управления. Я сразу понял, что это неспроста. Я догадался, что ему что-то нужно, а этим чем-то может быть только «Святой Вифсаид». Фишер спрятал икону в подвале, но не сказал, где именно.

– Фишер не доверял тебе? – уточнил Шувалов. – Ты ведь спокойно мог проникнуть в подвал и забрать икону!

– Вот именно! Но эта фашистская сволочь упёрлась. Он сказал, что должен попасть в здание милиции и всё сделать сам. Я искал способ, как провести Фишера в подвал, но не знал, как обойти охрану. Это было слишком рискованно. Когда этот урка меня узнал, я был потрясён...

– И тут ты впервые, – уточнил Шувалов, – использовал удар Фишера.

– Он начал кричать как оголтелый, что мне оставалось делать? Я ударил конвойного в грудь, всё получилось. Он захрипел, начал задыхаться и упал замертво. Я хотел ударить и Лёньку, но он перепугался насмерть и закрыл грудь руками. Тогда я просто проломил ему голову пистолетом. Я увидел рисунок Лёньки. Узнав на рисунке Фишера, я разорвал рисунок на мелкие кусочки в ближайшем туалете и смыл его в унитаз. Потом я вытер рукоять от крови и присоединился к толпе, которая собралась вокруг убитых.

– Когда ты начал подслушивать то, что мы говорили? – спросил Корнев.

– Почти сразу! Я имею доступ к любым помещениям. Ночью я, придя на проверку службы, вошёл в подсобку, просверлил дыру и время от времени слушал, о чём вы там говорите. Узнав о том, что Боголепов был в Крестах, я снова запаниковал.

– И услышав про то, что я собираюсь угостить свидетеля табаком Карена Робертовича, он сбрызнул открытую пачку ядом, – пояснил Зверев.

– Фишер был химиком, он научил меня многому, – добавил Свистунов. – Я всегда ношу с собой яд, на всякий случай...

– Когда Потапова собиралась идти к очередной свидетельнице, заступая на дежурство, я запаниковал. Мало ли что могла наболтать эта старая гримза. Нужно было действовать быстро.

– И он позвонил Фишеру, дал ему адрес нашей новой свидетельницы и приписал к номеру дома единицу! – пояснил вместо Свистунова Зверев.

– Да! Так я надеялся выиграть для него время. Я очень рисковал, но мне снова повезло.

– Если бы я сразу посмотрел на адрес и запомнил бы его, то этот финт с единичкой не удался бы, но я не посмотрел. Если бы посмотрел, то в число подозреваемых попал бы один Голобородько, а так как листок с адресом пролежал на моём столе несколько часов, то выходило, что любой из вас мог бы дописать в нём цифру, пока я уходил из кабинета.

– Значит, ты подозревал нас всех? – уточнил Шувалов.

– Да, вас пятерых! На групповом снимке было семь мужчин. То, что я не Тень, я знал, также я исключил и нашего начальника. Оставались пятеро, и любой из вас мог вписать единицу в листок с адресом. Все, включая Карена Робертовича.

– Так вот зачем вы у меня спрашивали, заходил ли он, пока вас не было! – воскликнул Веня. – Итак, вы подозревали нас пятерых...

– Но ведь Свистунова не было на фото! – заметил Корнев. – Как же ты догадался, что Тень – это он?

Зверев оглядел присутствующих.

– Пусть уведут заключённого. Я думаю, что он нам больше не нужен, – сказал он.



**Глава четвёртая,  
в которой Зверев демонстрирует неплохое  
знание языков, а потом ещё и умудряется  
вогнать в краску весьма привлекательную особу**

Когда Свистунова увезли, Зверев подошёл к Костину и отвесил ему дружеский подзатыльник.

– А ну, кыш с моего места!

Веня тут же освободил диван, и Зверев развалился на нём.

– По словам Алевтины Артюховой, Тень был на фотографии, сделанной на празднике. Получалось, что именно Тень мог свободно перемещаться в здании, следить и подслушивать наши беседы, и именно он мог убить Комелькова, конвойного Лычкина и антиквара. Первым я исключил Карена Робертовича. Перед смертью Комельков успел сказать, что его ударили в грудь, а после этого убийца ударил его пистолетом по голове. Начмед никогда не носит с собой оружие, поэтому он не мог убить Лёньку. То же самое можно было сказать и о тебе, Вениамин, – обратился Зверев к Костину. – В день убийства Лёньки ты ещё числился в дежурной части, а у вас принято носить оружие только на службе. В тот день ты сменился с дежурства и сдал свой пистолет. Голобородько тоже не получал оружие в день смерти Лёньки, я проверил это по книгам. Славин и Шувалов могли убить Лёньку, но в день смерти Боголепова оба были на выезде. Вы все начали подозревать Костина, потому что он исчез, но я-то знал, куда он делся.

– После смерти Насти Павел Васильевич велел мне тут же ехать в Печоры и собрать все сведения о смерти Верки Карасёвой, – пояснил Костин.

– Мне с самого начала казалось, что отгадка кроется в Печорах, и я не ошибся. Прочтя внимательно отчёт Насти, я задался вопросом, кто же всё-таки убил Верку? По всему выходило, что это сделал Савелий, но он любил Верку. Значит, если он действительно убил любимую женщину, то для этого должна была быть причина. Причём довольно веская. Согласитесь?

Пообщавшись с жителями Борисовичей, Веня выяснил то, что наших похитителей определил на постой не кто иной, как местный участковый.

– Когда я приехал в Борисовичи, то начал расспрашивать всех про найденный на пустыре труп Веры Карасёвой, – пояснил Веня. – Поначалу от меня все отмахивались, но когда я сумел разговорить местного почтальона, его услышала проходившая мимо баба. Почтальон рассказал про Верку и её спутника, уверял, что это он убил женщину, но баба заспорила. Она прямо заявила, что это Виля-участковый её убил. Тут на крик собралась целая толпа, все спорили, и я поначалу ничего не мог понять. Выходило, что участковый привёл в дом Верку и Савелия, а потом Савелий пропал, а Верку нашли мёртвой.

– Ты лучше скажи, как называли того участкового, – попросил Зверев.

– Местные бабы называли его Лёнька Виля! – Костин виновато пожал плечами. – Тогда я даже и не подумал, что это вовсе не фамилия.

– Веня сказал, что фамилия участкового Вилья, и я тут же насторожился. Когда я выяснил, что Виля<sup>[37]</sup> – это прозвище, я сразу вспомнил о человеке, вполне соответствующем своей фамилии, о нашем любителе поговорить – Леониде Павловиче Свистунове! Заглянув в личное дело Свистунова, я узнал, что до того как попасть в наше Управление, он действительно работал участковым в Борисовичах. Я начал рассуждать и домысливать. Участковый вполне мог присвоить себе икону и в конце концов оказаться Тенью! Но вся загвоздка была в том, что его не было на общем фото. В день вашего ареста я имел удовольствие обедать с нашей очаровательной Леной!

– С моим секретарём? – удивился Корнев. – Это становится ещё интересней.

– Не беспокойтесь, товарищ подполковник, мы всего лишь встретились в заводской столовой и кое о чём побеседовали.

– Ему помогают исключительно особы женского пола, – съязвил Шувалов.

– О чём шла беседа? – не обратив внимания на следователя, задал очередной вопрос Корнев.

– Беседа шла о женской сущности!

Подполковник хмыкнул:

– О женской сущности! Подумать только! Зная Пашу Зверя, в этом нет ничего удивительно!

– Наконец-то и он это понял, – пролепетал Шувалов.

Так же не обращая внимания на ворчание Шувалова, Зверев продолжил:

– Ну тогда и не удивляйся. А начал я про это лишь потому, что в ходе нашей беседы пошла речь о фотографиях. Разговаривая о женской сущности, я кое-что вспомнил.

– Ты это о чём? – воскликнул Корнев. Все насторожились.

– Ещё до того как сделать общий снимок, Боря Штыря сфотографировал нас с Настей. Он снял нас исподтишка. Настя тогда, испугавшись, прикрыла лицо рукой. Боренька тогда очень ругался за испорченный кадр. Однако он всё же распечатал это первое фото, где мы были вдвоем, и отдал карточку Насте. Та, как любая женщина, никому не показала фотографию, где она вышла с прикрытым руками лицом и с испуганным видом. Настя просто положила карточку к общим фото, но именно её увидела Алевтина Тихоновна и на ней увидела Тень.

– Но ведь Штыря снял вас с Настей двоих... – воскликнул Веня.

– Всё так, но не совсем! Когда вас всех арестовали, и я временно был вынужден скрываться от наших коллег из госбезопасности, я попросил Леночку отыскать Бореньку и попросить его распечатать мне снимок, где мы были с Настей вдвоём. Леночка, как образцовый сотрудник, всё сделала как нужно. Она принесла мне этот снимок, вот он! – Зверев достал из нагрудного кармана небольшой фотоснимок и протянул его Костину. – Увидев его, я сразу всё понял.

Веня схватил протянутое ему фото и аж присвистнул:

– Гляньте, как всё просто. Здесь Свистунов! Похоже, он случайно попал в объектив.

Все сгрудились, каждому хотелось увидеть предоставленное Зверевым фото. Фотография и впрямь вышла смазанной. Настя прикрыла половину лица, Зверев вышел нечётко. Кроме того на фото попал случайный человек. Из-за плеча Зверева выглядывал Свистунов.

– Похоже, он даже не заметил, что попал в кадр, – воскликнул Корнев.

– Снимок действительно вышел ужасным, – подытожил Зверев, – но не настолько. Алевтина Тихоновна, увидев у Насти именно это фото, узнала на нём Тень.

– И что же дальше? – воскликнул Корнев. – Как тебе удалось выйти на Фишера?

– Всё очень просто. Когда я понял, что Тень и Свистунов – одно и то же лицо, я стал размышлять. Зная то, что в здании Управления раньше был немецкий штаб, я сразу понял, что икона скорее всего где-то в здании. Нужно было лишь спровоцировать Свистунова, и я это сделал.

– Но как?

– После того как вас всех арестовали, я решил не попадаться на глаза ни вам, дорогие коллеги, и уж никак не госбезопасности, – Зверев учтиво кивнул Резнику, тот усмехнулся. – Потом я, соблюдая меры предосторожности, отправился встречать Веню, который сообщил мне о своём возвращении телеграммой до востребования.

– Я так понимаю, что встреча тоже не обошлась без накладок, – улыбнулся Костин. – Выхожу я, понимаете ли, из вагона, а там суета, дежурные свистят, чуть ли не палят в небо, а наш товарищ капитан летит от меня как угорелый. – Зверев, сдерживая улыбку, погрозил Костину кулаком, но тот не унимался. – Потом какая-то дама, весьма привлекательной наружности, хватает меня за руку и тащит за собой. Я поначалу обрадовался, но когда она сообщила, что её прислал Павел Васильевич, немного сник. Так вот, эта барышня сообщила, что товарищ капитан ожидает меня в одном известном лишь нам месте.

– Венечка, давай без подробностей, – делано возмутился Зверев. – Когда Веня сообщил мне про участкового по прозвищу Свисток, я уже не сомневался в том, кого мы ищем. Можно было брать Свистунова, но нам был нужен ещё и Фишер. Как же без него. Тогда я позвонил Леночке Спицыной и попросил её как бы невзначай сообщить Свистунову, что госбезопасность на следующий день собирается делать полный обыск здания. Я был уверен, что это подтолкнёт Свистунова, и он совершит ошибку. Всё так и случилось. Леночка отлично справилась со своей ролью. Она сказала Свистунову, что случайно подслушала разговор Резника с его людьми, и убедила нашу Тень в том, что икона может быть обнаружена. Зная, что ни Корнева, которого он сильно боялся, ни Голобородько, который находился всё

время рядом и был в курсе многих дел в дежурной части, ни меня, в конце концов, в Управлении больше нет, Свистунов под видом сотрудника МГБ решил провести Фишера в здание. Мы же с Веней устроили на него засаду, а остальное вы знаете, – Зверев вздохнул с облегчением. – Вот, пожалуй, и всё, что я хотел вам поведать на этот счёт.

На протяжении всего выступления Зверева капитан госбезопасности Резник хранил молчание. Когда Зверев закончил, он поднялся и торжественно заявил:

– Ну что же, видимо, на этом можно будет поставить точку. Теперь, когда Фишер мёртв, а Тень сидит за решёткой, свою миссию я считаю законченной. Всем вам спасибо за хорошую работу, а теперь позвольте откланяться. Дело ещё не закончено. Нужно будет идентифицировать труп Фишера. Одним словом, честь имею, товарищи.

Когда Резник вышел из кабинета, Зверев заявил:

– Это будет непросто. Тех, кто может его узнать, найти будет очень сложно. Мы это уже проходили.

Веня же процедил:

– Мог бы и извиниться за то, что столько вас мурыжил, а нас, как крыс, заставлял по норам прятаться.

Корнев строго посмотрел на парня, тот опустил голову, а Зверев сказал примирительно:

– Давайте забудем про все обиды и порадуемся тому, что всё наконец-то закончилось. И ещё, товарищи, я думаю, теперь самое время поприветствовать также нашу героиню, без которой нам бы ни за что не удалось поймать злодеев.

Он вышел за дверь, и через мгновение в кабинет вошла сияющая и немного покрасневшая от смущения Леночка Спицына.

*г. Псков, городское кладбище, примерно месяц спустя...*

Голые деревья, возвышавшиеся по обеим сторонам асфальтовой дорожки, паучьими лапами устремлялись к небу и плавно растворялись в тумане. Накануне выпал снег и слегка припорошил осеннюю грязь пушистым белым ковром. Опавшие листья, искореженные и сморщенные, шуршали на повлажневшем асфальте и настырно липли к ногам. Они шли не спеша, перешагивая лужи, в

основном молчали, каждый думал о чём-то своём. Облезлая псина, лежащая прямо посередине дороги, увидев идущих людей, неторопливо поднялась и поковыляла к кустам, тут же прямо под ногами меж бордюров бродили и курлыкали, выпрашивая подачку, нахальные сизари.

Корнев, облачённый в фуражку и шинель, шёл первым. Зверев в надвинутой на лоб кепке кутался в ворот чёрной куртки и немного отстал.

Когда миновали часовенку, стоящую у входа, они встретили пожилого дворника. Тот жёг мусор и опавшие листья. Увидев шагающего по дорожке подполковника милиции, он приподнял кепку и учтиво кивнул.

Могилу Насти они отыскивали без труда, несмотря на то что кладбище после её похорон значительно разрослось. Выкрашенный в зелёный цвет памятник в виде пирамиды с заострённым верхом, увенчанный красной звездой; запылившиеся венки и фотография Насти в рамочке. Когда они подошли к ограде и встали в проходе, Зверев закурил.

– Меня снова вызывают в Главное Управление, – наконец-то нарушив затянувшееся молчание, заговорил Корнев. – Будет Резник и ещё кто-то из его коллег. Возможно, ты тоже понадобишься.

Зверев выдохнул дым и поморщился.

– Это ещё зачем?

– Они ещё раз хотят проверить твои показания! Вроде бы появились какие-то вопросы, – пояснил Корнев. – Они так и не могут идентифицировать труп Фишера. Они всё это время упорно искали тех, кто мог бы его опознать, но, видимо, так и не нашли.

Зверев усмехнулся:

– Меня это не удивляет! Наш Лёня слишком хорошо позаботился о том, чтобы Фишер остался неузнанным. Но мы-то с тобой знаем, что это был он. Или ты тоже сомневаешься?

– Нет! Я не сомневаюсь, что ты прикончил эту сволочь, кстати, а я ведь так до сих пор и не извинился перед тобой.

– За что? – удивился Зверев.

– За то, что усомнился в тебе, за то, что передал дела другим и помешал тебе довести дело до конца так, как ты хотел.

– Перестань! Что получилось, то и получилось! Фишер найден, Свистунова ждёт трибунал, а кстати, они уже определились, что сделают с иконой?

– Резник сказал, что по окончании дела её передадут московскому музею.

– Жаль!

– Почему жаль? А ты бы как с ней поступил?

– Вернул в монастырь!

Корнев фыркнул, хотел было что-то возразить, но, немного подумав, передумал.

– Мы сделали главное, Пашка, а икона теперь не наша забота.

Они снова помолчали. Когда Зверев раскурил вторую папиросу, Корнев спросил:

– Паша, скажи, а ты бы выстрелил, если бы Фишер сдался добровольно?

Зверев дёрнулся, его глаза сузились, он отвернулся.

– Тебе так важно это знать?

Корнев пожал плечами:

– Не хочешь, можешь не отвечать...

– И не буду! Всё случилось так, как это случилось. Случилось так, как ты хотел... и так как хотел я: мы посчитались за твоих близких, мы посчитались за Настю.

– Конечно, я же сказал, что очень тебе за всё благодарен. Я всё понимаю...

– Что ты понимаешь?

– Ну как что... Настя была тебе очень близка...

Зверев обернулся и выкрикнул с надрывом:

– Кто тебе это сказал?

Корнев опешил:

– Леночка.

– Ничего она не знает, твоя Леночка! Леночка ему сказала, – Зверев так стиснул папиросу, что та сломалась.

Он выбросил обломленный мундштук.

– Давай успокоимся, Паша! Я обещаю, что больше не стану лезть к тебе в душу, если тебе этого не хочется. Кстати, у нашей Леночки, похоже, появился ухажёр!

Зверев склонил голову на бок.

– Лётчик?

– Почему лётчик? – удивился подполковник.

– Неважно! – Зверев махнул рукой. – Кстати, ты говорил, что тебе нужно ехать в Главк.

Брови Корнева взлетели, но тут, видимо, поняв, в чём дело, он засуетился.

– Точно! Мне уже пора, а ты...

– Я останусь! Пройдусь.

– Да-да, оставайся.

Они пожали руки, и подполковник отправился к выходу. Зверев же ещё долго стоял у ограды и думал.

Он думал о Рите, которая как-то при встрече сообщила ему, что ждёт ребёнка. Ковальский снова получил главную роль и теперь в семье у них всё хорошо. Зверев думал и о Зиночке, которая на днях сообщила ему, что уезжает в Москву. Супруг Зиночки не зря так много ездил в командировки. Он нашёл себе новую должность в столице, и Зиночка была вне себя от счастья. Когда они прощались, Зверев совсем не почувствовал огорчения, скорее наоборот.

Больше всего Зверев думал о Насте!

Он думал о том, как бы сложились их судьбы, если бы Настя осталась жива. Зверев понимал, что то, что произошло с ними в тот день на празднике, как-то повлияло на него.

*Смог бы он стать другим?*

Зверев постоянно задавал себе этот вопрос и не мог найти на него ответа. Туман рассеялся, Зверев поднял голову. По небу плыли облака, рядом в подтаявшем снегу копошились и громко чирикали нахохлившиеся воробьи.

---

notes
-------



## **Примечания**

Д. Михайлович – сербский военный деятель, возглавивший югославскую монархистскую организацию в годы Второй мировой войны.

С. Н. Балахович – военный и политический деятель времён Гражданской войны.

Лесные братья – вооружённые националистические формирования, действовавшие в 1940—1950-е годы на территории прибалтийских республик, а также в западных районах Псковской области.

**4**

МГБ – министерство государственной безопасности СССР.

«Der Stürmer» (дословно – «Штурмовик») – еженедельник, выходивший в нацистской Германии с 1932 по 1945 год.

Б. Е. Захава – российский советский театральный деятель.

Граф Альмавива – герой-любовник, один из ключевых персонажей трёх комедий Бомарше.



8

Помощник дежурного.

А. А. Власов – советский военачальник, в ходе Великой Отечественной войны перешедший на сторону нацистской Германии, решением суда признан изменником Родины, казнён.

Играть в лоб – то есть играть честно, без шулерских приёмов.

Коцаными стирами шпилить – играть мечеными картами.

Бобёр – солидно одетый человек, привлекательная жертва для карточного шулера.

**13**

Фаловать – уговаривать выбранную жертву для игры в карты.

Имеется в виду известная песня М. Табачникова на слова И. Френкеля «Давай закурим!»

«Эмка» – советский автомобиль ГАЗ-М1.



Данко – герой рассказа М. Горького.

Собирайтесь! Вы едете со мной! (нем.).

Быстрее (*нем.*).

Stammlager – общее название лагерей германских вооружённых сил времён Второй мировой войны (нем.).

Это и есть тот самый антиквар, о котором вы мне прожужжали все уши? *(нем.)*

Это он, оберштурмфюрер! Можете не сомневаться! (*нем.*)

Хорошо, унтершарфюрер, ступайте. Ваша миссия на сегодня закончена (*нем.*).

«Translanta» – немецкий табак, изготавливаемый фабрикой Martin Brinkmann.



Рита Хейворт – американская киноактриса и танцовщица.

ФЭД – серия советских дальномерных и шкальных малоформатных фотоаппаратов, производимых в 1934–1996 годах.

Мария Александровна Денисова-Щаденко – советский скульптор-монументалист, вдохновившая поэта на написание им поэмы «Облако в штанах».

Нильс Бор – датский физик, один из основателей квантовой механики. Харальд Бор – брат Нильса Бора, известный математик и футболист.

Лоферы – модель обуви без шнурков.

«Омакайтсе» – эстонская военизированная организация, действовавшая в годы Второй мировой войны на стороне Германии.

Цусимское сражение – последняя решающая битва Русско-японской войны (1904–1905), в результате которой русская эскадра была полностью разгромлена.

Бланковая – проститутка-одиночка, не прикрепленная к какому-либо дому терпимости.



Торпеда – исполнитель воровского приговора.

Клюквенник – вор, специализирующийся на кражах в церквях.

Капо – привилегированный заключенный в концлагерях Третьего рейха, сотрудничавший с нацистской администрацией.

Меня зовут не Веня, идиот! Угомонись и больше не ищи свою девку, потому что она сдохла (*нем.*).

Фиксатый (*жарг.*) – человек, имеющий вставные зубы или коронки на передних зубах.

Vile (*эст.*) – свисток.